

АЛЬМАНАХ
ФАНТАСТИКИ
И ФЭНТЕЗИ

№ 2
2014

ФАНТОГРАФ

№ 2 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

ФАНТОГРАФ

№ 2 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

ФАНТОГРАФ

Содержание

Алексей Провоторов	
Чувство долга	3
Долли	26
Сергей Фомичёв	
Чума болотная	47
Ирина Станковская	
Вторжение на Симмак	69
Марина Ясинская	
Фантограф	75
Алексей Жарков	
Ёрш	95
Майк Гелприн	
Почти разумны	107
Пальмира Керлис	
Дикие вещи	121
Двое — на выход	131
Василий Гавриленко	
У книги слабый корешок	139
Татьяна Бердник	
Карок	147
Ivanoff Андрей	
Художник	161
Эдуард Шауров	
Эдисон и компания	168
Страсти святого Дроя	181

Андрей Пустовойтов	
Агуманизм.....	197
Кристина Каримова, Ольга Корчёмкина	
Время выбора.....	203
Андрей Шевченко	
Хватит врать.....	224
И. А. Даль	
Три четверти.....	237
Олег Кожин	
Мой друг — дракон.....	248
Максим Черепанов	
Дорогое удовольствие.....	257
Часовые любви.....	269
Вячеслав Лазурин	
Клык-н-ролл.....	281
Михаил Пегов	
Космический мусор.....	296
Елена Елизарова	
Казнить нельзя помиловать.....	300
Дмитрий Карманов	
Предатель.....	309

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

Р89

Серия «Альманах фантастики и фэнтези»

Главный редактор *Александр Прокопович*

Соредакторы: *Никита Епифанов, Андрей Серебряков*

Редколлегия: *Ирина Епифанова, Филипп Бастиан,*

Екатерина Серебрякова

Рисунок на обложке Марины Акининой

© Авторы, 2014

© Литературное бюро Silverbook, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

ЧУВСТВО ДОЛГА

Усталость догоняла меня, догоняла и настигла, когда до моста оставалась всего миля. Я остановил лошадь у полосатого дорожного столба и, обернувшись, молча взирал на причину моей усталости. На ней была белая фарфоровая маска и алый корсет с золотой шнуровкой. Низкое солнце укоризненно смотрело мне в затылок, Липа смиренно переступала с ноги на ногу. Мы с ней и не пытались сопротивляться.

Беллатристе подъехала ближе, на своём чёрном тяжёлом коне, и, как всегда, я ничего не увидел в прорезях на белом фарфоре. Иногда я сомневался, что у неё вообще есть глаза.

Верёвка на шее, грязная от долгого ношения, вроде и не давила, но дышать стало почти невозможно. Она безмерно надоела мне за всё это время. Но мост оставался всё так же недостижим, как если бы до него была тысяча миль, а не одна.

— Ты не сможешь убежать, пока не вернёшь долг,— сказала Беллатристе своим бесцветным, шелестящим голосом. Я представил почему-то, что за маской действительно нет ни глаз, ни лица, только фарфоровый пыльный лабиринт, в котором ветер рождает звуки, похожие на человеческую речь.

Будь неладен тот час, когда я задолжал тебе, Беллатристе!

— Я хотел попробовать,— ответил я.— В этот раз мне удалось забраться дальше.

Слова давались мне с трудом, руки ослабли, слюна сделалась холодной и вязкой.

— Отдай долг и езжай хоть на полюс. Это просто.

— Будь это просто, я не пробовал бы сбежать,— ответил я.— Хватит, Трис. Я уже понял.

Я знал, что она терпеть не могла тех, кто называл её коротко. И никогда не отказывал себе в этом маленьком воздаянии.

Беллатристе кивнула, сделала какое-то движение пальцами, и я вдохнул полнее. Покалывающая волна нехотя расплзлась по телу, свежая, но неприятная, как грязноватый паводок после дождя. Успокоилась дрожь, а после второго вдоха и вовсе прошла.

Усталость отступила. Но в любой момент Беллатристе могла снова показать свою власть.

— Трис, я же правильно понял? — спросил я.

Пустой взгляд и лаконичный кивок. Конечно, правильно. Я нервно сжал пальцы.

— А может, есть какой-то другой способ? Что угодно, Трис, только не это. Я не хочу приближаться к Шиверу.

— Хочешь,— сказала она, медленно, со скрипом перчатки, потирая большой палец руки об указательный. Верёвка, абсолютно неподвижная, каким-то образом снова перехватила мне дыхание, и ком в горло моментально вернулся. Кулак мой разжался, и руки бессильно повисли плетями.

Всего миля оставалась до моста. Одна короткая миля, чтобы у меня появился шанс снять верёвку. Не вышло.

Беллатристе молча смотрела на меня. Матовые отблески застыли на её неподвижной маске.

Я отдам тебе долг, подумал я. Только бы больше никогда тебя не видеть!

— Ладно,— сказал я коротко.— Я поеду, Трис. Шивера я, по крайней мере, не знаю, а тебя я уже не могу видеть. Извини.

Она снова кивнула, согласно и неторопливо.

Я отвернулся, выплюнул тягучий комок, чувствуя покалывание в оживающих конечностях. Как вышло, в тысячный раз спросил я себя, что я позволил сделать со мной такое?

Ответ получился бы долгим, да и ничего бы не изменил.

— Шивер скоро проедет по Сизому тракту. Если ты перестанешь тратить время на побегушки,— Трис говорила ровно, тихо, наклонив почему-то голову,— то сможешь с ним повидаться.

У него есть шанс вернуть свой долг, а у тебя — свой. И все вы будете довольны.

— А почему ты сама не можешь забрать у него долг? Ты или твои с-с-сёстры?

— Я уже говорила.

— Может быть. На ходу и жуя пирожок. Честно говоря, я ничего не понял. Ладно, про пирожок я пошутил. Он не пролезет в ту прорезь.

— Ты удивился бы... Впрочем, ладно.— Беллатристе повернула ко мне лицо — девичье фарфоровое лицо — и я поёжился.— Этот долг не может быть отдан из рук в руки. А у Шивера слишком много гордости, чтобы прислать с ним кого-то. Он первым делать шаг не будет. На нём ведь нет долговой верёвки, как на тебе. Если тебе удастся убедить его вернуть долг, то я засчитаю тебе твой. Вот и всё.

— А что он тебе должен?

— Не мне. Нам.

— Вам. И?..— Беллатристе никак не отреагировала.— Деньги? Алмазы? Клюв грифона? Кровь одноногого единорога, пролитую в полнолуние за обеденным столом?

Ответом снова была тишина. Чёрный конь Беллатристе размеренно бухал копытами, Липа смирно шагала рядом. Приблизился Сизый тракт.

Я помолчал, потом продолжил, потому что от вида молчащей Беллатристе мне делалось не по себе.

— Я полгода работал у тебя сборщиком податей. Меня ненавидит уже вся округа. А теперь мне нужно ещё и выбивать долги у бешеного некроманта,— сказал я, надеясь услышать про Шивера хоть что-то сверх того, что я о нём знал.

— Шивер не некромант,— сказала Беллатристе, снова глядя перед собой.— Он нечто другое.

— А в подробностях? — спросил я.— Не будь туманна, как ярмарочный провидец.

— Он может оживлять неживые вещи по подобию живых существ. Если у него есть какие-то части этих существ.

Я приготовился было слушать дальше, но на этом Беллатристе опять замолчала. Я пожал плечами.

— Не вижу разницы,— сказал я.— Мне он всё рано не нравится.

— Хватит,— бесцветным тоном сказала Беллатристе.— Мы уже всё обсудили.

Я закусил губу и замолчал.

Наконец, когда дорога повернула к лесу и упёрлась в брусчатый тракт, Беллатристе остановила своего коня и небрежно указала мне на дальний лес. Её чёрные, волнистые волосы матово блеснули под светом проглянувшего солнца, но блеск их даже сейчас казался холодным.

За лесом, синие сквозь толщу воздуха, высились косые скалы предгорий Ташира, а над ними, подсвеченная закатом, висела, словно сама по себе, невысокая вершина ближней горы. Из тех мест в леса иногда забредали странные звери, которых давным-давно больше нигде нельзя было повстречать.

Я поехал вперёд, не остановившись и не обернувшись. Лес за трактом уже не принадлежал сёстрам Ранд, но бежать в ту сторону не было смысла — Беллатристе, как всегда, почувствует возросшее расстояние между ней и её проклятой верёвкой и быстро прекратит мои попытки. А реки в той стороне не было.

Я собирался подождать Шивера в предлесьях. Спустя четверть часа я остановил Липу меж желтеющих осин и серебристых тополей, растущих по сторонам от дороги. Спешившись, я проверил зачем-то, как вынимается клинок из ножен. У меня был простой меч, не имеющий имени, и я никогда не управлялся с ним слишком уж хорошо.

А вот Шивер, если верить слухам, своим владел безупречно.

Долго стоять мне не пришлось. В тишине, нарушаемой только шумом ослабевшего ветра, слышался стук копыт, пока ещё далёкий. Я замер, ожидая, и, чем ближе он становился, тем меньше мне нравился.

Он был странный, какой-то тихий, хромой. Я вслушивался, пытаясь понять, что меня так настораживает в нём. Казалось, что это не топот конских копыт, а поступь какого-то гораздо более лёгкого животного. Или механизма — стук был настолько выверенным, мерным и ровным, что, наверное, мог ввести всадника в транс. На три слабых удара приходился один совсем глухой короткий стучащий звук. Мне почему-то представилась

вспоротая, выпотрошенная лошадь с пустыми побелевшими глазами, одна нога которой была обглодана до кости, и буйно-помешанный белолицый некромант в бесформенном чёрном плаще, с глазами такими же мёртвыми, как и у лошади. Меня пробрала жуть.

Но, прежде чем я успел об этом задуматься, я увидел и коня, и всадника, въехавших под сень рощи, и оторопел.

Шивер был высок, худ и беловолос. Он ехал верхом на подобии коня, скрученном из линялых бело-золотистых соломенных жгутов, перевязанных пеньковыми верёвками. В соломенные манжеты трёх ног были вставлены настоящие конские кости, кости ног с копытами, и только вместо задней левой была привязана простая, расщепившаяся уже, палка.

Мотнув головой, я выбрался на дорогу, глубоко вдохнул и положил руку на рукоять меча, как будто он мог мне помочь.

— Шивер! — позвал я. — Остановись, я от Беллатристе Ранд!

Соломенный конь, гротескный, но самый настоящий, остановился в трёх шагах от нас с Липой.

Всадник смотрел на меня молча, и крошечные зрачки его белых выцветших глаз пульсировали в такт ударам сердца.

— Ранд... — сказал он наконец, приоткрыв тёмный рот. — А ты и сам, я вижу, ей должен! — Он указал корявой длиннопалой рукой на верёвку на моей шее. Голос у него отчего-то был радостный.

— Поэтому я и здесь, — буркнул я. Никакого выпотрошенного коня не оказалось, и я почувствовал себя чуть увереннее. — Беллатристе сказала, что ты можешь отдать мне то, что должен, и на том быть свободен.

— Вон оно как, — сказал он, помолчав. — Отдать тебе...

— Ага, — подтвердил я. Моя уверенность в том, что он ничего не собирается мне отдавать, почему-то крепла.

— Тебе — не могу. Так что отдам кому-нибудь другому, — заявил колдун и радостно засмеялся, словно какой-то забавной шутке.

И его соломенный конь, стоявший, как огородное пугало, поднял ногу.

— Стой, — испуганно окликнул его я. — Почему?

— Это долго. Понимаешь,— начал он,— за мной гонится Данце, а все знают, что он наёмник не из простых. Я бежал так, что загнал коня. В Блоерде я выгадал немного времени, чтобы сплести себе нового. По счастью, я отобрал три мосла у стаи собак. Четвёртый они мне не отдали, да и собак не удалось раздобыть,— он противно ухмыльнулся,— но коня я, как видишь, сделать успел. Мне нужно спешить. А отдать то, что я должен,— не так-то быстро.

— Э нет,— ответил я.— Это мой последний шанс расплатиться с Ранд. Если надо, я задержу Данце, но долг ты отдашь сейчас.

Шивер рассмеялся скачущим, неровным смехом. Зрачки его немигающих глаз продолжали мерно пульсировать.

— А как ты умудрился влезть в долги к Беллатристе? Сам или купил?

— Купил,— буркнул я.

— Вот что, парень,— сказал Шивер.— Данце ты не удержишь и на секунду, и ничего я тебе не отдам. А когда он настигнет меня, у меня будет что ему предложить.

— Я тебя не отпущу,— сказал я, свирепея и теряя остатки осторожности.

— Ну тогда лови,— ответил он, пожав узкими плечами, и его соломенный конь без предупреждения сорвался в галоп.

Липа попятилась и заржала, и, выругавшись, я пустил её в погоню за Шивером.

Лес, тёмный, отороченный ржавой позолотой осенней опушки, вырастал впереди. Мы приближались к съезду, ведущему с тракта в чащу, и я не удивился, когда далеко впереди меня Шивер свернул именно туда.

Ветер с запахом дыма шумел в верхних ветвях. Сизые тени выстилали низины, багровая листва дождём падала вниз, летела в лицо, ложилась под копыта Липы. Только мы набирали хорошую скорость, как нужно было сбрасывать её на изгибах узкой дороги, и всё чаще Липе приходилось шагом переступать узловатые корни, заплетавшие землю. Я потерял Шивера из вида — его коню было всё равно, он ведь не рисковал сломать свои обглоданные ноги. Видно, колдун решил скрыться от Данце в лесу. Хотя для него, с его конём, это казалось несколько странным.

Впрочем, меня больше занимало то, что я буду с ним делать, когда — или если — я его настигну. Ответов у меня не было. Была только усталая злость, и злился я в основном на себя — за то, что ввязался в эту бесконечную историю. Больше всего меня удручало, что я, в общем, не был ничего должен сёстрам Ранд лично. Долг Беллатристе — как метка, как переходящий стяг. Как лот на аукционе. И я купил его по собственной воле, так что мне некого было винить, хотя и хотелось.

...Вскоре я понял, что Липа шагает уже медленнее, чем шёл бы я, и спешился.

— Выбирайся обратно, девочка, — сказал я Липе и хлопнул её по крупу. — Теперь моя очередь.

Она была умной лошадкой, и я знал, что она подождёт меня у опушки. Так что я развернулся и побежал. Сначала медленно, а потом всё скорее и скорее.

Я бежал так быстро, как только мог бежать по лесу, перепрыгивая корни, взрывая лежалые многолетние листья, наклонив голову и прикрываясь рукой от яростно хлеставших веток.

Через какое-то время дышал я уже открытым ртом, проглатывая куски бесполезного воздуха, в боку начало колоть, сначала короткой тупой иглой, а потом длинным шилом, мышцы ног сводило. Но я бежал, потому что видел следы Шивера. Растрепавшуюся солому, которую терял его конь, пробираясь сквозь заросли.

А потом я увидел самого коня. Упавший на бок, брошенный, он большой игрушкой лежал поперёк тропы. Над его ногами уже вились какие-то мошки.

Я перебрался через него и пошёл дальше. Шивер просто должен уделить мне время после такой упорной погони, думал я. Просто должен. А если не уделит, тогда я достану свой меч и набьюсь на драку. И будь что будет. Я был слишком зол, чтобы думать о последствиях.

Шивер совершил ошибку, оставив коня. Дороги здесь больше не было, но и такого бурелома, какой остался позади, — тоже. Начинался ровный, просторный лес с высокими старыми деревьями, а впереди видна была освещённая солнцем поляна.

Бересклет и терновник перекрывали мне путь, и я прошёл чуть вправо, отыскивая проход. Тихо-тихо, потому что на поляне кто-то был.

Обнаружив просвет, я вдохнул поглубже и выломился на простор из кустарника, обнажив меч.

Поляна была невелика, и у дальнего её края девушка, собиравшая дрова, замерла и оглянулась на меня.

Она была темноволоса, волосы до плеч, а её рука лежала на рукояти большого ножа в ножнах у пояса.

— Хенн! — воскликнул я, опуская меч.

— Джером, — сказала она, медленно разжимая пальцы и вставая с колен. — Вот уж кого не думала тут увидеть. — Она улыбнулась.

Я поморщился. В её обществе я всегда чувствовал себя неловко.

— А я тут дрова собираю. Моя сторожка недалеко. Зайдёшь в гости?

— Нет уж, спасибо, — сказал я.

Она посерьёзнела.

— Почему ты всегда такой мрачный, Джером? — спросила она.

— Не всегда, — ответил я.

— Да я знаю. Это только когда я с тобой разговариваю.

Я отмахнулся от её слов, пряча клинок в ножны.

— Хенн, здесь никто не проходил? — спросил я. Голос после гонки был хриплым.

— Проходил, — ответила она, внимательно глядя на меня большими серыми глазами. Это была крупная, рослая девушка с округлыми чертами. Губы и глаза у неё были чем-то подведены даже в лесу. Я не ожидал её тут встретить, но почему-то отчасти был даже рад. Впрочем, ничего удивительного в том, что она была здесь, я и не находил — охотники тут не были редкостью.

Собственно, в её занятии и крылись истоки моего к ней отношения — мне претили её жизнерадостные рассказы о том, как она завалила лося ради рогов, как охотилась на тощих, едва вернувшихся по весне гусей или натаскивала собаку на пёстрых диких утках. Я никогда не говорил ей, что мне неприятны её разговоры, но давал это понять достаточно прозрочно.

— Ты его видела? — спросил я.

— Только мельком, но я слегка понервничала. А кто это?

— Это некромант Шивер,— сказал я.— И он мне нужен.

— Шивер? — Глаза её округлились.— Тот самый?..

— Да. Разоритель Кимангару, чернокнижник, неплательщик налогов и разбойник в розыске. Всё как полагается.

— Ого.— Хенн настороженно оглянулась.— А ты что здесь делаешь и зачем он тебе?

— Пошли, расскажу. Куда он, говоришь, пошёл? — переспросил я, стараясь отдышаться. Мне тяжело было продолжать погоню, но очень, очень хотелось его настичь. Я был взвинчен и не хотел думать о том, что в схватке он, скорее всего, меня одолеет.

— Пойдём,— сказала девушка.— Вообще-то он двигался в сторону сторожки. Я рада, что ты меня проводишь.

Я забрал у Хенн дрова, и мы покинули поляну. Она указывала мне путь.

— ...Однажды, когда я нуждался в деньгах — а ты знаешь, такое со мной бывает достаточно часто,— один человек предложил мне купить у него долг. То есть он давал мне деньги, но за это я должен был выполнить его долговое обязательство перед ведьмами Ранд.

— Они вроде бы не ведьмы,— сказала Хенн,— а колдуньи.

— Да неважно. Важно то, что без применения магии эту проклятую долговую верёвку нельзя снять. Её можно только продать кому-то другому. Но я не могу даже попробовать, сёстры не отпускают меня далеко.

— А тот парень, что её тебе продал? Он же как-то от них выбрался?

— Да, он сбежал через реку. Но снять верёвку не смог. Впрочем, достаточно было того, что он нашёл, кому её продать. Беллатристе Ранд явилась вскоре, и я не успел добраться до... так сказать, человека, который снял бы верёвку за очень умеренную плату. Я надеялся на него и проиграл. Всё из-за нехватки времени.

— А при чём здесь Шивер?

Вдали застрекотала сорока — очень-очень далеко впереди. Мы замерли, прислушиваясь, но она вскоре затихла.

— По иронии,— сказал я,— моя обязанность у Ранд — собирать долги. Налоги, займы и всё такое прочее. Шивер им должен.

— Я так поняла, что возвращать долг он не спешит.

— Да, он спешит в другую сторону,— ответил я и замолчал.

Хенн молчать долго не могла. Спустя полсотни шагов она опять начала разговоры про охоту:

— Тут хоть самой в долги залазь. Надо себе хороших собак. Не одну, а три... На птицу натренировать, и, кстати, две хорошие собаки могут держать кабана на растяжке, можно подойти и просто ножом его зарезать...

Я не перебивал Хенн, и она вошла во вкус, продолжая описывать свои охотничьи мечты и воспоминания. Я надеялся, что она замолчит, если не поддерживать разговор, но она почему-то всегда любила болтать в моём присутствии.

— ...О, однажды мы тут на кабанов охотились! Я, Кресса, Сивальд, брехло ещё... Ну ты его не знаешь... Стадо было голов двадцать! Мы тогда всех положили, тут от крови мокро было, как на болоте, честное слово...

— Хенн,— не выдержал я.— Избавь меня от подробностей. Я не люблю охотников, ты знаешь.

Хенн, увлечённая своим рассказом, как раз остановилась перевести дух, и при моих словах глаза её как-то потухли.

— Извини, Джером,— сказала она.

— Ну правда, Хенн.

— Почему ты всегда зовёшь меня по фамилии? Ты не помнишь, как меня зовут?

— Помню — Ида. Мне так привычнее.

Хенн шмыгнула носом и замолчала. Наконец-то, подумал я.

Впереди снова затрещала сорока. Явно заметила кого-то. Дубы вокруг поредели, стали ниже, но раскидистее. Закатное солнце сквозь тучи окрасило медью полнеба.

Хенн, видимо, быстро надоело молчать, и она негромко спросила:

— А ты не боишься его? Он же жуткий тип. Я старалась не шевелиться, когда его заметила.

— Ты ещё его коня не видела,— ответил я.— Он умеет оживать лошадь имея от неё только ноги.

Хенн резко остановилась.

— Что такое? — спросил я, глядя в её озадаченное лицо.— Что?

— Джером,— сказала Хенн.— Мне это не нравится. Он идёт в ту сторону, а у меня там два чучела, и они полностью готовы.

Меня передёрнуло. Она ещё и чучелами занимается, подумал я. Не хватало, чтобы Шивер выпустил нам навстречу какого-нибудь волка с песчаным нутром.

— Не скажу, что рад. Это хищники?

— Всеядные,— буркнула Хенн.— Кабан, вот только закончила, и... второе...

Сорока затрещала впереди ещё раз, на таком же расстоянии. Значит, нам надо было идти быстрее. Если, конечно, птица ругалась на Шивера, а не на какое-нибудь зверьё.

— Ладно,— сказал я.— Будем надеяться, он твой шалаш не найдёт.

Мы ускорили шаг. Мне совсем не нравился такой поворот событий. Несколько потусторонняя природа происходящего, видно, не давала покоя и Хенн.

— Ты когда-нибудь пересекался с чем-то таким? Страшным? — спросила она, глядя вдаль по лесной дороге. Тихо тянувший ветер доносил до нас горький запах осенней листвы, дыма и сухой травы.

— Да,— ответил я, вспоминая.

...Это были дикие леса, где ясными ночами седые призрачные псы, видимые только в лунном свете, рыскали между замшелыми стволами, и я пробирался через эти места, ибо ничего другого мне тогда не оставалось.

Перед самым закатом я увидел девушку. Она лежала, согнув спину, на боку, на поваленном стволе. Худая и черноволосая, она то ли спала, то ли ей было плохо. Я шагнул к ней и окликнул.

Она начала оборачиваться, и прилипшие к стволу волосы потянулись клейкими нитями, а выпирающие позвонки стали раскладываться с влажными щелчками. Она оборотила ко мне длинную белую морду — высокая, безглазая, с шевелящимися отростками вместо ногтей, и я, ошпаренный ужасом, попятился и побежал...

— Да,— повторил я и добавил, не желая вдаваться в подробности: — Но я не знаю названия той твари.

— А я однажды повстречала Долгую Ведьму,— сказала Хенн.

— Ого,— сказал я, помолчав.— И как?

— Когда смотришь на неё, она кажется небольшой, сухонькой, но ты понимаешь, что у человека не бывает таких пропорций. А когда оборачиваешься, убегая, то она огромна.

Я присвистнул.

Мы вышли из-за поворота и увидели, что на дороге стоит кабан.

В первую секунду Хенн не испугалась, потому что по привычке увидела в нём добычу.

Потом она поняла, что это такое на самом деле.

Я рванул влево, она вправо, выхватывая нож.

Тяжёлая туша ринулась вперёд, хруст пересохших сухожилий потонул в треске ломаемого сухостоя. Он двигался так же быстро, как живой. На мгновение я ясно увидел крутой бок, покрытый тусклой безжизненной щетиной, время словно споткнулось и тут же снова понеслось вскачь.

Хенн отскочила спиной к дубу, но забраться на него не успевала. Она присела, делая выпад ножом, кабан обогнул её по дуге и с крутым заносом обежал дерево. Я припал к земле перед прыжком вперёд.

Кабан был страшен. Застывшая в оскале огромная харя не шевелилась, и теперь казалось странным, что мы даже на мгновение могли принять его за живое существо. Он не дышал, двигая лишь ногами, и это странное зрелище, сродни механическому театру, гипнотизировало. Длинное горбатое рыло, низкий лоб, тёмная сухая пасть — это было обличье мертвеца.

Когда сражаешься с животным, то сталкиваешься с его яростью, эмоциями, понимаешь его действия. Это же была просто машина, движимая какой-то потусторонней мощью, и нам оставалось только погибнуть либо уничтожить это.

Тускло блеснули стеклянные шарики, вставленные вместо глаз. Кабан рванул к Хенн, а я — к нему, оттолкнувшись ногами из-за всех сил и выдирая клинок из ножен.

Я опоздал на полсекунды. Кабан пригнул голову, нырнув под нож Хенн. Она вонзила его ему в бок, не выпуская из руки, и лезвие с треском пропороло длинную борозду в шкуре. С ужасающей стремительностью кабан скользнул позади Хенн, походя разорвав ей клыком артерию под правым коленом.

Кровь хлынула багровым фонтаном, Хенн надломилась, как скошенная трава, и, выпустив бесполезный нож, упала в листья.

Он развернулся ко мне в тот момент, когда я с силой опустил клинок, разрубая ему шею прямо за ухом.

Я выдернул меч из пустой раны прежде, чем он повернулся ко мне, и ударил изо всех сил, развалив рыло надвое.

Он прыгнул на меня, и я упал, пропуская его над собой. На меня падал песок. Я перебил ему ногу в прыжке, и, когда он приземлился, я перевернулся и глубоким выпадом подсёк ему заднюю.

Кабан завалился на бок: перебитые ноги не выдержали.

Он пытался подняться, молча, не издавая никакого звука, кроме шороха сминаемых листьев, и не смог. Я отрубил ему ещё одну ногу — просто так, на всякий случай, и он замер. Не умер — умер он уже давно — а просто перестал двигаться, превратившись в испорченное чучело. Мне сделалось как-то до тошноты жутко, когда я подумал, что он снова может начать шевелиться в любой момент.

Я отвернулся от него и бросился к Хенн.

Она пыталась сесть, оперевшись локтем о землю, стараясь зажать рваную рану непослушными пальцами. Кровь уже не хлестала, но продолжала обильно течь. Я бросил меч, схватил её нож и разрезал штанину, отхватив нижний кусок. Затем я перетянул её бледное, окровавленное бедро выше раны, так туго, как смог. Я ничего не смыслил в ранениях, понимал только, что ей сейчас плохо. Она вся была бледной, белизной лица почти сравнявшись с масками проклятых Ранд. Тёплый металлический запах крови стоял над поляной. Листья под Хенн покрыла глянцевая красная плёнка.

Я поднял её и прислонил спиной к стволу. Пот выступил на её висках и над верхней губой, глаза подрагивали под опущенными веками.

— Джером, — позвала она тихо.

— Что, Хенн? Сиди тихо, сейчас я...

— Джером. — Хенн подняла руку, взяла меня за затылок перепачканными пальцами, оставляя кровь на моих волосах. — У меня там чучело медведя. И если... Мы отсюда не выйдем.

— Какого медведя? — спросил я, холодея.

— Пещерного.

Я сжал зубы. Когда Шивер оживит медведя, то получит боевую машину более страшную, чем медведь живой.

Конечно, он вооружался не против меня. «Когда Данце достигнет меня, у меня будет что ему предложить». Я просто не вовремя попал между молотом и наковальней, и теперь за меня расплачивалась Хенн.

— Возьми мою сумку.— Хенн облизнула губы, её начала колотить мелкая дрожь, щёки пошли пятнами, словно её кто-то держал за лицо безжалостными холодными пальцами.

— Хенн, мы успеем. Я подниму тебя на дере...

— Не перебивай меня, я и так плыву.

Я замолчал, слушая.

— У меня в сумке есть ламповое масло. И огниво есть. Он... Там не песок, опилки. Сожги его, Джером. Прости меня, это я виновата.

Рука её упала без сил, голова склонилась, закатились глаза, обнажив узкую полоску белка под опустившимися ресницами. Хенн потеряла сознание.

Я нашёл то, что мне было нужно, быстро, содрогаясь от каждого хруста в лесу за спиной, и, потратив минуту на поиски подходящей палки, соорудил жалкий факел из обрезков льняной штанины Хенн, пропитанных маслом. Трут, найденный в сумке вместе с огнивом, я примотал туда же, кресало и потёртый кусок кремня сунул в карман и пошёл вперёд по дороге.

Я понимал, почему охотница тогда замяла разговор о втором чучеле. Пещерный медведь был редким зверем — из тех, что почти уже не ходят по земле, и охота на него не приветствовалась. Тем более она не хотела говорить мне. Я вспомнил, как одёрнул её, когда она заболталась, и мне стало не по себе. Теперь я не знал, услышу ли когда-нибудь ещё её голос.

Погода быстро портилась, со стороны тракта накатывала влажная мгла, поглотив заходящее солнце, приближая и без того скорые сумерки.

Не знаю, как Шивер нашёл сторожку Хенн,— я отыскал её по следам мёртвого кабана. Узкое окно в ближней стене было

распахнуто. Под навесом лежали дрова и стоял тяжёлый стол, на стене небольшого сарая висели какие-то сумки, в посыпанном солью буром пне косо торчал топор. Оборванная верёвка коновязи валялась на земле.

Ничего удивительного в том, что конь Хенн сорвался с привязи, я не видел. Я сам готов был бежать со всех ног.

Чучело пещерного медведя казалось огромным, как холм.

Боги были мне свидетелями — он шёл на задних лапах. И был вдвое выше меня. Гигантская, чудовищная туша с мерной походкой голема.

Хенн, конечно, оставила все клыки и когти на месте. Медведь смотрел на меня тусклыми стёклами глаз. Его огромная голова весила, наверное, больше, чем весь я.

— Шивер! — заорал я. — Шивер, прекрати!

Шивер и не подумал прекращать. Он стоял, прислонившись к сторожке рядом с дверью, и жевал травинку, скрестив руки на груди.

Медведь упал на переднюю лапу, накрест ударив меня второй, и земля содрогнулась. Он был гораздо быстрее настоящего, живого пещерного медведя, увальня, любившего ягоды и рыбу.

Каким-то чудом я успел отскочить в сторону, футовые когти вспороли землю у моей ноги, второй удар я парировал клинком. Металл скрежетнул по кости, руку отшвырнуло в сторону, и мёртвый зверь прыгнул вперёд, разинув пасть. Я выронил факел и сделал отчаянный выпад.

Лезвие пробило зверю нёбо, меня мотнуло, челюсть лязгнула, обрушившись на металл в дюйме от гарды. Меня спасло то, что мои пальцы не разжались, и удар не вывернул рукоять из рук.словно рыцарь, пронзённый копьём, я повис на собственном клинке, торчащем изо рта медведя.

Он дёрнул головой, ударяя меня о землю. Меч двинулся в пробоине, и я выдернул его, потянув запястье. Мне оставалось только отступать, защищаясь.

Он ударил точно так же, как в первый раз, и я нанёс встречный удар в надежде отрубить ему когти.

Куда там! Они были едва ли не прочнее моего меча, который я еле удержал. Медведь не издавал ни звука, и мне стало страш-

но, как никогда раньше. Я слепо шарахнулся в сторону вдоль стены, и его пасть щёлкнула в каком-то дойме.

Я увидел совсем близко свой факел. Наверное, в схватке кто-то из нас задел его, и он отлетел к стене. Я схватил его левой рукой и швырнул в окно, а потом сам бросился туда же.

Зашибив плечо, я прокатился по полу. Дом содрогнулся — медведь ударил в стену.

Я на коленях подполз к факелу, сунул левую руку в карман.

Новый удар сотряс сторожку, с треском и скрипом вылетела входная дверь, подались брёвна, и дом стал заваливаться. Чучело влезло в комнату, заполнив собой сразу весь её объём. Гигантская башка медленно тянулась ко мне, изо рта сыпались опилки, а крутые бока протискивались сквозь дверной проём, раздвигая брус.

Тогда я в отчаянии ударил куском кремня по кресалу. Тонкий сноп жёлтых искр брызнул на промасленную ткань факела, и она загорелась.

Медведь не остановился. Я отшвырнул камень и схватил факел, ткнув сначала в застывшую мохнатую морду с жуткими алыми отражениями в маленьких глазках, а затем — в закопаченную мхом стену.

Тут постройка не выдержала, низкий потолок начал оседать, привалив зверя-мертвеца, с чердака посыпалась какая-то пересохшая солома. Я поджёг и её, и она сразу занялась, давая клубы густого жёлтого дыма.

Медведь попятился, и дом осел ещё больше, просто разваливаясь на части. Я бросился к окну и буквально выпал на сухую осеннюю траву.

Он вывалился наружу весь в дыму. Шерсть на лапах горела, в пасти, на просыпавшихся опилках, плясало пламя. Я рванулся к нему, полоснув мечом мохнатый бок, и ткнул в сухую, полную опилок рану пылающую головню факела.

Он горел быстро, очень быстро. Передние лапы, подождённые ещё в доме, и так уже почти перегорели. Он упал на спину и принялся кататься по земле, пытаясь загасить огонь, но только сильнее запылало брюхо.

Я стоял и смотрел на этот погребальный костёр, навсегда упокоивший огромное, сильное животное. Собирался дождь, и я надеялся избежать лесного пожара.

Первые капли упали передо мной, потом на мой разгорячённый лоб. Рука разжалась, изогнутый, потускневший, мой меч упал на ржавые листья. Я со стоном присел и поднял его. Он весил как целый мир.

Темнело, и я нигде не увидел Шивера. Впрочем, он уже не слишком заботил меня, мне нужно было вытаскивать Хенн. Липа оставалась на опушке, и у меня был маленький шанс добраться до неё. На то, что вернётся конь Хенн, надежды было и того меньше.

Но, как только я сделал шаг к дороге, худая высокая тень отделилась от ствола ближней осины.

Усталость и злость одновременно сдавили мне горло, как проклятая верёвка.

— Шивер,— сказал я.— Уйди прочь.

— Ты гонялся за мной только для того, чтобы прогнать подалее? — Колдун положил руку на рукоять клинка, который носил у пояса, и двинулся ко мне. Я отступил на шаг, одновременно чувствуя спиной жар пламени и лицом — прохладный ветер наступающей ночи. Рыжие отсветы и синие тени делали черты его лица зыбкими и неуловимыми.

Дальше я отступать не стал.

— Там умирает Хенн. Помоги мне или дай мне пройти.

— О, её так зовут? Дурочка, думала, что я не заметил её там, на поляне. Это её кабан постарался?

— Надеюсь, Данце снесёт тебе голову,— ответил я.— А теперь уйди.

— Извини, парень,— сказал Шивер.— Я немного приврал, когда сказал про Данце.

Я закусил губу.

— Так чего ты бежал, как от огня?

— Вообще-то мне сюда и нужно было,— сказал он.— Здесь вечно бродят охотники, а, как ты знаешь, куски животных мне очень подходят. А чучельница — вообще удача.

— Заткнись,— попросил я.

— Ну почему? Вполне справедливо,— сказал Шивер радостно.— Ей, значит, можно убивать кабана, а кабану её — нет?

— Это сделал не кабан,— ответил я, чувствуя, как мой голос дрожит от негодования.— Это сделал ты.

— Вас становилось как-то слишком много.

— А зачем ты соврал мне? Про Данце?

— Чтобы ты погнался за мной,— сказал Шивер.— Тракт — место проезжее. Нужно было заманить тебя сюда.

— Зачем?

Некромант улыбнулся.

— Ты понимаешь, что магия долга — сильная вещь. А сердце должника, парень,— очень сильный ингредиент. Сердце человека, на котором лежит бремя долга, добытое в уплату другого долга,— ещё более сильный. К примеру, долговая верёвка, что у тебя на шее, не могла быть сделана без его применения.

Ощущение, похожее на удар грома — только полностью безмолвное,— припечатало меня, обездвижило, зажало рот невидимой ладонью. Значит, Беллатристе отправила меня к Шиверу, как ягнёнка на заклание. Сердце должника, отданное в уплату долга... Вот почему она не могла взять этот долг своими руками: убей она меня или Шивера, она разрушила бы эту ужасную магию.

Получалось, что либо я уплачу свой долг, убив Шивера, либо он свой, убив меня. Беллатристе оставалась не внакладе — видимо, свою полезность у неё на службе я исчерпал.

Но вырезать сердце у Шивера я не собирался, да я и не знал про эту магию.

Значит, Беллатристе ставила не на меня.

Тварь.

— Молись, Шивер,— сказал я.— Кажется, у меня тоже есть шанс расплатиться.

— Если я начну молиться,— сказал он,— у тебя кровь пойдёт из ушей от тех имён, которые я назову.

Я поднял меч.

Шивер вытащил оружие. Простая чаша гарды из тёмного металла казалась очень глубокой — какая-то дыра в реальности, многомильная труба, из которой торчал игольно тонкий клинок,

на конце, казалось, истаивающий в туман. Я не стал присматриваться.

Он атаковал, клинок со свистом рассёк воздух. Наваждение бездны спало, хотя тонкий шлейф тумана прочертил сумрак вслед за кончиком лезвия. Я парировал удар.

И следующий, и ещё один, и ещё. Его скорость меня пугала.

Я сражался с таким ожесточением, что треугольники выщербленного металла кружили в воздухе, как стальная метель. Я не жалел меча. Мышцы горели, скользящие выпады Шивера пробивали пространство влево, вправо, вверх, вниз от моего тела, но целых полминуты я отбивал его удары, не позволяя лезвию коснуться меня.

Усталость, отвращение, страх и ярость слились в одно невыносимое ощущение. Искры летали в полумраке, скрипуче кричала проснувшаяся сова.

Но у меня почти не было сил. С ужасом я понял, что движения мои замедляются, и несколько секунд спустя он достал меня в первый раз. Я прикрылся левой рукой, и обжигающий удар рассёк мне запястье. Хлынула кровь — сразу и много.

Я отступил и пропустил укол в плечо. Мне показалось, что у меня кружится голова, но тут же я понял, что вижу какое-то движение в лесу.

Я отбил следующий удар — просто повезло — и краем глаза снова заметил тень позади него. Ни быструю ни медленную человеческую тень, приближавшуюся к нам.

Он ударил мимо моего клинка, и жгучая боль полоснула шею, с короткой вспышкой искр распалась угодившая под магический клинок долговая верёвка, кровь хлынула из раны, левая рука вдруг стала совсем горячей и неповоротливой, и я упал на колено.

Его меч взвился, норовя перебить мне горло, но тут какая-то сила рванула Шивера назад, так, что он перекатился через лопатки.

Тёмная тень, в плаще цвета сумерек, встала между мной и колдуном, в левой руке тени был зажат меч. Его лезвие метило Шиверу в шею.

Человек был высок и широкоплеч. В отвесах огня я не разглядел лица — только стальной клин маски с крестовидной прорезью. Это был охотник за головами.

— Данце? — изумлённо спросил Шивер. — Ты?..

— А что тебя удивляет? — без особого интереса спросил наёмник.

— Ты же сказал, что врёшь, — просипел я, поднимаясь на ноги. Голова кружилась, кровь текла из ран в четыре ручья.

На меня никто не обращал внимания.

— Ты сжёг весь урожай в Кимангару, шантажировал старосту Донжа, превратил стадо коз в каких-то тварей, зарубил охотника за наградой в Гелиголле и вдобавок затеял массовую драку в Блоерде. И всё это с конца лета. Я молчу о том, что было до того. Ты в розыске с самого ледохода. Тебе странно, что я пришёл за тобой?

— А ведь логично... — сказал Шивер, поднимаясь на ноги. — Я так понимаю, меня ты не отпустишь?

— Конечно, нет. Я получил задаток.

— Тогда начали?

— Эй, — сказал я. — А как же я?

— А тебе-то что? Долга на тебе больше нет, скажи мне спасибо.

— Я бы сказал, но твой кабан ранил Хенн.

— Это её кабан. Пусть она с ним и разбирается.

Я замолчал, не зная, что ещё сказать. Перетянул кровоточащую руку бывшей долговой верёвкой, затягивая узел зубами. Ещё раз крикнула где-то сова.

Данце шагнул к некроманту, как-то легкомысленно помахивая мечом. Шивер поднял свой.

Я не успел сделать и шагу, как Данце атаковал длинным выпадом, стремительней броска змеи, и Шивер почти отбил его своим лезвием. Мечи скрестились.

Дикий, короткий скрежет на секунду перекрыл скрипящий крик совы, клинок Данце с шипением скользнул вверх и вошёл Шиверу в глазницу. Данце рванул меч на себя, правой рукой нанеся сокрушительный встречный удар Шиверу в грудь.

Колдун упал, разбрызгивая кровь, и установилась тишина. Сова умолкла, и стих в верховьях крон беспокойный ветер.

— Ну и всё, — сказал буднично Данце, вытирая меч о штаны Шивера.

— Давай отсюда выбираться,— сказал я, глядя на тело. Сердце второго должника перестало биться, но из моих рук Беллатристе его не получит, подумал я.

— Одну минутку.

Я понял, что он собирается делать — он всё-таки охотился за головами,— и отвёл глаза.

— Я пойду. Там девушка раненая.

— Да, я видел её, когда шёл сюда.

— Как она? — спросил я, нервничая.

— Да я не глянул,— ответил Данце, присев возле трупа.

— Помоги мне с ней, пожалуйста.

— Я,— сказал наёмник, не поднимая головы,— могу помочь кому-то только умереть. Тебя устроит?

Я отвернулся от него и ушёл. Дождь становился всё сильнее.

Я шагал, и тяжёлые капли тычками били в лицо. Долговая верёвка обычным жгутом перетягивала мне руку.

Путь назад занял на удивление мало времени. Я вышел на прогалину почти одновременно с тем, как с другой стороны поляны показался всадник.

Конь под ним был чёрен и растворялся в темноте. Я удивился, что кто-то смог приехать верхом с той стороны. Впрочем, когда я разглядел белое пятно на месте лица, моё удивление прошло. Это была Беллатристе Ранд, которая, наверное, почувствовала потерю своей верёвки. А у таких, как она, свои дороги.

Я подошёл к дубу. Пока меня не было, Хенн сползла по стволу, изогнулась, уткнувшись головой в корень. Повязка и остатки штанин в равной степени пропитались кровью и казались чёрными в темноте.

Беллатристе молча подъехала с другой стороны.

Я присел, взял голову девушки в руки. Кожа её была холодной. Я никак не мог найти пульс на её шее и, склонившись к ней, искал признаки жизни.

Она всё-таки дышала. Но очень слабо и редко.

— Что здесь произошло? — подала свой голос Беллатристе.— Как я вижу, ты не стал играть честно. Впрочем, Шивер, видно, тоже. Где он?

— Сдох,— ответил я.

— Закономерно,— согласилась колдунья.

Я судорожно вдохнул. И поднял лицо.

— Помоги ей, Беллатристе. Пожалуйста.— Я чувствовал себя безмерно уставшим и безо всякой верёвки. Начался настоящий дождь, синие лесные сумерки сгустились, нездоровый отсвет пожара, который я видел на стволах, тускнел, темноту меж стволов затягивало белёсой дымной мглой.— Ты же можешь.

— Тогда она будет должна мне, Джером,— сказала Беллатристе, повернув ко мне маску. Она казалась призраком, и меня озноб продрал при взгляде на неё.— Она будет должна мне. Больше, чем был должен мне ты.

— Она будет жить.

— Ида,— позвала Беллатристе.— Ты хочешь, чтобы я тебя спасла? Если да, ты окажешь мне ответную услугу?

— Джером... — тихо и бессильно позвала меня Хенн.— Джером, милый, ты тут? Здесь призраки...

Моё сердце сжалось, волна прошла по нервам, и я почувствовал на мокром от дождя лице слёзы.

— Ради меня, Беллатристе. Я буду должен тебе,— сказал я.— И я согласен оказать тебе услугу.

Небеса молчали, роняя холодный дождь. На какое-то время замолчало всё и вся. Огонь за моей спиной ещё сопротивлялся воде.

Я почувствовал шаги — это подошёл Данце.

— Так вот что с Шивером,— сказала Беллатристе, ничуть не удивившись.— А за мою голову у тебя нет задатка?

— Нет.

Я стоял, не оборачиваясь. Мне хватало одной равнодушной маски перед глазами, и я не хотел видеть другую.

— Жаль, что ты мне ничего не должен,— сказала колдунья.— Впрочем, ты не мог бы принести мне сердце того парня, раз уж захватил себе голову?

— Я бросил тело в огонь,— ответил наёмник.

Колдунья промолчала, и я снова подал голос:

— Помоги ей, Беллатристе. Время уходит.

— О,— сказала она.— Это будет очень немалая услуга, Джером. Куда большая, чем в тот раз.

— Спаси её,— сказал я.

Она жестом показала на верёвку.

— Сначала спаси.

— У тебя нет выбора, Джером. Надевай, иначе я не поверю тебе.

— Вижу, у вас тут дела,— сказал Данце.— До встречи.

Я слышал, как он ушёл, его тихие шаги сразу потонули в шуме дождя. Я так и не взглянул на него.

Я развязал мокрую от крови верёвку и надел на шею. Беллатристе склонилась ко мне, и её маленькие руки затянули новый узел на месте разреза.

— За тобой долг, Джером.

— За мной долг, Беллатристе Ранд.

Проклятая петля снова, как сотню раз до того, сжала мне шею, практически её не касаясь.

Какое-то время я смотрел, как Беллатристе, спешившись, возилась возле Хенн. Долг, который лишь умножился после всех моих усилий, давил на горло. Дождь падал прямыми струями, последние отблески пожара таяли в темноте, и совсем скоро тёмная ночь окутала и меня, и охотницу, и колдунью.

ДОЛЛИ

Засов был вроде крепкий, железный, но доверия не вызывал. На пальцах осталась липкая холодная влага и немного ржавчины. Долли вытерла руки о штаны, не переставая морщиться, осмотрела дверь ещё раз. Плотно подогнанные доски, облупившаяся зелёная краска, косая зарубка как раз на высоте лица. Может, выдержит.

Она хотела ещё раз потрогать засов, проверить, настоящий ли он, но не стала. Ничего это не изменит.

Даньи заговорил что-то во сне, застонал, и Долли, моментально подскочив к нему, зажала ему рот. Ещё чего не хватало — во сне разговаривать. Да и от начала фразы, что она успела услышать, волосы на затылке, казалось, зашевелились.

Волосы.

Долли посмотрела на свои руки — в который раз, словно не веря, потом помотала головой. Даньи будто бы успокоился, затих, и она его оставила. Заметалась по комнате, сдёрнула какой-то ковёр со стены, накрыла им беспокойно спящего мальчика, бросила охапку дров в печь, открыла заслонку, в два удара добыла искру. Дрова гореть не хотели, но она заставила. Потом уже зажгла лампу.

Ветер выл за стеной, как пёс, потерявший след, совал голову в трубу, звал её по имени. Её и Даньи. Долли знала, что это только кажется, но всё равно нервничала. Руки, сами ладони, покалывало.

Окошка было два, хорошо, что маленьких. Долли осмотрела оба, задёрнула одно, а второе, над лежанкой, оставила так. Некоторые на её месте предпочли бы закрыть и его, но ей не нравилось, когда она снаружи ничего не видела.

Тени по углам выглядели неприятно: тревожно плавали, а иногда вздрагивали их края, гонимые отсветами пламени. А оно, казалось, освещало только само себя. Скрипело, упёршись ветвями в дом, какое-то дерево.

До окраины оставалось ещё слишком много. Разбудить Даньи она не имела никакого права — это было бы всё равно, что, например, пользоваться деньгами, которые тебе отдали на хранение. Неправильно. Ну и опасно, конечно, прежде всего для него. Сама бы она дошла, может быть. А со спящим мальчиком не стоило и пытаться — она не хотела видеть, как его съедят у неё на глазах, прежде чем примутся за неё. Хуже всего, что она осталась без ножа.

В домике его, конечно, тоже не было. Да и кто бы оставил его здесь! Тут вообще почти ничего не было. Хорошо хоть нашлись лампа и котелок. И мешок, который она успела захватить ещё дома.

Теперь, когда бег закончился и наступила какая-то пауза, Долли занервничала. Время шло, Даньи метался во сне, а она никак не могла сообразить, что ей дальше делать.

Она остановилась посреди комнаты, чуть ссутулясь. Как и всегда в таких случаях, надо было говорить быстро и не думая, и она глухо, скороговоркой, произнесла четверостишие, отмечая, как складываются в строки слова, которые она не успела осознать:

Выйду я на улицу,
Там поймаю курицу,
Принесу её в мешке,
Испеку её в горшке!

Как обычно, на последних словах шеи чуть коснулась жуть, но теперь, по крайней мере, было ясно, что ей следует предпринять. Эта магия ещё ни разу не подводила, и теперь она знала, что нужно делать.

Действительно, без еды действовать дальше было бы опасно и самонадеянно. За Даньи она не так волновалась, но и его, спящего, надо было покормить хоть бульоном. Если же она сама свалится без сил, то погибнут они оба. В Лесу силы всегда быстро кончались.

Выйти сразу ей не удалось. Она по привычке на секунду замерла перед дверью, прислушалась и отступила, услышав то, чего и опасалась. Впрочем, это было временное препятствие — по крайней мере, если она правильно определила шаги.

Они приблизились, широкие и тяжёлые. В окно она по-прежнему никого не видела и оттого немного нервничала. Засов никого не удержит, если кто-то — или что-то, чему принадлежат такие шаги, — захочет открыть дверь. Долли полагалась не на засов.

Большая тень, плохо видимая в темноте через грязное стекло, остановившись, накрыла окно. Голова в меховом капюшоне, больше, чем оконный проём, наклонилась, и среди чёрных морщин мутно блеснул глаз.

— Кто здесь? — спросил гигант хриплым шёпотом. Глаз безумно и отстранённо вращался в глазнице. Был ветер.

— Нет, нет здесь никого, — уверенной скороговоркой ответила Долли.

Существо разогнулось, кряхтя, удовлетворённое ответом, и, как она и надеялась, пошагало дальше.

Только тогда она перевела дух. Быстро поправила покрывало на Даньи, который опять начал было говорить опасные вещи, подхватила свой холщовый мешок и, взявшись за стылый шершавый засов, с шорохом отодвинула его.

Лес встретил ветром, бросил в лицо мокрый, пахнущий плесенью лист. Лунный свет, дымчатый, холодный, блуждал по корявым деревьям, мгла клубилась над Лесом, и дыхание Долли обращалось в пар. Никого не было, хотя всё время казалось, что кто-то был. Ветер иногда ревел в голос в расщеплённой, сломанной верхушке ближнего дерева; редким дождём падали последние листья.

Долли закрыла дверь снаружи на крючок. Больше она ничего не могла поделать — только от души надеяться на то, что за пять

минут никто не появится — никто такой, кому достанет ума открыть дверь, не спрашиваясь. Всё же опушка неблизко, тут случилось всякое. Но делать было нечего, тем более что после стиха прошло не так много времени.

Сколько его вообще минуло с начала ходки, Долли представляла слабо. Но её беспокоило сейчас не время, а скорее расстояние. Оно было слишком большим, чтобы, по любым прикидкам, преодолеть его без происшествий.

Ненадёжный кров избушки вовсе не гарантировал, что они доживут до утра, но и бежать дальше без ножа и без сил она больше не могла. Если бы Даньи проснулся в лесу ночью, это могло означать конец не только надеждам на гонорар, но и карьере, а может быть, и безумие для самого Даньи. Хотя, конечно, Долли не могла отрицать, что соблазн разбудить его был. Он вполне мог просто, без последствий, очнуться ото сна, и они убрались бы отсюда в два раза быстрее.

Слишком часто это стало повторяться, подумала Долли. Слишком часто. Сжечь здесь всё, да и дело с концом. Вместе со всеми пропавшими. Всё равно...

Её передёрнуло от недавних воспоминаний, от вопля, с которым убегала в лес гротескная ломкая тень. Предсмертного вопля, за которым не последует смерти. Она уже была — раньше, задолго до того, как нож Долли вонзился под выпирающую ключицу.

Стоять на месте долго было нельзя — она и так произнесла четверостишие уже довольно давно, и сила случайностей начала таять. Такие вещи — всегда предсказания ближнего прицела. Поэтому Долли побежала вперёд, не разбирая дороги, пока остатки транса ещё не прошли, и можно было надеяться, что всё случится само. Не вовремя она потеряла минуту, ох как не вовремя. Впрочем, в Лесу ничего не бывало вовремя, здесь всё длилось вечно. С тех пор как случилась Бойня — среди этих деревьев, которые в те времена были не толще, чем её бедро. А теперь стояли двухсотлетними гигантами, вцепившись в проклятую землю узловатыми корнями. Долли однажды задумалась над тем, что не может распознать их пород. Ни одного.

Но сейчас она не думала ни о чём. Она бежала, бежала, один раз только сделав крюк, когда в истлевшей петле далеко навер-

ху увидела останки скелета и не захотела пробегать под ними. «Ты идёшь *над* костями, Долли, и этого уже достаточно. Не ходи *под* ними, это плохая примета», — вспомнила она слова Джетту. У него было больше опыта, и он лучше знал приметы Леса. Так что Долли могла ему доверять.

Она мотнула головой, отгоняя мысли о нём. Не сейчас. Сейчас ей нужно действовать.

Она уже подумала было, что упустила время, как вдруг, всполошенная её бегом, из ложбины меж корней с кудахтаньем взлетела какая-то птица. Долли не разбиралась в куропатках и глухарях, она просто схватила птицу на лету руками и прижала её крылья к телу. Курица или нет, но от жутковатого стишка, которым Долли сама себе обеспечила подсказку, позволив видениям Леса ненадолго проникнуть в голову, документальной точности никто и не ожидал.

Поэтому она просто свернула птице голову, а потом перебросила её, поймав за ноги, и сунула в мешок. Затянула завязки.

— Д-о-о-о-о-л-л-л-л-л-и-и-и-и-и...

Низкий, похожий на рокот грома голос позвал её из непроясненной темноты впереди, медленно, растягивая звуки её имени, и она, отступив на два шага, отвернулась и побежала прочь. Достаточно с неё на сегодня одной схватки.

— Д-о-о-о-о-л-л-л-л-л-и-и-и-и-и-и-и...

Она бежала так быстро, как только могла, назад, к хижине и Даньи, которого нанялась вытащить из этого Леса. Не то чтобы ей так нужны были деньги — просто отказать своим не могла. Ну и, с другой стороны, свои или нет, но каждый понимал, что бесплатно никто в этот Лес не пойдёт. Об этом и речи не шло. Просто Долли предпочла бы сегодня не ходить и за деньги, только не было выбора. До утра он бы не дотянул. Сомнамбулы иногда уходили в Лес, но никогда ещё не приходили назад. Сами не приходили. Да и с ходоками — не всегда. Сегодня она чуть было не поплатилась жизнью — Даньи успел зайти далеко.

Теперь ветер дул в спину, но плотно стянутые волосы не растрепались и не лезли в глаза. Хотя туман и листья закручивало как-то с заворотом, скрывая тропу, и Долли всё время боялась,

что картинка начнёт распадаться, как это бывало, и она собьётся с дороги. Она старалась даже не моргать, но не могла.

...Даньи хватились уже ближе к полуночи. Мальчик и раньше иногда ходил во сне, но все думали, как обычно, что зов ночного Леса станет для него опасным не раньше шестнадцати, а к восемнадцати сойдёт на нет. Как выяснилось, промахнулись больше чем на четыре года. Такое тоже случалось, но редко.

Далу, мать Даньи, постучалась в её дом в сопровождении двоих мужчин с факелами в руках. Долли не тратила времени на вопросы. Заправила волосы под высокий вязаный воротник, прицепила нож к поясу, зашнуровала ботинки и, захватив мешок и накинув кожаную куртку, бегом поспешила к околице. Её пропустили, конечно. Все думали, что она справится.

Теперь, когда она бежала через шевелящийся в лунном свете туман, ощущая затылком чьё-то присутствие в темноте, она, как всегда в такие моменты, жалела о том, что с собой нельзя было брать много оружия. Ей — нельзя. Чем опаснее вещь, тем опаснее последствия. Долли, с её не таким уж большим опытом, не могла взять с собой ничего серьёзней ножа. Вот Бренда однажды не послушалась, взяла топор. Тогда её можно было понять, всё было быстро и страшно, руками она бы не управилась. Но не повезло. До опушки она почти дошла, её нашли близко. Топор забросили в Лес.

Это Джетту мог носить на спине палаш, не опасаясь, что оружие обратится против него. Долли — не могла. Лучше всего, конечно, было ходить в Лес с голыми руками — тогда ни с кем почти ничего не случалось, — но так тоже было нельзя. Потому что, если случалось, тогда выбора не было.

Нужно будет сходить к Рюге, подумала она. Обязательно ещё раз сходить.

Ветка чуть не выколола Долли глаз, и она инстинктивно зажмурилась на мгновение. Смахнула сор со лба и, к своему облегчению, увидела впереди, в конце тропинки, немного косую избушку под изувеченной пятернёй огромного голого дерева.

Долли очень хотелось обернуться, но она не стала. Нет там ничего. Нет. Было уже, хватит на сегодня. Худое, подвижное тело, руки с отросшими ногтями и танцующие, цепкие длинные волосы.

Волосы.

То была какая-то из старых неупокоенных — не самых старых, не с Бойни, но и не из пропавших ходоков. Про Волосы рассказывали ещё тогда, когда и ходоков-то почти не было. Как про Пустой Шлем, Кобылью Голову, про Ножа — это была часть тех самых слухов, в которые никто не хотел верить, но приходилось. И сегодня Волосы чуть было не отняла у неё Даньи.

Они пытались бежать, но женская фигура, подвешенная на собственных оживших, перебирающихся по ветвям волосах, догнала их быстрее, чем Долли рассчитывала, и тогда она вытащила нож. Ножом она владела хорошо, и, наверное, это их и спасло — это и то, что Даньи, кричащий какие-то ужасы, которые Долли изо всех сил старалась не слышать, поперхнулся слюной и на несколько секунд затих, и Волосы промедлила.

Долли ударила её ножом лишь раз, всадив лезвие под ключицу. Большого было и не надо, удар был смертельный, только вот убить неживое было никак нельзя, но и оно было уязвимым — с воплем, с лунными бликами на сухих зубах Волосы отшатнулась и, мотаясь из стороны в сторону, растаяла во тьме, оставив лишь шлейф эха и унося вырванный из ладони Долли зазубренный боевой нож. Эхо постепенно распалось на несколько голосов, и, конечно же, Долли стало казаться, что они разговаривают между собой, но к тому времени она уже бежала через Лес со спящим Даньи на руках. Спящим и молчащим.

...Пока все эти картины крутились у Долли в голове, она дошла до избушки. Дошла — бежать уже не могла, она потратила сегодня много сил, таская немаленького уже Даньи, и, понятно, ничего не ела с самого ужина. А он был уже давно — стоял ноябрь, осенью она всегда ложилась рано.

Крючок на двери оставался непоколебленным. Она откинула его и вошла внутрь.

Избушка встретила её темнотой и запахом стерильности, какой-то непонятной, словно она была построена из окаменевшего сотню лет назад дерева. Впрочем, со временем тут иногда было что-то не так, равно как и со всем остальным. В Бойне шли в ход все средства, и чудовищная магия, раздиравшая здесь мир больше ста лет назад, всё ещё висела над Лесом. Мешанина из закла-

тий, проклятий, контрвыпадов и призывов, многие из которых не применялись ни до Бойни, ни, тем более, после неё. Территория была загрязнена магией, и уничтоженные маги бродили среди стволов наравне с созданными или вызванными ими существами, не находя покоя. Сколько в них оставалось разумного, не сказал бы никто. Долли надеялась, что нисколько, и боялась, что ошибается.

Даньи спал. Долли задвинула засов за собой, посмотрела на него. Сгорбился под грязным ковром, на лице застыло не то злое, не то испуганное выражение. Ещё бы, столько часов подряд видеть кошмары без возможности проснуться.

Огонь погас. И в очаге, и в лампе. Скудный свет луны едва проникал в комнату.

Долли поставила мешок с птицей на пол. Шорох ткани и перьев почему-то только подчеркнул выхолощенную тишину. Долли хотела посмотреть в окно — разве так резко перестал ветер? И отчего-то побоялась обернуться.

Расплакался за спиной Даньи. Она хотела броситься к нему и утешить, но вдруг услышала, что он плачет не испуганно или жалобно, а скорее капризно, словно притворяясь.

— Курица смотрит на меняяя, — сказал он глухо, неприятно растягивая слова. — Кудачет.

— Даньи? — шёпотом спросила Долли, медленно поворачивая голову.

— Нет, — сказал он сквозь всхлип. — Я хочу это съесть, я, я!

Нужно было заставить его замолчать. Долли обернулась.

— Я! — крикнул он тонким противным голосом. Лицо его сморщилось, он вдруг показался Долли на два или три года младше, чем был. Окно, через которое раньше так хорошо было видно, теперь почему-то припало пылью, и Долли вдруг вспомнила, что ковёр вовсе не был таким грязным, когда она накрывала им спящего.

— Куриная голова в человеческом желудке, — сказал Даньи. — Это вкусно. И красиво. — Он засмеялся. — Или твоя голова, Долли?

Если бы он не назвал её по имени, она поняла бы на несколько секунд позже, но сомнамбулы, какой бы бред ни струился через их речь, никогда не осознавали, что они говорят. А этот сознавал.

Ветка. Скотская ветка по глазам. Она всё-таки сбилась с пути. Это была не та хижина, это был не Даньи, это было не то место в лесу.

Долли бросилась к выходу, и существо с лицом Даньи подпрыгнуло на лежанке, кутаясь в грязную холстину, как в одеяло. Она увидела, что его тело в полтора раза меньше, чем у Даньи, и только голова почти того же размера. Оно открыло глаза, белые, мутные, и окончательно потеряло детский облик — кожа обвисла, как тряпка.

— До-о-л-л-л-и-и-и,— сказала оно.

Она ударом ноги пнула в него мешок с курицей и рванулась к двери, обеими руками дёрнув засов. Он оторвался вместе с гвоздями, дверь, вместо того чтобы распахнуться, проломилась, как картонная, и Долли вывалилась наружу, в палые листья и валежник.

Позади хрустело костями. Она вскочила и побежала прочь, жалея, что у неё не было ножа: иначе она вернулась бы. Но ей оставалось только бежать.

Что это было — ловушка времён Бойни или забавы какой-то навечно застрявшей здесь твари,— она не знала. Отличить было сложно. Она сбилась с дороги, потерялась в Лесу и, конечно, попала туда, куда хотела прийти,— в избушку к Даньи. Что-то считало все образы из её мыслей почти в точности, хотя и не совсем, и она поверила. Теперь оставалось лишь надеяться на то, что существо удовлетворится курицей, а она выберется к настоящей избушке достаточно быстро, чтобы застать Даньи живым.

Устала, просто устала, утешала она себя. Настолько, что на секунду задумалась, а не воспользоваться ли подарком Рюге и не вернуться ли к скотине, сожравшей их с Даньи еду.

Но она не стала этого делать. Если бы она была склонна к таким решениям, то никогда не стала бы ходоком. Вернее, стала бы — на одну-две ходки, как та молодёжь, что шляется здесь после заката. Та, которая уже не вернётся, даже если и вправду ходит меж стволов, а не висит, ободранная до костей, в кронах деревьев и не лежит под тонким слоем листьев меж корней, пропавших глазницы и опутавших руки.

Она вдруг узнала местность — оказывается, ошиблась всего ничего, взяла немного правее. Наверное, сбилась уже на самом подходе. Говорил же Джетту, глядя на неё сверху вниз: «Не отводи глаза. Никогда не отводи глаза от дороги». А она отвела.

Где ты, Джетту, подумала она. Где ты и где я?

Спустя минуту она различила впереди избушку. Но перед этим, глянув под ноги, вдруг увидела слабый светящийся след. Босой и не очень-то большой.

Она испуганно отдёрнула ногу — хорошо хоть не наступила, а то кошмары снились бы не меньше месяца. Здесь оставаться было нельзя, плохое это было место. Если уж тут призраки ходят, то никакие стены не спасут.

Она обошла след и поспешила вперёд, к покосившемуся дому. Этот точно был настоящим — теперь, придя в себя, она настолько же явно отличала оригинал от подделки, как полностью проснувшийся человек отличает явь от недавнего сна. Может быть, скоро утро, подумала она. Ветер сдержанно засмеялся в ответ.

Крючок был на месте, камин тлел, Даньи спал. Она задвинула засов и села на пол — не у двери, конечно, у стены. Она потеряла множество времени и сил и с трудом добытую еду. Можно было никуда и не ходить.

Она сидела так несколько минут, потом приняла решение.

Ждать до утра она не могла. Еды ей добыть не удалось, и к рассвету она ослабеет настолько, что может и не вывести Даньи. Кроме того, встречать рассвет в Лесу — плохая примета, это всегда заканчивалось странно. Рисковать своим разумом Долли не хотела, а разумом Даньи тем более.

Нужно было уходить.

Она встала, заставила погаснуть огонь. Размяла кисти рук. Посмотрела на небо сквозь тёмное стекло. Сняла куртку, осторожно убрала со спящего Даньи ковёр, завернула мальчика в свою куртку и взяла на руки. Было уже совсем холодно, а он ушёл в Лес в одной домашней одежде.

Она отодвинула засов локтем — на самом деле он не очень-то и держал — и вышла в ночь. Закусив губу, кое-как, опять же локтем, прижала к стене и подняла дверной крючок. Отпустила. Он

попал в скобу, и Долли, отвернувшись, как могла быстро, пошла по направлению к городу.

Между событиями в Лесу всегда проходит какое-то время, и сейчас у неё было окно. Она понимала, что идти ещё далеко, но не настолько далеко, чтобы считать это невозможным. Она, может, и осталась бы, пусть даже тот, с железными зубами, прошёл совсем рядом. Но вот поддельный Даньи её на самом деле испугал. И призрачный след тоже. Слишком беспокойное место.

Всё равно выбора, по сути, не было. Долли понимала, что вряд ли сегодняшняя ночь закончится для неё хорошо, и потому постоянно двигалась, действовала — чтобы не признаться самой себе, что переоценила свои силы и что, скорее всего, ни её, ни Даньи никто больше не увидит. Нет, увидит, конечно, — её тело, бесцельно бродящее по лесу в неутолимой жажде, а может, если гибель будет милосердна, — её или Даньи кости, засыпанные листьями, или забитые в дупло, или развешенные по деревьям над головой. Кто знает. У неё была одна маленькая надежда на благополучный исход — то, что она теперь шла без ножа. Но в случае прямого столкновения с каким-нибудь порождением или жертвой Леса она была безоружна. Оставалось надеяться на Рюге, но, кто его знал, как поведёт себя рисунки.

Она шла, как могла быстро, думая о разном и стараясь не оглядываться. Она надеялась больше никого не встретить, но понимала, что это почти невероятно.

От постоянной спешки Долли в конце концов стало казаться, что она и правда убегает от кого-то конкретного. Она поймала себя на этом, когда в третий раз нервно оглянулась назад. Горячий пот тёк по телу под одеждой, но кожа тут же замерзала. Дыхание сбилось, облака пара, разрываемые ветром, застилали глаза. Лес трещал и шатался.

У неё кончались силы. Даньи впал в глубокий сон, лишь изредка постанывая, и, казалось, потяжелел в полтора раза. Нервы устали не меньше, чем мышцы. Какая-то беспросветная, давящая, самоубийственная тревога и жалкое, всхлипывающее раздражение навалились на неё, выкручивая руки и выжимая ненужные слёзы. Излучение магии, грязное, неочищенное. Обычно оно действовало не так сильно, но сегодня она слишком

устала. Гораздо легче выносить из Леса всякий хлам, чем выводить живых людей.

Судорога схватила мышцу, и Долли захотелось бросить Даньи на землю и зло расплакаться, молотя землю кулаками. Да это же нервная лихорадка, вдруг поняла Долли. Лесная болезнь. Вот ещё не хватало.

От понимания причин стало легче, но идти дальше она не могла. Последствие грязного лесного фона — лесная болезнь — валило с ног быстро и минимум на три дня. Суставы болели, как при тяжёлом ревматизме, нервы были на взводе, иногда пропадало сознание. Бред, конечно, куда без этого, — не такой страшный, как у попавших в Лес сомнамбул, но весёлого тоже мало. Лучше любой грипп, подумала Долли. Ещё и Даньи может заразиться.

Она хотела опустить его на землю, но потеряла равновесие и упала. На локти, так, что лязгнули зубы. Правый локоть обожгло огнём, она отпустила Даньи и раздражённо выдернула руки. Губы пересыхали быстро, глаза начинали гореть, как при простуде. Она взглянула на локоть. Так и есть. Свезла. Рукав продрала.

Отодвинув Даньи в сторону, она увидела, что поранилась о чей-то пробитый череп в истлевшем железном венце. Рассыпанные фаланги пальцев, перемешанных с лесным сором, держали проржавевшую рукоять с обломком лезвия. Бойня давно уже закончилась, а кровь всё льётся, нервно подумала Долли, оглядываясь по сторонам. Кровь в Лесу — это плохо. Лучше бы ей было не разбивать локоть. Кровь и кости. Ну да ладно, нужно было идти дальше — первый приступ отхлынул, как грязный прилив, и, она знала, до следующего у неё есть ещё час. Потом, до третьего, — полчаса. Последующий приступ будет отделять от него только пятнадцать минут, затем перерыв сократится до семи, после того — до трёх, а потом её просто перестанет отпускать.

Час. До опушки. С Даньи.

Да никогда!

Она решила, что пройдёт сколько сможет, потом разбудит его. Вначале было легче — Даньи мог ходить сам, хоть и медленно. Нужно было только подталкивать его в правильном направ-

лении. Но он был просто ребёнком и быстро устал, впад в более глубокий сон, и ей пришлось нести его, пока они не увидели ту проклятую избушку.

— Я не могу встать, значит, за тобой придёт другой. Я не могу встать, значит, за тобой придёт другой. Я не могу встать, и за тобой придёт другой.— Даньи опять начал говорить — тихо, монотонно, своим сонным детским голосом, и Долли в отчаянии сжала зубы.

— Замолчи,— прошипела она.

— Я не могу, и придёт другой. Придёт.

— Замолчи!

— Придёт.

— Да замолчи же ты,— взмолилась Долли.— Я знаю, что придёт, а если ты не замолчишь, то придёт быстро.

Кровь капала в листья, оставляя отметины. Надо бы забинтовать.

Череп зашевелился, застучал зубами, на большее его не хватало. Лес костей, с усталой ненавистью подумала Долли. К ненависти странным образом примешивалось сожаление. Лес на костях, кости на ветвях. Гибель породила это место, гибелью оно и живёт. Сейчас за ней, утратившей телесную целостность, придёт кто-то из потерявшихся, из тех, кто ещё способен ходить, раз уж потревоженные ею кости бессильны. Кровь, попавшая на череп, впиталась. Долли оторвала вязаную манжету, которую сама когда-то пришивала к рукаву, и перетянула рану. Свитер было жалко.

Долли вдруг поняла, что на неё смотрят, и, оставив попытки поднять Даньи, повернулась к лесу. Уставшие глаза различили медленное, пьяное движение в холодной, дымчатой темноте.

Далеко. Можно ещё оторваться. По крайней мере это просто потревоженные мёртвые, а не какое-нибудь чудовище. Хотя, где один, там и второй. А тем более в Лесу. Тяжёлое наследие Бойни.

Долли взяла мальчика на руки и пошла, как могла быстро, вперёд, прочь от упорной, смутной фигуры. Лучше действовать, чем бездействовать, учила её как-то Бренда. Ещё до того, как Джетту сказал ей то же самое. Бренда, которая потом собственноручно зарубила себя топором.

О, если бы у Долли были револьверы. Она была бы лучшим ходоком, несомненно, но, кроме бешеной цены, револьверы отпугивали ещё и тем, что у неё не было опыта, позволявшего ходить по Лесу с серьёзным оружием.

Силы кончались, мысли путались, и, когда нога в ботинке внезапно подвернулась, у Долли не хватило сил выровняться, и она просто осела в листья.

— Тлен,— сказал Даньи с печалью в голосе.

Он прав, подумала Доли. Здесь всё — тлен.

Деревья здесь были очень высоки, уходили вверх, терялись в поднявшемся тумане. Впереди была возвышенность, и Долли, которой вдруг показалось, что она понимает, где они находятся, полезла наверх.

И увидела старую, неширокую дорогу, которую сразу узнала. Отсюда до опушки было часа полтора пешком. В одиночку.

Что-то привлекло её движение на дороге, и она резко повернула голову. По дороге бежал кот, светлый, чуть полосатый и, вероятно, рыжий, хотя сейчас цвета было не разобрать. Он увидел Долли, на мгновение замер, подняв лапу, и, уже чуть медленнее, пошёл к ней.

Долли обернулась на чашу. Даньи лежал внизу, у подножия невысокого склона. Тело, идущее за ней по пятам, уже было совсем близко.

Приваливаясь к стволам, мешковато и неторопливо, с чёрными впадинами глаз и открытого рта, к ней шёл человек в чёрной одежде. Длинные оборванные застёжки на рукавах и внизу штанин колыхались на ветру, как стяги. Развязанные шнурки волочились следом, ветви хрустели под тяжёлыми подошвами кожаных сапог. Мактал, узнала Долли. Полгода назад он не вернулся из своей ходки — обычной, коммерческой. А теперь вот шёл к ней, чтобы и она тоже не вернулась.

Она некстати подумала, что сегодня даже не обращала внимания на хлам. Хотя могла бы что-нибудь найти и заработать — всё-таки глубоко заходила.

Нужно было вытащить Даньи на дорогу, потому что Мактал был уже близко. Лес послал его вместо неподвижного рассыпав-

шегоса скелета, так было всегда — потревожив мёртвых в Лесу, ты не мог надеяться на то, что они не потревожат тебя.

Что-то показалось сбоку в поле зрения, и она вздрогнула. Кот. Совсем забыла.

— Долли? — спросил кот. — Тебя зовут Долли?

Тонкий, мяукающий голосок имел вполне человеческие интонации. Долли посмотрела на него. Так и есть, зрачки кота округлились и делали его глаза совсем похожими на людские.

— Клайд? — спросила она.

— Да, — ответил кот. — Ты меня знаешь?

— Ну ты самый известный из тех, кто так умеет. А ты откуда знаешь меня?

— По слухам, — ответил кот.

Клайд спал сейчас где-то в городе, отдав часть своего сознания и разума телу кота, и таким образом мог ходить на разведку, рискуя только психическим здоровьем, а не телесным. Таких, как он, было мало.

Насколько Долли знала, разум кота сейчас дремал в мозгу настоящего Клайда, в освободившемся месте.

— Ну вот, будем знакомы, — сказал Клайд. — Я вижу, у тебя проблемы?

— Да. Я потеряла нож — ударила им Волосы. Это Даньи, он ночью ушёл в лес, и я пошла за ним.

— Рано. Маленький, — задумчиво сказал Клайд.

— Вообще, — кивнула Долли. — Слушай, у меня нервная лихорадка, ты осторожнее рядом со мной.

— Котам не передаётся, — поведя хвостом, ответил Клайд. — Нужно вытаскивать малого, раз оружия у тебя нет.

— Да, рано или поздно он нас догонит, — ответила Долли. Скорее рано, подумала она — до преследующего их тела оставалось метров двадцать, не больше. — Подожди здесь, я сейчас, — сказала она и соскользнула вниз по склону.

Долли собиралась взять Даньи на руки и как-нибудь вынести его на дорогу — скорее всего, там ей пришлось бы потревожить его глубокий сон, чтобы он мог пусть медленно, но идти сам. Риск был велик, но с ним на руках у неё уже не было скорости — усталость и болезнь делали своё дело, ну и голод, конечно. Она

жалела, что не успела как следует собраться перед выходом — в ближайшие дни делать ходки она не намеревалась, и, когда мать Даньи разбудила её, рюкзак не был собран. Ошибка, подумала она. Больше я так не поступлю.

Взяв спящего мальчика на руки, она оглянулась назад. Увидела, но уже ничего не могла поделать.

Забыв человеческие слова, по-кошачьи заорал Клайд, и крик его перешёл в шипение. Низко зарычал во сне Даньи. Долли застонала.

Всего в десяти метрах позади Мактала гонимые ветром спирали темноты и тумана стали обретать формы, паутинные серебристые кромки блеснули во мгле, очерчивая контуры загнутых когтистых лап, и из туманного медленного вихря проступила гротескная фигура, вдвое выше Долли, с заломленными очертаниями торса, конвульсивным кнутом хвоста и безглазой, неразличимой пока ещё головой. Клёкот, размноженный эхом, осколками рассыпался по лесу, и сквозь внезапные слёзы Долли увидела, как чудовище — какой-то из древних нечеловеческих солдат Бойни, призванный и никем не отпущенный, шагнул по листве, опираясь на загнутые пружинящие когти, и второй конечностью взял Мактала за голову, нарезая плоть, кость и остатки мозга, словно тыкву, на бескровные уже ломти.

Потом лапа на секунду отпустила обезглавленное тело, перехватила его за поясницу и небрежно швырнула о ближайшее дерево. Тварь шагнула к ним. Стало холодно, с полупризрачного в темноте огромного тела сыпался иней, за ним шлейфом клубился тающий туман, истекая с освещаемых лунной участков тела.

— Клайд, беги! — заорала Долли во весь голос, уже не боясь, что разбудит Даньи, а горячо надеясь на это. Может, хоть мальчик и кот выберутся из этого гиблого места, если кому-то из них повезёт.

Повернувшись, она с силой забросила Даньи на край дороги, избежав вверх по склону на три шага, и, не глядя больше туда, нагнулась, дёрнула вшитое в обрез штанины кольцо.

Стальная нить с треском взрезала ткань до самого ремня на поясе, обнажая светлую кожу. Выглянула луна, и хищный ни-

тяной контур твари засиял расплавленным серебром, а на бедре Долли стал виден рисунок — татуировка ножа.

Гипнотически раскачивая плечами, лишёнными рук, и плавно поводя истончающимся в паутину хвостом, тварь пошла к ним, ныряя всем корпусом, то приняякая к земле, то рывком выходя над ними.

— Была не была,— пробормотал рядом кот.— Надеюсь, Рюге знает своё дело. А я меняюсь.

Машинально скосив глаза в ту сторону — лишь на мгновение, Долли увидела, что кот вдруг поник и припал к земле, а потом вовсе завалился на бок. Она взвыла. Проклятый Клайд! Он ускользнул обратно в своё тело, в город, оставив и её с Даньи, и своего кота.

Долли протянула руку к бедру, раскрытая ладонь задрожала над наколкой, и изображение ножа на коже стало таять, мельчайшей пылью поднимаясь и зависая между ладонью и бедром. И пока магия Рюге подтягивала из окружающего пространства частицы металла, образуя нож с лезвием в полторы пяди, Долли думала о том, что ведь Клайд не мог, просто физически не мог поменяться разумом с котом, пока он и животное находятся на расстоянии друг от друга.

Сзади, она слышала, поднялся Даньи, схватил кота на руки.

— Я забираю парня,— сказал голос Даньи интонациями Клайда.— Держись, Долли, больше я ничем не могу тебе помочь.

Долли яростно кивнула и прыгнула вперёд, сжав руку на рукояти отточенного боевого ножа.

Чудовище выбросило лапу, свистнули убийственные когти, Долли перекатилась через голову и прямо с колен полоснула тварь под сгиб второй конечности, повернулась на руках, ударила ботинком в рану, вскочила, располозовав лапу вверх до самого бедра,— нож был получше её потерянного, настоящего, она не зря заплатила рисовальщику Рюге деньги,— и снова нырнула вперёд между подогнутых лап, уходя от хлещущего хвоста. Она тренировалась каждый день, как и любой ходок. Расправа твари с ходячим телом Мактала впечатляла, но Долли не была медлительной куклой Леса. У неё ещё хватало скорости и сноровки,

ещё было время до следующего приступа, а спасение Даньи — по крайней мере, от этой твари — придавало ей сил.

Чудовище снова заклекотало, пригнулось к земле, рыская мордой в поисках державшейся вплотную Долли, и она подпрыгнула, одной ногой оперевшись на изогнутую лапу твари, обхватила её шею в захват, выбросила правую вверх и полоснула поперёк чёрного горла.

Из раны повалил ледяной пар, чудовище споткнулось и стало заваливаться на бок, Долли ударила его глубоким выпадом в небо, а потом отскочила назад.

Тварь захрипела, и тут луна зашла, острый серебряный контур стал прерываться и таять, и фигура поверженного гиганта начала растворяться в темноте. Налетевший ветер на секунду подёрнул место схватки туманом и унёс остатки светлых штрихов дымными прядями, а темнота тела слилась с окружающей мглой. Чудовище исчезло так же плавно, как и появилось: до следующего раза — в Лесу почти ничего не умирало насовсем.

Долли села прямо на землю, вытянув ноги, и разжала дрожащую руку. Нож не упал, повис в воздухе и стал таять, осыпаясь пылью. Часть её оседала на коже бедра, проникала чуть глубже, и на ноге Долли стало опять проявляться реалистичное изображение ножа, сделанное Рюге. Он единственный владел этой магией, у него была добытая из Леса часть книги — несколько обожжённых листов — и игла. Нарисованное оружие, которое могло ненадолго становиться настоящим, не привлекало несчастий, какие мог накликать настоящий второй нож или меч.

Насколько Долли знала, такие твари появлялись именно в местах скоплений, а четверых в одной точке Леса уже можно было считать скоплением. Это было какое-то тактическое заклятие, повисшее над Лесом со времён Бойни. Заклятие или его остаточные обрывки.

Если бы у неё хватало денег, она заказала бы узкоглазому Рюге ещё пару рисунков. Но такое она не могла себе позволить. Вот у Джетту было изображение меча во всю спину и два кинжала — на бедре и на левом предплечье, рукоятью к ладони. Она даже не спрашивала, сколько он за это заплатил. Помнится, просто разглядывала его, молча.

Впрочем, это было неважно. Долли легла в листья и дышала, глядя в разодранное клубящееся небо, на проступающую изредка холодную безучастную луну.

Она думала о Даньи. Она понимала, что та часть разума Клайда, которая управляла котом, вполне могла поместиться в голове спящего мальчика, особенно если какую-то часть отключенного детского сознания, в свою очередь, переместить в голову кота. На многое его не хватит, но бежать прямо он сможет.

Думала о сегодняшней ночи. О Волосах и твари в избушке, о Мактале и только что убитом чудовище. Говорят, почти каждое заклятие, применённое в Лесу, будет действовать вечно, — это само по себе результат одного из множества магических ударов, нанесённых во время Бойни. Какой из сторон — уже не скажет никто, но, скорее всего, именно поэтому мёртвые Леса не находят себе покоя в его тёмной земле — заклинания, не дававшие сражавшимся упасть и поднимавшие даже убитых, всё ещё продолжали действовать здесь, бесконечно вращаемые петлёй искажённого лесного времени.

Здесь нельзя было использовать оружие — почти нельзя, потому что заклятия, выкосившие всех вооружённых, не слишком ослабили за сотню лет, но, как и любая магия, действовали на всех в разной степени. Джетту носил палаш, Марселла — два меча. Конечно, они стоили ей шрамов на лице, но не раз спасали жизнь. Всерьёз поговаривали о револьверах, но на эту диковинку ни у кого из ходоков пока не было денег, а если и были, то, как подозревала Долли, не было желания рисковать.

В Лесу можно было встретить и боевых существ времён Бойни, и вспомогательных существ, служивших магам да так и оставшихся здесь навечно под действием обезумевших и смешавшихся заклинаний. Лес никогда не вторгался в город — мог только лишь заманить город в себя. Слишком много ценного осталось в Лесу после Бойни, где сражались сильные мира. Слишком много странного и не менее ценного появилось там потом. Кто-то, конечно, уезжал из города, кто-то надеялся на лучшее, кто-то спокойно проживал всю жизнь, даже не глянув в сторону Леса, а для кого-то Лес был работой, источником дохода.

Она полежала ещё какое-то время, размышляя, сколько надо будет отдать Клайду за помощь. Она была ему благодарна и жадничать не собиралась.

Потом она встала и пошла. Выбралась на холм, осмотрелась на дороге. Было темно, немела раненая рука и мёрзла оголённая нога. Честно, она никогда до конца не верила, что ей понадобится этот нарисованный нож, и штаны перешила просто потому, что так было положено и она себя заставила. Как оказалось, не зря.

Она шла, пока её не свалил приступ лихорадки, когда она, капризно и зло ругаясь сквозь зубы, каталась по земле и кусала себя за руки. Потом её отпустило. Она полежала ещё немного, села, растёрла замёрзшую ногу и пошла вперёд. Потом побежала.

Перед самой окраиной леса, когда она уже видела городские огни, её повалило снова. На этот раз она даже не помнила, что с ней было. Очнувшись на земле, выплюнула горький пучок прелых листьев, отряхнулась.

Она уже больше не спешила, просто шла на свет факелов.

— Стой, кто идёт? — привычно окликнули её из темноты за ярко освещённой площадкой.

— Долли, — ответила она, узнав по голосу Артвейла.

— Покажись.

Долли кивнула, остановилась в десятке шагов от караульного поста и стянула через голову свитер, поморщившись от боли в локте.

Её длинные, до пояса, волосы, облегающие тело под свитером, рассыпались по серой безрукавке, когда она мотнула головой. Волосы, основа силы. Чем они длиннее, тем легче совладать с магией. Долли вспомнила, как потеряла нож. Та, что унесла его в своём теле, тоже когда-то совладала с магией, а потом магия сломала её, лишив жизни и не даровав покоя.

— Порядок? — спросила она, взяв куртку.

— Заходи, Долли, рад тебя видеть, — ответил Артвейл, поднимая заграждение, и Долли вышла из Леса, под безопасную сень караульной.

— Мальчик с котом были? — спросила она, волнуясь.

— Да, — кивнул Трой, напарник Артвейла. — Всё в порядке, Даньи уже дома, кот, скорее всего, тоже. Надо сказать Далу и Клайду, что с тобой всё в порядке.

Она не сказала парням из караула, что у неё лихорадка. Она знала, что в городе её гораздо трудней заразиться, чем в Лесу. Ей пора было уходить, она не хотела, чтобы приступ свалил её на глазах у людей. Жила она недалеко.

— Как ночь вообще? — спросила она, перекидывая свитер через руку — надевать было лень.

— Нормально. Правда, двоих тебя уже арбалетами отогнали, — ответил Трой.

— Да? Просились?

— Ага.

— Сразу отличили? — спросила Долли, думая о тех странных порождениях Леса, что притворялись ушедшими ходаками — неизвестно зачем, всё равно выйти из Леса не могли.

— Конечно. У них у всех волосы короткие.

Долли улыбнулась, устало щурясь на светлеющий небосвод.

— Кто-то ещё в Лесу? — спросила она.

— Джетту, как обычно, — ответил Трой. — Скоро должен прийти.

— Я бы дождалась, но сейчас засну, — сказала Долли. — Удачного завершения смены. Спасибо, парни, пока.

— Пока, Долли, удачи, — почти одинаково ответили стражники, и она, махнув им, пошла к крайней улице. До рассвета оставалось не так уж много.

Хоть бы дойти до приступа, подумала она. И рухнуть спать. Уснуть и видеть сны.

Неделю в Лес ни ногой, пообещала она себе, нервно потирая ладони. Как выздоровею — неделю.

Небо закрутилось, меняясь местом с землёй, и она упала, надеясь, что парни её уже не видят со своего места. Три минуты — и она дома. Крупная дрожь била её, и сквозь шум в ушах, не видя ничего сквозь горячие слёзы, она слышала только своё имя, обхватив руками невыносимо болящие плечи.

— Долли, Долли, — повторял заботливый голос Артвейла. — Ну что ж ты, упрямая. Бери её, Джетту. Она, как всегда, не сказала.

— Я сам, — мягко ответил Джетту.

Даже сквозь боль и горечь приступа у неё на душе стало тепло. Джетту, хотела прошептать она. Джетту, родной. Но не смогла.

Сильные руки подняли её над землёй и понесли, и только тогда она отключилась.

ЧУМА БОЛОТНАЯ

Ловец ждал их на берегу ручья. Черта в этом месте проходила прямо по песчаному дну, и оттого чёткая зелёная лента ломалась и дробилась в стремительном потоке, а свечение рассеивалось, подкрашивая изумрудным отсветом весь ручей. Наверное, ночью зрелище становилось ещё более завораживающим. Вот только ночью никто не рисковал приближаться к границе. Мало ли что? О тех, кто случайно или нарочно пересекал изумрудную линию, ходили самые жуткие слухи.

Ловец — глубокий старик, на взгляд мальчуганов, — кивнул им в знак приветствия, но ничего не сказал. Креш — предводитель ватаги пацанов — достал самодельный ножик с лезвием, истончившимся за долгое время до узкой кривой полоски, и аккуратно срезал с ломтя сала тоненькую пластинку. Затем взял удилище Джабраила, наткнул на конец полученный пробник и, перебирая руками, выдвинул через ручей.

Это показалось пареньку похожим на кормление хищника в зоопарке, но, подумав так, он и сам удивился, откуда вдруг в памяти всплыл этот вот зоопарк с хищниками? Он давно не видел никаких клеток, а хищники встречались пусть редко, но зато на воле, а значит, при полном арсенале зубов и когтей. Кормить их салом никому бы не пришлось в голову.

— А-а-а, — заурчал Ловец, прикрыв глаза от наслаждения. Он даже забыл на миг о торговле, иначе не стал бы так откровенно высказывать удовольствие. Постарался бы сбросить цену, скорчив гримасу и отплёвываясь от пробы.

— Да, хлопчики, удалось вам подобрать нужный ключик к старику Ловчему.

— Вот и отлично,— кивнул Креш и потряс мешком.— Тогда слушай наше условие. Мы меняем вот этот мешок сала на четвёрку пухнастиков.

На самом деле условие было давно и не единожды проговорено, но так уж здесь принято ещё и ещё раз страховаться от подвоха.

— Кто же покупает кота в мешке? — возразил Ловец.— Там может быть и шесть фунтов, и восемь. Пусть малыш возьмёт его и подержит в вытянутой руке.

— Жаба,— позвал Креш.

Джабраил послушно взял мешок и вытянул руку вперёд. Уже через полминуты рука начала дрожать и тянуться к земле.

— Гаразд, хлопцы,— усмехнулся Ловец.— Всё верно. Четыре пласта сала в два пальца толщиной каждый. Фунтов десять, я полагаю?

— Я не знаю, сколько это в фунтах,— Креш равнодушно пожал плечами.

— Неважно. Четыре пласта сала за четвёрку пухнастиков. Это добрая цена, хороший обмен.

— Ты кидаешь товар первым,— напомнил Креш.— А за мной дело не станет. Я слово держу.

Ловец раскачал коробку и перебросил через ручей так ловко и аккуратно, что парень легко поймал груз. Собственно, грузом товар и назвать было сложно: пухнастики не весили почти ничего.

— Как там, на той стороне? — спросил Креш.

Ловец нахмурился.

— Не торопитесь взрослеть, хлопчики. Вот всё, что я могу вам сказать.

Он подцепил рукой мешок с салом, какие-то снасти и побрёл прочь от черты.

— Что там у нас осталось? — спросил Креш у Стасика.

— Ещё три больших куска сала и копчёная нога,— ответил Стасик и вдруг блеснул глазами.— А хороша свинка!

Свинью они долго выслеживали в каштановой роще и потом чуть не упустили, когда Жаба, подкрадываясь к ней, споткнулся и поднял шум. Но всё обошлось. Получилось даже лучше задуманного — встревоженное животное ломанулось навстречу Хитровану и Стасику, а те уж не упустили добычу. Навалились дружно, свалили с ног, а тут и Креш подоспел, приложил дубиной.

Из вскормленной на каштанах, лесных орехах и трюфелях свиньи получилось превосходное сало. Коптили его тоже не абы как, а на дыму от вишнёвых и яблочных сучьев. Стасик знал толк в копчении мяса и рыбы, как и в приготовлении многих других обжорств, хотя вряд ли помнил достоверно, от кого перенял науку. Благодаря ему и распорядительности Креша их четвёрка никогда не голодала. Им не приходилось перебиваться щавелем и крапивой, как некоторым не столь дружным ватагам.

После Ловца они заскочили к бабушке Тетре и выменяли ещё один кусок сала на большую банку малинового варенья. Стасик утверждал, будто смог бы приготовить и варенье тоже — малины вокруг росло полно. Однако сахар всё равно пришлось бы выменивать или заменять его мёдом, опустошая пчелиные дупла, что вовсе не пара пустяков. Так что проще получалось выменять варенье на сало.

Хитрован тут же предложил его распробовать. Но Креш запретил. На варенье у него был построен расчёт. И потому малыш Джабраил — большой мастак до всяческого рукоделия, оплёл банку верёвками, так, чтобы она не разбилась при случайном падении или ударе.

* * *

По пути к домику Миры они неожиданно повстречали Юлу. Свесив ногу, тот лежал на толстой ветви огромного дуба и мрачно смотрел на прохожих.

— Засада! — пропищал Джабраил своим обычным полным ужаса голосочком.

— Непохоже, — сказал Креш спокойно. — У Турана фантазии не хватит, чтобы так хитро всё устроить. Но на всякий случай будьте готовы.

— Эй! Креш! — крикнул Юла с ветки. — Возьми меня в шайку!

— Юла, это ты? — Креш сделал вид, будто только что узнал парня. — А что с Тураном? Шею свернул или ушёл в Отрыв?

— Мразь! — Юла сплюнул. — Он заставил нас целый день ползать по куче говна, а потом прогнал из ватаги всех, кто делал это без должного рвения. И он, тварь, не вернул мои стёклышки. Забрал себе, представляешь?

— Ты знал, к кому прибивался.

— У меня не было выхода, Креш, — попытался разжалобить его Юла. — Так что, возьмёшь?

— Пятый лишний, Юла, ты же знаешь. Поищи молодую ватагу или собери свою.

— Я хотел бы к тебе, Креш, — возразил Юла. — Ты счастливчик, как говорят. И ты держишь слово. Возьми меня вместо Жабы, зачем тебе этот заморыш?

— Я своих не бросаю, Юла.

— Слышал и про это. Но я не предлагаю измены. Зачем изменять принципам? Давай устроим поединок за место в шайке. Всё будет по-честному, вот увидишь. И я выбью любого из твоих. Я сильный.

— Тебе придётся биться со мной, Юла. Только так.

— Чёрт, Креш! — Юла чуть не заплакал. — Мне просто некуда пойти. У меня нет ни стекляшек, ни друзей.

— Отправляйся к Семи холмам, там часто встречаются новички и те, кто ищет спутников...

Это Юла знал и сам, но Креш старался отвечать честно даже врагам и глупцам. Они двинулись дальше и ещё долго слышали за спиной ругань и проклятья Юлы.

* * *

Девчонки жили в старом доме, первый этаж которого был сложен из дикого камня, а второй срублен из плохо

ошкуренных брёвен. Вряд ли ватага Миры сама его строила. И камень, и брёвна уже покрылись мхом. Им было не меньше ста лет.

Мира доила козу. Её четвёрка вообще не любила охоту, не признавала бродячую жизнь и со временем развела во дворе целую ферму.

— Молока захотели? — оглянулась она на мальчишек.

— Твоё молоко больно уж весело в животе играет, — заметил Стасик. — Приходится бегать в кустики каждый час.

— Я никому ничего не навязываю, сами приходите менять. А кроме молока, у нас сейчас ничего нет. Для кабачков рановато пришли, а картофеля нам самим не хватает.

— Отдай нам Фёклу, — неожиданно предложил Креш.

Неожиданно для всех, но не для себя. Сам-то он задумал сделку, едва увидел в девчоночьей ватаге рыжую приживалку. Мире его слова не понравились. Она оставила козочку и встала, оглядев строго всю четвёрку.

— Ишь ты! — Мира упёрлась в бока кулаками. — Баловать с девчонкой надумали?

— Очень надо баловать с такой страхолюдиной! — фыркнул Хитрован.

Фёкла приبلудилась к ватаге Миры не так давно. Она выглядела стройной и сильной, но лицом была страшна, как осенний бурелом, а Креш сразу отметил, что она рыжая. А за рыжую ведьму, как ему довелось узнать, Мельник обещал отдать самую сокровенную вещицу из всего, что им ещё предстояло добыть для Отрыва.

— Мы дадим тебе за неё большую банку малинового варенья и хороший кусок сала, — сказал Креш.

— Хорошая цена, — согласилась Мира. — Только вам-то девка зачем, если не для баловства?

— Мы обменяем её на камень-сердце у Мельника, — честно сказал Креш. — И уйдём в Отрыв.

— Значит, ты собрал уже весь набор? Молодец!

— Нет, — признал Креш. — Нам не хватает синего пятиугольного стекла и прозрачного кубика. Но и то и другое имеет Ветер, а я знаю, на что он их выменяет.

— Все знают, на что меняет свои сокровища Ветер,— отмахнулась Мира.— На пухнастиков.

Тут её вдруг озарило:

— Ух ты! Стой! Так, значит, у вас есть пухнастики?

— Есть,— гордо заявил Жаба.

— Ой, а покажете?

— Покажем, если покажешь нам трусики,— встрял Хитрован.

— Вот ещё! — Она надулась, потом задумалась и, наконец, кивнула.— Только, чур, вы первые, идёт?

— Ты же знаешь,— важно протянул Хитрован.— Креш всегда держит слово.

— Креш-то держит, а вот ты нет.

Хитрован посмотрел на Креша. Тот пожал плечами и кивнул.

— Покажу. Почему нет?

Мира задрала подол, и вся четвёрка прикипела взглядами к беленьким трусикам с красивым рисунком. Даже Креш не стал делать вид, что его совсем уж не волнует вид того места, где соединяются две загорелые ножки Миров.

Хитрован подался вперёд, но сделал это чересчур резко, так что Мира, опустив платье, отскочила назад.

— Но-но! Не балуй.

— Дура! Я только рассмотреть хотел, что там нарисовано.

— Ёжик там нарисован,— с усмешкой бросил в сторону товарища Стасик.

— Теперь ваш черёд,— напомнила Мира.

Креш аккуратно открыл коробку. Четыре пушистых комочка, белых с чёрными пятнами, похожие отчасти на котят, отчасти на птенчиков. Из острых мордочек часто высывались дрожащие язычки, раздвоенные как у змеи.

— Интересно, в кого они превратятся, когда вырастут? — спросила Мира.

— Они никогда не вырастут,— ответил Хитрован.— Мы обменяем их на стекляшки.

— Но они же всё равно вырастут. Пусть не у вас, а у Ветра.

— Ты когда-нибудь видела взрослого пухнастика? — спросил Креш.

— Нет.

— Вот именно.

Мира протянула руку, но Креш тут же отдернул коробочку.

— Нет, мы же тебя руками не трогали.

— Пуффф!

— Так что, отдашь нам Фёклу? — вернулся он к главному. — Варенье первоклассное. Тягучее, ароматное. Тетра знает толк в сладостях.

— Я бы отдала. Да жалко её, чуму болотную, — рассудила Мира. — Она нам посуду моет, в доме прибирает. Делает, что скажут. Никогда не спорит. Ничего не требует.

— Пятый лишний, Мира. Ты всё равно не сможешь взять её в Отрыв.

— Я пока и не собираюсь.

Это верно. Мира обживалась здесь столь основательно, что казалось, вовсе не помышляет об Отрыве. Но с другой стороны, такие, как она, срываются неожиданно, бросая всё без раздумий. И, как правило, уходят с первой попытки.

— Мира, а покажи трусики ещё раз, — предложил Хитрован. — Взамен я дам тебе шоколадку.

Мира не ответила. Все знали, что шоколадка слишком большая редкость, чтобы такой поросёнок, как Хитрован, мог сохранить её достаточно долго в тайне от других, и уж тем более парень не в состоянии был преодолеть соблазн.

Мира исчезла в доме и спустя минуту вернулась с рыжеволосой девочкой, одетой в серый сарафан.

— Пойдёшь с ними, — сказала ей Мира. — Поняла?

— Зачем? — Та смотрела на хозяйку как растерянная корова, у которой из-под носа неожиданно утащили последний пук сена.

— Не твоего ума дело, дура. Пойдёшь, и всё.

Креш заметил слёзы в глазах Миры. Она вовсе не горела желанием отдавать девочку. Но показывать свою слабость мальчикам не хотела тем более.

— Иди уж, чума болотная! — толкнула она в спину Фёклу.

И та пошла.

* * *

Каждая ватага собирала свою структуру. Базовый камень имелся у Креша всё время, сколько он себя помнил. А вот Жаба свой потерял где-то. А Хитрован поменял у Глада на нужный всей ватаге змеевик. Но и одного на четверых базового камня вполне хватало, чтобы начать собирать структуру. И тут каждый действовал по своему разумению или же ходил к Мудрецу за советом. Креш собирал что-то похожее на большой цветок, а ватага Ибиса, как он знал, собирала жуткий кроваво-красный тетраэдр.

Стасик ударил кочергой по куску подвешенного на сухой ветке рельса, и минуту спустя из хижины появился Ветер. Черта проходила рядом с глиняным холмом и грязной, никогда не высыхающей лужей, так что Ветру пришлось сделать крюк, чтобы не перепачкать полы своего чёрного плаща.

Креш открыл коробку и наклонил в сторону Ветра. Тот кивнул. А Крешу почудилось, что из норы, зияющей в склоне, донеслось зловещее и довольное уханье.

— Тебе нужен синий пятиугольник и кубик-слёзка? — Ветер всегда помнил, кто и что у него заказывал или хотя бы однажды спрашивал.

— Верно.

— По рукам! — сказал он и усмехнулся. — Протянуть тебе руки не смогу, извини.

Теперь Креш, как когда-то Ловец, аккуратно раскачал коробку и бросил, а Ветер без напряжения и лишнего движения поймал её одной рукой. Даже не поймал, а просто подставил ладонь, как под пушинку. Второй рукой он практически одновременно бросил под ноги Крешу полотняный мешочек с камнями. Тот заглянул в мешочек, кивнул Ветру, не поднимая глаз, после чего поспешил увести ватагу прочь.

* * *

От берлоги Ветра они двинулись на север, в горы, к Замороженному ручью, где на разрушенной горной мельнице жил ещё один продавец редкостей.

— Ты знаешь, что Ветер делает с пухнастиками? — спросил вдруг Стасик.

— Догадываюсь,— мрачно заметил Креш.

— А что он делает с ними? — спросил ничего не подозревающий Жаба.

— Он скармливает их ящеру, что живёт в норе у его хижины,— пояснил Стасик.— Ты слышал это жуткое урчание, когда мы приподняли крышку коробки? Говорят, эта тварь может пересекать черту и по ночам перебирается на нашу сторону, чтобы поохотиться.

— Мы отдали таких милых зверьков на прокорм большой ящерицы? — ужаснулся Джабраил.

— Вот именно, малыш, вот именно,— весело заметил Хитрован, ему всегда нравилось подтрунивать над Жабой.— Когда тварь жрёт пухнастиков, то не охотится по ночам за нами. А, кроме того, теперь мы получили недостающие стекляшки и вскоре сможем выбраться отсюда. И ради того, чтобы выбраться, мы и девчонку запросто скормим старому пердуну с мельницы. Верно, Фёкла?

— Меня зовут Бася,— сказала та, и это было первое, что она произнесла за всё время.

— Тебя зовут Фёкла,— засмеялся Хитрован.— Фёкла — это не имя, это судьба.

— Судьбу всегда можно изменить,— возразила Бася.

— Точно. И как раз ты нам в этом поможешь.

* * *

Хитрован навалился на девчонку, когда Креш отправился на разведку, оставив всю ватагу возле костра.

— Не трогай её,— сказал Стасик, но не двинулся с места. Он готовил хаш и от котелка отходить не собирался.

Зато неожиданно для всех и для себя, в первую очередь, с места сорвался Жаба. Он ухватил Хитрована за горло и, используя вес, стащил его с Баси. От неожиданности тот поддался, но потом вскочил на ноги и без лишних вопросов ударил Жабу под дых. Малыш согнулся и получил ещё пару ударов.

Креш вернулся как раз вовремя. При его появлении драки и споры в ватаге утихали сами собой. Он обычно не устраивал разбирательства, не стал спрашивать, что случилось, и теперь. Сам догадался.

Голова Жабы лежала на коленях Фёклы, а та вытирала ему платком кровь и шептала, словно боль заговаривала:

— Всюду сопли, в жабрах ил, ёршик храбрый Джабраил.

Вроде и издёвка какая-то в стишке слышалась, а малышу явно стало приятно.

Они обедали молча. Жаба исподлобья посматривал на Хитрована, тот в свою очередь бросал злой взгляд на девочку.

— Зачем ты нужна Мельнику? — неожиданно спросил Креш у пленницы.

Ему показалось, что она не удивилась вопросу.

— Ты помнишь, что вы делали, ну, скажем, тридцать дней назад? — спросила его Бася.

— Выслеживали свинью в каштановой роще.

— А пятьдесят дней назад?

— Выходили к Белому перевалу? — Креш оглянулся на товарищей, ища подтверждения, но те были заняты переживаниями. — Или уже прошли его и ловили рыбу в Студёном озере. Дура! Зачем мне знать, что мы делали пятьдесят дней назад?

— А сто дней назад?

— Вот же, чума болотная! А прутиком по заднице? Неужели я должен помнить каждый свой день? Да они похожи один на один, как шуточки Хитрована. И такие же унылые, кстати.

— А я вот помню, как много дней назад ты со своей ватагой приходил к берегу моря. Вы дурачились, валялись на песке. Не помнишь? То-то!

— В каком смысле?

— Память стирается. Никто из вас почти ничего не помнит из прошлого.

— Море? — переспросил Жаба. — Надо же!

— Вы не помните, откуда здесь появились и почему, — продолжила Бася — Знаете только, что нужно вырваться. Собрать комплекс, структуру или что вы там собираете?

— А ты помнишь? — Креш даже жевать перестал.

— Я помню чуть больше. Я помню море. И вас, ребята, помню. Вы там были, на море, строили планы. Хотели соорудить лодку или плот и рискнуть вырваться этим путём. Но морской Отрыв бесполезен — так говорили все вокруг...

— Надо же, я и правда ничего не помню,— помотал головой Стасик

— Так ты считаешь, поэтому Мельник хочет получить тебя? — спросил Креш.— У тебя какие-то редкие способности? Ты нужна ему, чтобы запоминать.

— Возможно.

— По-моему, он просто хочет поиграть с малолеткой,— сказал Хитрован.— Если она переступит черту, то превратится в карлицу или в другую какую уродину. А у Мельника, известное дело, тот ещё вкус.

— Ты, я смотрю, в таких вещах разбираешься,— заметил Жаба.— Откуда бы, интересно? На себе испытал?

Креш цыкнул на обоих. Этого пока оказалось достаточно.

— Я думал над этим,— сказал вдруг Стасик задумчиво.— Здесь ведь совсем нет взрослых. Они все там, за чертой. Значит, именно в возрасте дело. И я думаю вот что: все мы проходим какое-то испытание и если справимся с ним, то сможем выбраться отсюда.

— То есть стать взрослыми? — спросил Жаба.

— Ну вроде того...

— Глупости! — сказал Хитрован.— А как мы здесь оказались? А как новая ватага узнает, какое испытание ей проходить? Что собирать? У кого искать?

— Сами понемногу догадываются, а нет, так сходят к Мудрецу, он скажет за подношение,— пояснил Креш.— Я, например, отдал ему лосину ногу.

— Я думаю, мы должны понять что-то,— продолжил Стасик.— Осознать какую-то истину, позволяющую быть взрослым.

— Какую? — спросил Креш.

— Например, научиться отличать добро от зла.

— Ерунда! — бросил Креш.

— А ведь Стасик, скорее всего, прав,— сказала Бася и попросила: — Отпусти меня, Креш!

Попросила она не жалобно, а скорее устало, и так, будто предупреждала о чём-то.

— Нет,— помотал головой Креш.

* * *

Шайка Турана устроила засаду на тропе, идущей меж двух овражков. Четверо во главе с вожаком вышли из зарослей, а ещё трое перекрыли путь к отступлению. Джабраил пискнул. Креш выступил вперёд, как и положено лидеру.

— Не слишком ли вас много? — спросил он не без сарказма.

— В самый раз,— усмехнулся в ответ Туран.

— Пятый лишний, ты же знаешь.

— Знаю,— невозмутимо ответил Туран.— Когда придёт время, я возьму с собой лучших. А пока ничто не мешает мне присмотреться к ребятам.

— Юлу ты прогнал,— Креш тянул время и вместе с тем пытался вывести противника из равновесия.— Испугался, что он отберёт у тебя первенство?

— Пытаешься шутить? Не смешно. Юла слабак, он не выдержал отбора. Но послушай-ка, и вас ведь не четверо, как я погляжу. Я умею считать, Креш, представь себе.

— Девчонка — всего лишь товар.

— Вот именно, Креш, ты попал в самую точку,— Туран осклабился.— Она всего лишь товар, и я бы хотел заполучить его.

— Тебе нечего предложить мне взамен, подонок.

— Верно. И ты знаешь, как я поступаю, когда мне нечего предложить.

— Но всемером на четверых нечестно! — выкрикнул Жаба.

Туран едва заметно ухмыльнулся, не удостоив Жабу большим ответом.

— Давай так,— сказал он Крешу.— Ты отдаёшь нам ведьму, и мы мирно расходимся.

— Я своих не бросаю,— произнёс сквозь зубы Креш.

— Достойный принцип! — кивнул Туран.— Но она ведь не твоя, правда? Она не из твоей ватаги. Пятый лишний, Креш, ты сам мне только что напомнил это золотое правило.

Разумеется, ни до чего путного договориться они не могли. Все эти разговоры служили лишь для отвлечения внимания. И та и другая ватаги перестраивались, сосредотачивались — только одна готовилась к нападению, а другая к обороне. Битва должна была неминуемо вспыхнуть, и она вспыхнула.

Подростки дрались жестоко. Они боялись боли, но не боялись причинить боль другим. Вскоре от заранее подготовленных схем не осталось и следа, всё смешалось, превратилось в какую-то кучу-малу, даже само время, казалось, пошло рывками, и в какой-то момент Креш осознал, что вытаскивает Джабраила за ворот куртки из-под сапог турановских парней.

— Отрыв! — крикнул Креш.

Его парни были натренированы. Слово, означающее для всех возвращение домой из этого проклятого места, в ватаге служило командой на любой внезапный отход, когда нужно было перегруппироваться или просто сбежать.

Но на этот раз организованно отойти не вышло, потому что, спасая Джабраила, Креш и сам получил ногой в бок. Удар заставил его развернуться, потерять время. А потом у одного из нападающих в руке появился нож, и он двинулся на Креша, а тот инстинктивно отмахнулся рукой и только через минуту почувствовал сильную боль. Глубокий порез шёл от локтя и почти до запястья. Но пока было не до порезов, а рука работала, и кровь срывалась с неё, разлетаясь каплями по кругу.

Они явно проигрывали схватку. Туран лишь усмехался и стоял в стороне, так и не запачкав руки боем. Ему хватало парней, которые дрались не столько с ватагой Креша, сколько друг с другом за место в команде.

Но тут в дело вступила Бася. Чётким ударом она разбила нос одному и тут же сломала руку другому, тем самым уравнивая силы; а потом уложила ещё двоих, переломав им ноги, и ватага Креша вдруг оказалась в победителях.

Большинство их врагов не могли подняться и корчились на дороге или в придорожной траве. Сам Туран так и не вступил в схватку. Просто не успел. Раньше в его вмешательстве не было необходимости, а теперь не было смысла.

— Ничего, не помрёте, — сказала Бася парням, тяжело дыша. — Через неделю кости срастутся, и будете козликами прыгать.

— Ничего себе! — произнёс Джабраил, а едва они отошли от места стычки спросил: — Почему ты не свернула шею Хитровану, когда он к тебе приставал?

Хитрован поморщился и потёр рукой шею.

— ...

— Креш, ты должен освободить её! — потребовал Джабраил. — Она же помогла нам!

Креш немного подумал и мотнул головой:

— Нет. Мы могли бы просто отдать её Турану, и тогда помощи не потребовалось бы вовсе.

— Ты бы не смог так поступить!

— Вот именно, Жаба! Потому что она нужна нам.

* * *

Они поднимались в горы, и с каждым часом почва и воздух становились всё холоднее. Правда, днём они не замечали этого, разогреваясь от быстрой ходьбы, но, как только останавливались на ночлег или привал, холод начинал пробираться под скудные одеяния.

Стасик тут же разводил костёр, принимался готовить, а остальные садились плотно плечом к плечу, морщились от дыма, но старались не выпускать жар из круга.

— Нам обязательно менять на камень девчонку? — спросил как-то Стасик.

— Лучше помолчи, — ответил сквозь зубы Креш.

С каждым днём предводитель ватаги становился всё более раздражительным, мрачным и молчаливым. То, что предстояло сделать, нравилось ему не больше, чем Стасику или Джабраилу.

На исходе восьмого дня восхождения они достигли снегов и наполовину замёрзшего ручья, на котором когда-то стояла горная мельница. Что за минерал здесь добывали, угадать было невозможно. Со временем мельница пришла в упадок, пруд спу-

щен, плотина разрушена. От многочисленных сооружений уцелел только длинный приземистый барак или сарай, в котором раньше, вероятно, хранили перемолотый камень.

Изумрудная черта, очень красивая на снегу, проходила ровнѐхонько через середину длинного строения, а внутри, прямо на этой черте, стоял круглый стол.

Со стороны Мельника барак выглядел обжитым. Там на стенах висели шкуры и головы зверей, играл огоньками камин, судя по всему сложенный позже барака. Возле камина стояли несколько массивных кресел и горка с бутылками. Часть барака была занавешена шкурами и холстом, там располагался хозяин.

На гостевой стороне не было почти ничего. Лишь несколько плетѐных стульев и куча соломы, используемая, видимо, посетителями вместо постели. Креш уже приходил сюда пару раз и потому знал что делать. С порога он окрикнул хозяина и, не дожидаясь приглашения, подвинул стулья к круглому столу.

Мельник выглядел лысым и толстым мужчиной среднего возраста. Он был одет вовсе не как горный отшельник, а носил приличный городской костюм и лакированные туфли. В руках у него был саквояж.

— Прежде чем заключать сделку, я хочу удостовериться, что она действительно рыжая, — сказал он, усаживаясь на стул по свою сторону стола.

— Каким же образом? — поинтересовался Креш.

— Всё просто. Вытащи из неё волос, так чтобы я видел, и положи на стол.

Креш выдернул волос из головы Фѐклы и положил на лист белой бумаги.

Мельник крутанул столешницу, так что та сделала пол-оборота, и бумага с волосом оказалась на его стороне. Он достал из саквояжа спиртовку, какие-то пробирки, реактивы и начал работать. Волос был залит жидкостью, подогрет на пламени и проверен на ровном стекле всевозможными каплями и бумажками.

— Да, она настоящая. Рыжая, — сказал, наконец, Мельник. Он был явным образом удовлетворѐн. — Ты хочешь получить за неё камень в виде сердца?

— Да.

— Пусть ведьма перейдёт сюда,— предложил Мельник.

— Стёклышко вперёд, дядя,— произнёс Креш.

— Не доверяешь мне, мальчик?

— Нет.

— А как я могу доверять тебе?

— Моё слово нерушимо, спроси у любого.

— Наслышан,— хозяин немного подумал.— Что ж, я, пожалуй, поверю тебе. Но имей в виду — меня можно обмануть лишь раз. На второй у тебя не останется времени.

Он покопался в саквояже. Затем положил на стол стекляшку и опять повернул столешницу. Та часть стола, на которой лежал камешек, оказалась по эту сторону черты.

— Твой черёд,— сказал он.— Выполняй слово.

— Проверь камень,— не сводя взгляда с Мельника, бросил в сторону Хитрована Креш.— Надеюсь, ты не против? Ведь ты проверял волос.

Хозяин прищурился, но кивнул. Он ждал и смотрел на Басю, а та, в свою очередь, смотрела на Креша. Она смотрела на него равнодушно, словно уже вычеркнула из списка тех, с кем могла говорить. Это его задевало больше любой открытой ненависти.

— Подходит,— сообщил Хитрован.— Камень что надо! Отдавай девку и пошли!

— Я жду,— улыбнулся Мельник.

— Отрыв! — крикнул Креш.

Парни рванули к выходу, не утруждая себя размышлениями, что же задумал их командир. И всё же растерянность дала о себе знать. Хозяин опередил их. Он взревел и дёрнул потайную верёвку. Огромная задвижка упала на дверь и заклинила её.

— Ах ты мерзавец! — взревел хозяин.— Ещё заливал мне тут что-то о чести, о нерушимом слове. Вздумал обмануть меня, Мельника!

— Собирай структуру,— шепнул Креш Джабраилу.

— Я не могу поверить,— пробормотал тот в ответ.— Ты нарушил слово! Креш нарушил слово, вот так да!

— Работай, Жаба, чёрт тебя возьми! — ругнулся Креш.— Стасик, помоги ему. Ну же!

Он повернулся к Мельнику и усмехнулся, хотя из-за нарушенного слова и ситуации в целом чувствовал себя неуверенно, а если сказать точнее — в панике и полном дерьме.

— Что ты сделаешь нам, толстяк? — с вызовом произнёс он. — Ты же не можешь пересечь черты.

— Верно, маленький негодяй, — ответил хозяин. — Но у меня есть верные помощники, знаешь ли.

Он свистнул. Из лаза, проделанного в стене и прикрытого куском шкуры, один за другим выбралось несколько псов. И, к ужасу Креша, вылезли они по эту сторону черты. Чёрные, злые, учёные. Им не нужно было объяснять, кого рвать на куски. Всякий, кроме хозяина, считался врагом, если только не прозвучит поправка. Мельник поправок не сделал.

Хитрован и Креш медленно выступили вперёд, чтобы отвлечь на себя псов, а Стасик с Жабой пытались собрать структуру. Тем временем Бася уже пришла в себя и двинулась осторожно вдоль стенки, стуча кулачком по доскам. В одном месте звук показался ей подходящим.

— Ломайте здесь! — крикнула она Крешу. — А я задержу собак.

— Ведьму не портить! — приказал Мельник псам.

Те оказались достаточно смыслёными, чтобы понимать даже такие сложные приказы. Не простые оказались псы. Они попытались проскочить мимо Баси, куснуть Джабраила или Стасика. Но девчонка уверенно держала оборону. Креш всё же получил укус, а тем временем Хитровану удалось проломить доски, и он вывалился наружу, на большой сугроб. Вскоре туда отступили и остальные.

Псы бросились следом, но здесь уже всюду валялись палки и обломки досок с торчащими гвоздями, так что зверюгам пришлось несладко.

— Готово! — закричал, наконец, Джабраил.

* * *

Воздух вокруг них начал сгущаться. Сперва еле заметно, но вскоре их окружило нечто похожее на радужную плёнку мыльного пузыря, только гораздо более плотное. Пузырь подскочил

вверх вместе с ними и почти сразу опустился обратно, хотя место оказалось уже другим — ни снега, ни сарая они не увидели.

— Чёрт, нас пятеро! — воскликнул Хитрован и, раздвинув руками оболочку, точно это были ветви дерева, выбрался наружу.

Креш попытался схватить его за руку, но тот увернулся. То, что напоминало плёнку, сомкнулась вновь.

— Я ещё не готов, Креш, ещё поброжу тут маленько. А вы идите. Вам пора.

Оболочка пузыря стала мутнеть, и разглядеть, что там снаружи происходит, становилось всё труднее. Хитрован медленно пятился от них и будто исчезал в тумане. Креш понимал, что ещё может разорвать пузырь, и все они останутся вместе, но останутся здесь. Ведь тогда их всё равно будет пятеро, а впятером они никогда не выберутся. Может ли он решать за других? За малыша Джабраила, за Стасика? За рыжую девчонку?

Жаба прижался к Басе, а та сжала руку Креша, да так крепко, что и, рванись он из пузыря, сразу не получилось бы. Стасик же стоял гордо, скрестив на груди руки, будто именно он всё и устроил.

— Я попытаюсь найти Юлу, соберу новую ватагу... — долетел до них утешающий голос Хитрована.

Больше они не смогли расслышать ни слова. А с пузырём что-то происходило, но они не видели что именно. Только время от времени где-то внутри возникало ощущение свободного падения. Креш хмурился. Получается, он не только нарушил слово, но и бросил одного из своих. От обиды на самого себя в глазах появились слёзы. А потом наступила тьма.

Он стал понемногу вспоминать прошлое. Сквозь муть проступили лица прежних приятелей, он, кажется, даже считал их друзьями. Родители. Да, у него были родители. Папа, и мама, и бабушка. Затем он вспомнил инструктора, который готовил его и провожал к Полигону. Он вспомнил подготовку к испытаниям. И понемногу стал вспоминать всё, что объяснял инструктор.

Суть дела заключалась в воспитании. Их справедливое общество основано на свободе, а воспитание эту свободу всё время

ограничивало. Такова дилемма. Воспитание детей вообще — узкое место любой утопии. Ведь это зачастую насилие. А насилие никогда не приводит к полной гармонии. Какая-то часть воспитуемых обязательно восстанавит себя против учителей, родителей, общественного уклада. Проблема свободной этики в том, что её нельзя навязать. А общество, не имеющее механизмов воспроизводства граждан, будет нестабильным.

И потом, только словами и чужими примерами не объяснишь, где заканчивается доблесть и начинается глупость, где упорство переходит в упрямство, а принципы в снобизм. Чтобы по-настоящему научиться различать добро и зло, недостаточно просто слушать учителей или родителей — нужно получить собственный опыт, пережить, сопоставить его с чужим. Но любой опыт требует времени, пути проб и ошибок и зачастую целой жизни. И тогда эти ошибки будут болезненными для всего общества.

Полигон позволял заменить воспитание самовоспитанием. Только там Креш смог взвесить ценности и познать на собственном опыте, можно ли, например, считать добром умение держать слово, если этот принцип в определённой ситуации приводит к напрасной потере людей. И в любой ли ситуации не нужно бросать своих. Он совершил сотни поступков, каждый из которых закалял, выковывал его этику.

* * *

Наконец, мешанина из старых и свежих воспоминаний пришла в некий порядок и Креш очнулся. Или, скорее, проснулся.

Он огляделся. В маленькой комнатке его кровать была единственной. Рядом стоял небольшой столик с полочками и стул. На стуле, облачённый в белый халат точно сотрудник научной лаборатории, сидел инструктор. Лаборатория? Скорее уж больница. Креш вдруг подумал, что, быть может, никакого Полигона и вовсе не существует, а он пробыл всё это время в гипнотическом сне? А что, задурить подросткам головы этими испытаниями было бы дешево и сердито.

Креш украдкой взглянул на собственную руку и обнаружил свежий шрам. Тот самый, что остался после стычки с ватагой

Турана. А нога отозвалась болью от недавнего укуса здорового пса Мельника. Значит, всё случилось на самом деле...

— Теоретически мы могли бы сделать тебе и шрам,— заговорил инструктор, поняв, о чём Креш подумал.— Но какой в этом смысл? Кому нужна этика, основанная на лжи? Рано или поздно ты бы узнал правду и чего бы тогда стоил этот гипнотический опыт?

— А где Стасик, Джабраил, Бася? — спросил Креш.

— Твои спутники? — переспросил инструктор.— Они уже далеко. Подростки подбираются из разных групп, из разных школ, из разных городов. Теперь они вернулись к себе. И ты вряд ли их встретишь когда-нибудь. Мир большой.

— Но я подружился с ними.

— Если подружился — найдёшь,— не стал спорить инструктор.— Но кое-кто тебя навестит уже вскоре.

* * *

Кое-кем оказалась Бася. Она вошла в комнату, едва он расправился с обедом, и уселась на единственный стул.

— Вот твой мобильный коммуникатор,— сказала девушка, протягивая чёрный овальный прибор.— Ты можешь связаться с родителями или со старыми друзьями.

Быстро вспомнив, как управляются с этой штукой, Креш вызвал меню и пролистал список абонентов. Старые имена рождали тусклые воспоминания. Никому из них звонить сейчас не хотелось. Как и родителям. Конечно, он вовсе не стремился доставить предкам лишние волнения, но их наверняка и так проинформировали о его состоянии, а молчать в трубку или отговариваться дежурными фразами Креш не любил.

— Тебя уже отпустили? — спросил он у Баси, отложив коммуникатор.— Мне уже надоело лежать.

— Я здесь работаю,— ответила она тихо.— На Полигоне в смысле.

— Как это? Тебе же всего...

— Мне не четырнадцать лет — гораздо больше. Я просто выгляжу так...— Она запнулась, задумалась.— Нет, не только выгляжу. Я думаю так и так ощущаю себя и окружающий мир, буд-

то мне всё ещё четырнадцать лет. И будто время остановилось. Хронический инфантилизм, если по-научному. Такая себе профессиональная девочка-подросток. Но знания и опыт всё равно копятся понемногу. И потому я работаю Проводником. Вытаскиваю ребят вроде тебя.

— Вытаскиваешь?

— Ты слишком задержался там, Креш. Невольник чести, так сказать. Не мог пойти на хитрость, на подлость ради команды и самого себя. Вот и пришлось подкинуть тебе идейку обменять меня на искомый камешек.

— То есть, получается, я не прошёл испытание? И мне пришлось помогать?

— Брось! Испытание совсем не то же самое, что угадывание правильного ответа в задачнике. Разве твоя этика, мировоззрение уже не сформированы? Там всё было всерьёз, без дураков. Те люди, что живут на периферии Полигона, они ведь не из проекта, даже не совсем из нашего мира. Мельник так и вовсе настоящий злодей. А Ветер, скорее всего, даже и не человек. И мы, в смысле работники Полигона, ничего не можем против них предпринять. Мы не можем отправить туда армию или полицию, не можем поставить средства слежения, контроля. Только люди вроде меня или тебя могут ходить туда.

— Как можно бросать неопытных детей в среду, которую ты даже не контролируешь? Мы же не в Спарте древней живём.

— Так уж повелось. А почему, мы в точности и не помним. Есть только догадки. Ведь Полигон каким-то образом исцеляет практически от любого заболевания, даже врождённого, генетического. И смерти как таковой там не существует. Раны затягиваются, болезни не пристают. Насморк — самое злое заболевание на Полигоне. Так что лучшего места для детского сада и не придумаешь. Возможно, изначально его использовали только как клинику, как институт последнего шанса. А потом, не обнаружив негативных последствий, стали отправлять и здоровых детей. Для профилактики. Мало ли какое заболевание может быть скрыто? И только со временем это превратилось в своеобразный воспитательный тренажёр.

Но я думаю, не только в этике дело. Полигон выявляет лидеров. Тех, кто сможет позже возглавить рискованные проекты или экспедиции к другим мирам. Он выявляет настоящих лидеров, не таких, что выслуживаются при помощи лесты или продвигаются посредством родственных связей или, скажем, подкупа, подлости. И это очень удачная находка для нашего общества, если подумать.

— Находка? — в который раз удивился Креш.

— Полигон ведь не создан нами, в смысле человечеством, он — уникальная аномалия.

— Это должно серьёзно беспокоить, — нахмурился Креш. — Получается, что Полигон якобы обучает нас различать зло и добро, но кто даст гарантию, что сам он является добром? Допустим, какая-то цивилизация — инопланетная или доисторическая, не суть важно, — оставила нам странное наследство; допустим даже, что совершенно искренне оставила, без какой-либо задней мысли, но ты уверена, что их этика сродни нашей?

— Когда-то наши предки решили, что все развитые цивилизации со временем приходят примерно к одной этической доктрине. Иначе они просто не доживают до высокого уровня развития. И постулат этот выглядит убедительным.

Креш промолчал.

— Ладно, я пойду. А тебе нужно набираться сил. Ты пробыв там слишком долго, а это чревато тем, что потом труднее взростеть и в физиологическом, и в психологическом смысле.

— И ты в своё время тоже там задержалась?

— Ну да.

Девушка встала и направилась к выходу.

— А если бы... если бы я отдал тогда тебя Мельнику? — спросил Креш вдогонку.

— Я бы осталась у него. Надолго. Оттуда трудно выбраться.

— То есть ты рисковала всерьёз?

— Да, это не игра.

— Слушай, а расскажешь мне, как становятся Проводниками?

ВТОРЖЕНИЕ НА СИММАК

До селенья бриаксов командор Перл и его верный ординарец Витти топали пешком. Хорошо, вдали от командного пункта можно было немного расслабиться — командор расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки, а Витти надел легкие спортивные ботинки, до неприличия штатские на вид, но исключительно удобные. Идти было далековато, почти четыре километра, но альтернатива отсутствовала. Бриаксы лишь после долгих уговоров и просьб согласились предоставить площадку — пятьдесят квадратов каменной почвы — для взлетов и посадок земных «челноков».

Перл вытер вспотевший лоб и тихо выругался. Витти сочувственно взглянул на командора и развел руками.

Атмосфера планеты Симмак была пригодна для дыхания, но до чего же горяча! Совсем как на Земле до эпохи терморегуляции. И ветер здесь был сухой и горячий, особенно в лишенных растительности местах. Земляне постоянно предлагали помочь с работами по климат-формированию, но консервативные гуманоиды отказывались. Даже провести лишнюю оросительную канавку не желали! «Кто помнит мир таким, каким он был, будет заботиться, чтобы он таким же и остался», — обычно отвечал на гуманитарные предложения вождь бриаксов Тур-Хум. Обитатели Симмака были уверены, что когда-то боги покинули их из-за попыток повлиять на климат планеты. А права туземцев соблюдались землянами неукоснительно. Тем более, земная помощь в прошлом иногда приводила к печальным последствиям, и эти прецеденты каждый раз вытаскивались на свет божий много-

численными контролирующими организациями, комитетами и представителями общественности.

Внезапно сзади послышались быстрые шаги. Кто-то почти бегом догонял утомленных жарой путников. Мужчины разом обернулись, готовые к любой неожиданности. Конечно, это была она, Жанна д'Арк организации «Гринюниверсал», назойливая как муха, но на редкость привлекательная Брунхильда Маски. Поскольку девушка не выглядела усталой и запыхавшейся, командор сразу понял, что она опять нарушила запреты бриаксов и посадила шлюпку «Грина» в непопозвоженном месте, зато близко к проселочной дороге, удобной для ходьбы. На Брунхильде было надето белое струящееся платье в мелкий синий горошек. Единственным оправданием ее противозаконному поступку служили темно-синие лодочки на высоких каблуках. В таких по камням не побегаешь.

«Вот так, налаживаешь связи, унижаешься, потакаешь аборигенам во всем, а потом приходят некоторые... а все шишки на военных!» — пронеслось в мыслях у Витти. Он слегка приуныл, но тут же вспомнил, что бриаксы благоволят Брунхильде, и протесты с их стороны вряд ли последуют. Девушка так рьяно, громко и последовательно отстаивала интересы жителей Симмака, что ее, единственную, бриаксы могли в случае чего хотя бы внимательно выслушать.

— Я буду защищать права туземцев! — начала Брунхильда, толком не поздоровавшись. — Опять задумали нарушить Закон об аборигенах?!

— Закон о правах инопланетных разумных рас, — поправил Витти автоматически, — и ничего мы не думали нарушать. А вот вы как раз и нарушили. Бриаксы нас по головке не погладят! А если до Комитета дойдет?! Посадка в запрещенной зоне с молчаливого попустительства командования!

— Мой ординарец хочет сказать, что от вас одни неприятности, — поддержал Перл.

Его худощавое лицо с орлиным носом и пронзительными голубыми глазами оставалось непроницаемым. Но он слегка замедлил шаг, чтобы девушка могла поспеть за ними. Витти заметил это, и его темные глаза лукаво сверкнули. Он сделал

вид, что поправляет пилотку, и чуть приотстал, давая командору возможность пообщаться с Брунхильдой. Темпераментный и романтичный итальянец, он как никто другой мог понять суть отношений, последние пять лет развивающихся на его глазах между командором и «Гринюниверсалкой».

Брунхильда была смешанного немецко-итальянского происхождения. Маленькая, тоненькая, с большими карими глазами и черными волосами до пояса, она походила на свою мифическую тезку лишь воинственным характером.

— Ладно, не будем ссориться, — миролюбиво сказала Брунхильда. Такое вступление всегда означало, что она хочет втереться в доверие, выведать планы, а затем разрушить их с помощью своих соратников. «Гринюниверсал» была очень влиятельной организацией. Наверное, второй по значимости после «Сохраним Чужой Дом!», защищающей исконные права инопланетных рас.

— Я хочу договориться с вождем о продаже нескольких деревьев из Священной рощи! — сказал командор сухо. — Мы можем дать им неизмеримо больше. И не надо говорить о правах, которые мы попираем!

— Но вы и вправду попираете! — Брунхильда ловко взяла командора под руку и подняла на него по-детски доверчивый взор. — Бриаксы ценят свою рощу превыше всего. Ведь когда-то там жили их боги! Много тысячелетий роща стоит нетронутой под охраной самых лучших воинов. И моя организация обязательно наложит вето на подобную сделку, когда дойдет до Комитета. Даже при согласии вождя. В чем я сомневаюсь.

Она как в воду глядела. Командор улещивал и обещал, Витти хлопал советников вождя по узким плечикам и балагурил, но Тур-Хум, небольшого роста гуманоид нежно-зеленого цвета, стоял как скала. В обмен на ценные дары цивилизации вождь предложил переговорщикам лишь дополнительную посадочную площадку — болото, удивительным образом выжившее в жарком климате планеты, гиблое место, которое даже «Гринюниверсал» не стал бы защищать. В качестве утешения Тур-Хум оказал землянам высокую честь — пригласил на церемонию Священной

рощи, которая должна была состояться через несколько дней. Правда, оказал эту честь с неохотой — Витти заметил, что щупальца вождя побелели от раздражения. И даже равнодушному автопереводчику удалось передать недовольную интонацию, с которой было сделано приглашение.

На обратном пути командор и ординарец утрюмо молчали. Щербетала только довольная Брунхильда. Она уже составила дополнительный список приглашенных: несколько коллег, представители дружественных организаций, члены Комитета. Вся эта братия каталась по космосу за счет земных налогоплательщиков и ставила военным и ученым палки в колеса, где только могла.

— Вы представить себе не можете, как важны эти деревья! Стратегически важны! — не выдержал наконец Витти. — Спросите доктора Радова! Нашим ученым удалось сделать анализы и...

— Так вы незаконно вторглись в Священную рощу и взяли образец? — оживилась Брунхильда. — Я обязательно поговорю с Радовым, когда он соизволит покинуть лабораторию. Хотела сама туда зайти, но ассистенты меня и на порог не пустили!

Губы Брунхильды упрямо сжались, и Витти понял, что рано или поздно она обязательно прорвется в лабораторию. Командор же подумал, что профессор Радов — чертовски правильная кандидатура на должность руководителя их совместного проекта.

— Нет комментариев, — буркнул Перл и больше не произнес ни звука.

На орбитальную станцию они прибыли почти одновременно и разошлись, не попрощавшись, хотя Брунхильда несколько раз обернулась, уходя по блестящему металлом коридору.

Командор посмотрел на ординарца и вздохнул. Витти понимал, какая борьба происходит в его душе.

— Остается одно средство, — тихо сказал Перл, — космический десант...

Витти поежился и с сомнением взглянул на командора.

— Значит, вторжение?

Тот коротко кивнул в ответ. Что поделать, если все другие возможности исчерпаны!

— Ну как прошло, командор? — раздался взволнованный голос. Профессор Радов, заведующий биологическим сектором, торопливо подошел к военным.

— Приступить к разморозке десантников! — приказал Перл.

* * *

Праздник удался на славу — перед входом в Священную рощу, на хорошо утоптанной площадке, выступили местные знаменитости, пропели положенные гимны жрецы, прошлись в причудливом танце одетые в легкие одежды плясуны. Бриаксы вдохновенно славилы богов и возносили молитвы в надежде заслужить расположение высших сил. Командор Перл и Витти стояли в первых рядах, время от времени поглядывая на небо. Но смотрели они не только вверх. Неподалеку сидела в изящном деревянном кресле задаренная аборигенами Брунхильда. Девушка цепко держала в объятиях букеты цветов, этнические бусы и пестрые рулончики сотканной на примитивных станках ткани.

«А для нас пару деревьев пожалели! — подумал Витти, глядя на ее счастливое лицо.— Креслице-то поди из священной древесины!»

Внезапно в толпе забормотали, зашептали, а кое-где даже пронзительно вскрикнули. С голубых небес спускался космический десант, нежданный подарок землян бриаксам. Брунхильда тихо ахнула. Рядом с военными материализовался вице-президент организации «Сохраним Чужой Дом!». Он еще жевал какой-то симмакский фрукт, но при этом пытался что-то сказать, возмущенно глядя на командора Перла.

Маленькие фигурки приближались, плавно снижаясь на яркоокрашенных парашютах. Вождь застыл как вкопанный, не в силах поверить в святотатство. В паре десятков метров от земли скафандры дематериализовались, явив взору бриаксов и землян истинный облик смелых десантников. Раскачиваясь под разноцветными куполами, меланхолично поглядывая на приближающуюся землю Симмака, в Священную рощу спускались коалы.

Вот лапы последнего «десантника» коснулись земли, парашюты отстегнулись и унеслись ввысь.

Командор и Витти переглянулись. Возбужденный гул толпы усилился. Тур-Хум медленно двинулся к Священной роще, вытянув вперед трепетные щупальца. Самый крупный коала встал на четыре лапы и неуклюже, но целеустремленно затопал к ближайшему священному дереву. Вдруг, с несвойственной коалам прытью, зверек ловко вцепился в ствол и заторопился вверх, смешно подтягивая отстающие части тела прыжковыми движениями задних лап. Вот он ухватил в пасть несколько листочков с ветки и приступил к их поеданию, все так же меланхолически созерцая новую обстановку.

— Боги вернулись! — срывающимся голосом провозгласил Тур-Хум. — Возрадуемся же чуду сему!

Брунхильда вскочила, отбросила подарки и кинулась к командору.

— Почему вы мне не сказали? Ведь это последние коалы, да?

— Ну да, — отвечал Перл, слегка краснея, — после гибели эвкалиптов последних коал заморозили. Вы ведь знаете, что терморегуляция убила почти все миртовые... И эвкалипты не удалось восстановить. Ученые выяснили, что только деревья из Священной рощи пригодны коалам в пищу. А поскольку нам категорически отказали, мы решили пойти другим путем... Их не будет на Земле, но пусть живут на Симмаке... Витти же говорил вам: это стратегически важное задание...

— Если гора не идет к Магомету... — вернул ординарец.

— Мы видели изображения их богов, они немного похожи на коал... — продолжал командор Перл. — Но, даже если их и не признают за священных существ... У кого поднимется рука обидеть такого милого зверя?! И плевать мне на ваши организации и комитеты с их дурацкими заседаниями и протоколами! И еще — коалы мне нравятся!!!

— Айзек! — Брунхильда обняла Перла и прижалась головой к его груди, где-то на уровне сердца командора. Черные волосы в беспорядке рассыпались по парадному белому кителю.

«А я ведь не знал, как его зовут, — подумал Витти, — пять лет бок о бок, а не знал!»

ФАНТОГРАФ

Серьёзная женщина в тёмно-сером костюме и очках в строгой оправе сразу перешла к делу:

— Через две недели у нас открытие нового отеля, и нам требуется привидение.

— На какой срок?

— Навсегда. Видите ли, мы для отеля не новое здание построили, а выкупили и реставрировали старинный замок. Создали в нём соответствующий антураж. Единственное, чего ему не хватает, — это привидения. У любого уважающего себя замка должна быть трагическая легенда и, разумеется, призрак. Легендой займёмся мы, а от вас нам необходимо привидение.

— Какое именно привидение?

— Всё очень традиционно, по канонам жанра. Молодая женщина, распущенные чёрные волосы, свободная белая одежда.

— Звуковые эффекты нужны? Плач, стоны, звон цепей?

— Нет уж, спасибо, — хмыкнула женщина. — Мы не хотим довести своих клиентов до инфаркта.

— Зона передвижения — по всему отелю?

— Ни в коем случае — слишком велик риск ненароком испугать наших клиентов. Нам нужно, чтобы привидение существовало, но перемещалось только по ограниченной территории. Мы собирались отвести ему угловую башню, винтовую лестницу и смотровую площадку.

Я вписал сумму в типовой контракт и протянул его клиентке. Женщина быстро глянула на цену и подняла глаза:

— А я слышала, что, кроме создания привидения, оплачивается ещё и его ежемесячное обслуживание.

— Обычно оплачивается,— согласился я.— Но, к счастью для вас, эту работу за меня будут выполнять посетители вашего отеля — при условии, конечно, что вы будете подпитывать их веру в привидение. Постоянно поддерживайте к нему интерес, давайте своим клиентам его время от времени увидеть. Если заметите, что, несмотря на все усилия, призрак начинает исчезать, приходите ко мне, и тогда мы обсудим дополнительные расходы на его обслуживание.

Клиентка подписала контракт, попрощалась и вышла.

Я откинулся на спинку стула. Люблю привидения. И работы с ними немного — я могу их создавать практически не думая, без усилий, и доход от них всегда стабильный, гарантирует хлеб с маслом.

Жаль только, душе просто хлеба с маслом мало — ей хочется полёта и творчества.

* * *

Голос Риты в трубке звучал подозрительно невинно:

— Костик, а какие у тебя планы на вечер?

— Пока не решил...

— Я вот думала, может, сходим в кино? А потом можно к тебе...

Ко мне я не против, хотя у Риты, вообще-то, условия лучше — просторная квартира, шикарный вид из окон и толстые стены, через которые не слышно соседей. Рита знает, что моё жильё хуже, а переночевать у меня ей хочется из-за самого обычного женского любопытства: мы встречаемся больше полугода, а я ещё ни разу не приводил её к себе домой.

Я подозревал, что Рита считает, будто я не хочу, чтобы она ночевала у меня дома, потому что это серьёзный шаг в развитии наших отношений, к которому я ещё не готов. Женщины часто всё усложняют, и зря. Домой я её не привожу не из-за того, что якобы не готов, а просто потому, что всё никак не могу решить, что же мне делать с Дашей.

— Ритуль, сегодня не получится. Мне надо пройтись по страшным домам и убедиться, что там после Дня Всех Святых ничего не осталось. А это надолго.

Я не врал. День Всех Святых для меня, пожалуй, самое занятое время года. Последние недели перед праздником я в поте лица создаю привидения для страшных домов, тематических вечеринок и просто для рядовых граждан, решивших украсить своё жильё в соответствующем духе. Большинство из моих созданий исчезают сразу после праздника, но из-за некоторых слишком впечатлительных людей кое-какие привидения задерживаются, потому после Дня Всех Святых ещё неделю я занимаюсь тем, что убираю этих призраков-долгожителей.

Рита молчала, но я прямо-таки чувствовал, как она надулась.

Я закрыл глаза и сосредоточился, создавая фантом цветка. И поймал себя на мысли, что чувствую себя обычным фокусником, дешёвым трюком отвлекающим внимание ребёнка.

Я понял, что Рита получила фантом розы, когда услышал, что она тихо ахнула, и предложил:

— Давай завтра?

— Давай,— охотно согласилась повеселевшая Рита.

Я повесил трубку и тяжело вздохнул. Придётся сегодня поговорить с Дашей. Только вот что я ей скажу?

* * *

Следующий посетитель — совсем ещё молоденькая девчонка. Упомогачительно высокие каблуки на сапогах, какая-то странная куртка, видимо очень дорогая и модная, потому что только дорогие и модные вещи могут позволить себе быть такими нелепыми, густой макияж и жевательная резинка во рту.

— Вы реально фантомов делать можете?

— У меня на вывеске написано «Фантография».

— Мало ли что написано! Может, это рекламный ход, а на деле вы ничего, кроме привидений, делать не умеете!

— Девушка, вы хотите что-то заказать или просто побеседовать со мной зашли?

— Мне нужен фантом человека.

— Фантом человека — это очень дорого.

— Ничего, мне это по карману.

«Скорее уж — родителям», — усмехнулся я про себя и спросил:

— Надолго?

— На один вечер и ночь. Но только чтобы фантом был совсем как настоящий, чтоб не отличить, — мне прозрачных привидений не надо.

Я слегка кивнул в ответ; объяснять девчонке тонкости фантографии и разницу между фантомом и привидением я не собирался.

Впрочем, о том, что фантом и призрак — это две разные вещи, можно догадаться и по расценкам. Привидение делать легко, на его поддержание много сил не требуется, отсюда и доступные цены. Да и создать его можно каким угодно — хоть человеком, хоть драконом, хоть всадником без головы. Фантомы же — работа значительно более сложная, можно сказать филигранная, требующая мастерства и немало силы, а потому дорогая. Фантом можно сделать только с реально существующего или существовавшего человека или предмета, и он не будет ничем отличаться от оригинала. Кроме того, что по истечении какого-то срока просто исчезнет. Как карета Золушки.

— Чей фантом вам нужен?

— Мой.

— Для каких целей?

— А вам какое дело? Я же вам плачу.

Когда я только начинал работать, я несколько раз крепко влипал, рассуждая точно так же: мне заплатили, а для чего нужен фантом, меня не волнует. Меня и не волновало, да только потом я нередко оказывался крайним.

Например, как-то я создал фантом — копию самого заказчика, совершенно не задумываясь, для чего это ему. А несколько недель спустя ко мне в контору ворвалась его разъярённая жена. Оказывается, клиент тайком бегал к любовнице, оставляя вместо себя фантом. Разумеется, в глазах жены виноват оказался не гулящий муж, а я, сделавший ему прикрытие.

В другой раз парни устраивали мальчишник и решили заказать для вечеринки стриптизёршу, но не простую, а фантом девушки, которая когда-то отказала жениху. И всё бы ничего, да только каким-то образом об этом узнала та самая девушка и подала на меня в суд за посягательство на достоинство личности.

Мои доводы о том, что я всего лишь исполнитель заказа, а придумали это всё мои клиенты, мне не помогли — суд наложил на меня приличный штраф.

Наконец, однажды я сделал фантом шикарного «феррари» и только в полицейском участке узнал, что мой фантом клиент расположил на месте настоящей машины, которую он угнал. Мне шили соучастие, дело едва удалось замять.

Так что я давно взял в привычку интересоваться, для чего клиенту нужен фантом. Разумеется, нет никаких гарантий, что заказчик мне скажет правду, но хоть какая-то информация у меня будет. Впрочем, объяснять всё это сидевшей передо мной девчонке я не собирался и сказал только:

— Правила такие.

— Мне очень надо на одну вечеринку, а предки меня не пускают, — недовольно сообщила она. — Хочу оставить фантом дома, а сама на ночь незаметно смотаться.

Я прикинул, каким образом могу оказаться крайним в этой ситуации. Безусловно, есть вероятность, что девчонка влипнет в неприятности, и тогда её богатый папочка, несомненно, назначит именно меня козлом отпущения — ведь, не будь фантома, он сразу обнаружил бы пропажу дочери и вернул бы её домой. С другой стороны, это всего лишь вечеринка, а не какой-то криминал. Да и лишние деньги никогда не помешают.

— Когда нужен фантом?

— Завтра вечером.

Я решил и достал типовой контракт на фантома.

— Имя, фамилия?

— Алиса Тородан.

Тородан, Тородан... Фамилия казалась знакомой.

— Полная предоплата, — предупредил я, не доверяя этой малолетке.

— Без проблем, — отозвалась она и громко лопнула пузырь от жвачки.

* * *

Даша, как обычно, открыла дверь прежде, чем я достал ключи, — словно ждала. Улыбнулась, обняла, прижалась щекой к плечу.

— Привет!

— Привет, Даш,— ответил я, снимая пальто.— Как день прошёл?

— Хорошо,— радостно ответила она. Что мне нравилось в Даше — у неё никогда не было плохих дней. Именно поэтому, какими погаными ни выдавались бы мои будни, я всегда предвкушал возвращение домой, потому что точно знал — там меня не поджидают очередные проблемы.— А у тебя?

— Да тоже ничего. Несколько привидений и один на фантом — девчонка собирается улизнуть от родителей на вечеринку.

— Ну и замечательно. Ужинать будешь? Я сегодня пробовала новый рецепт тёти Нюры. Не знаю, что вышло, но пахнет, кажется, неплохо.

— Буду,— согласился я. Пахло божественно.

Даша упорхнула на кухню. Я проводил её взглядом, ощущая, как растёт во мне чувство вины. Вот что я ей скажу? Даш, завтра ко мне Рита приходит, ты не могла бы тихо посидеть в своей комнате? А ещё лучше — вообще уйти куда-нибудь на ночь? Да, я знаю, что тебе некуда идти. Что у тебя нет подруг, у которых можно переночевать. В принципе, на завтра я мог бы снять тебе номер в отеле — а что потом? Когда Рита станет ночевать здесь каждую ночь? Что мне делать с тобой тогда?

— Даша,— с трудом начал я, когда мы съели телятину, приготовленную по рецепту тёти Нюры, и стали пить чай.— Понимаешь, завтра ко мне вечером придёт Рита...

Даша, подперев подбородок кулачком, смотрел на меня своими зелёными глазами, и я чувствовал себя ужасно неловко.

— Ты же знаешь, я с ней уже довольно давно встречаюсь,— всё ходил вокруг да около я, не решаясь перейти к главному.— И у нас всё серьёзно...

— И тебе нужно, чтобы завтра ночью вы остались тут одни? — спокойно закончила она.

— Ну, в общем, да. Только...

— Я слышала, что в старом кинотеатре на углу всю ночь крутят чёрно-белые фильмы,— Даша легко улыбнулась и подлила мне чаю.— Ещё кусочек тортика?

— Нет, спасибо,— отказался я, чувствуя облегчение и временно неловкость. Правда, радость от того, как всё просто получилось не моими, впрочем, стараниями, оказалась сильнее.

Я достал бумажник, выгреб оттуда всю наличность, что у меня была, и неловко протянул Даше:

— Держи, это тебе. На кино там, на попкорн...

Мысль о том, что мы станем делать, когда Рита решит постоянно у меня ночевать, я решительно отодвинул на потом.

* * *

— Почему ты здесь живёшь? — с недоумением спросила Рита, обводя взглядом маленькие комнаты, кирпичную кладку и старинные люстры. — Я думала, фантограф твоего уровня зарабатывает достаточно, чтобы позволить себе условия получше.

— Да я как-то привык,— развёл я руками. — Вроде как дом...

Я не кривил душой. Да, квартира была тесноватой; я слышал, когда жильцы сверху открывали краны в ванной или соседи сбoku затевали ссору. В старых батареях иногда шумела вода, а зимой из обрамлённых деревянными рамами окон нещадно дуло. Но здесь я чувствовал себя по-настоящему дома, и мне пока не хотелось никуда съезжать.

Утром я с облегчением понял — хотя Рита была довольна тем, что я привёл её к себе, её совсем не впечатлило моё жилище, и она не собиралась немедленно ко мне переселяться.

Завтрак затянулся, и я едва не опоздал на работу. Когда я добрался до своей студии, меня уже ждал клиент. Мужчина средних лет в дорогом костюме, с тяжёлым взглядом и манерами человека, который давно привык, что ему не перечат.

— Мне говорили, вы самый лучший фантограф в городе,— сообщил мне он и выдержал паузу.

Я не был уверен, какой реакции ожидает мой посетитель. Я был единственным фантографом в городе, что, пожалуй, автоматически делало меня лучшим. Но все фантографы хороши по определению. Создателей привидений в мире немало, а вот настоящих фантографов почти нет. Зато те немногие, кто действительно понимает фантографию,— мастера своего дела.

— Мне нужен фантом вот этого ребёнка,— продолжил мой посетитель и протянул фотографию полугодовалого малыша.

— Для каких целей? — спросил я.

— А вам обязательно знать? — напрягся мужчина.

— Да,— отрезал я.

— Для жены. Наш ребёнок умер месяц назад, и она... Она сама не своя. Никак не приходит в себя, нет ни малейшего прогресса. Не помогают ни врачи, ни гипнозы, ни антидепрессанты. Я думаю, фантом её отвлечёт.

Я решительно отодвинул фотографию:

— Нет.

— Нет? — удивился мой посетитель.

— Нет,— подтвердил я.— Это очень, очень плохая идея.

Некоторое время мужчина молча рассматривал меня, словно решая, что же ему со мной делать — купить или надавить?

— Я заплачу двойную цену.

— Нет.

— Тройную.

— Да не в деньгах дело! Неужели вы не понимаете, что просите?

Мужчина молча ждал продолжения.

Я вздохнул. Когда-то давно я сделал одному человеку фантом умершей жены. Ни к чему хорошему это не привело — когда фантом исчез, для клиента это было словно повторение трагедии, и он едва не свихнулся от горя. С той поры я зарёкся создавать фантомы погибших людей их близким.

— Этим вы сделаете своей жене только хуже. Ей нужно справиться со случившимся горем и научиться жить дальше, а иллюзия только временно заглушит боль. Фантом её не вылечит, он лишь затруднит выздоровление.

Ни проблеска в глазах — казалось, мой клиент не услышал ни слова. Утомлённо взглянул на меня и заговорил, растягивая слова:

— Сегодня поздно ночью дочь председателя областного суда Игоря Петровича Тородан доставили в больницу с сильным алкогольным отравлением.

Так вот почему фамилия Алисы казалась мне знакомой!.. Я похолодел — начало не предвещало ничего хорошего.

— Её едва откачали,— спокойно продолжал мой клиент.— К тому же у Алисы в сумке нашли наркотики и уже завели на неё дело. Игорь Петрович рвёт и мечет. Он строго запретил дочери идти на вечеринку и был уверен, что она весь вечер провела дома, у себя в комнате. Уверен, он будет счастлив узнать, что дочь сбежала из дома с помощью фантома, и что именно из-за услуг фантографа она оказалась в больнице — и под следствием.

«Разумеется, она в больнице из-за меня — это же я её пить заставлял! И это я ей в сумку наркотики подбрасывал!» — привычно возмутился я про себя тому, что меня опять назначают козлом отпущения. И только через несколько мгновений осознал, что мне угрожали. И похоже, угрожал кто-то влиятельный — вон он как быстро узнал про то, что Алисе сделали фантом.

— Вы только навредите своей жене,— вздохнул я и взял фотографию малыша.— На какой период времени вам нужен фантом?

— На месяц, думаю, хватит,— ответил клиент и достал чековую книжку.

* * *

Ритка надулась, когда я под благовидным предлогом отказался встретиться с ней сегодня вечером. Но мне было совсем не до неё. Во-первых, утренний клиент, испортивший мне настроение. Во-вторых, я не видел Дашу со вчерашнего дня. Как она? Может, всё-таки обиделась на меня за то, что я выпроводил её на ночь в кино?

Даша, как обычно, открыла дверь прежде, чем я достал ключи,— словно ждала. Приподнялась на цыпочки, чмокнула меня в щёку и улыбнулась:

— Привет!

— Привет, Дашуль,— с облегчением выдохнул я, обнимая её. Мой дом, островок мира и покоя, по-прежнему на месте.

— Как день прошёл?

— Не спрашивай,— обречённо отмахнулся я, направляясь в ванную комнату.

Контрастный душ, вкусный ужин, горячий глинтвейн — я и не заметил, как меня отпустило напряжение, и вот я уже выложил Даше все подробности утреннего визита.

— Словом, отвратительная идея, и я чувствую себя подлецом из-за того, что согласился, — закончил я свой рассказ.

— Ты не согласился, тебя вынудили.

— Пусть вынудили. Но всё равно я зря согласился. Ну что мне сделает председатель суда? Прикажет возбудить против меня дело? Ладно, пусть. В любом случае, я ничего противозаконного не делаю, так что вряд ли мне смогут пришить серьёзную статью. Да, будет нервотрёпка и суд. И условный срок — вряд ли меня посадят. А это я переживу. Зато не факт, что его жена переживёт, когда исчезнет фантом. Это будет как потеря второго ребёнка, она же с ума сойдёт от боли.

— Костя, а если бы я исчезла, тебе тоже было бы больно? — вдруг спросила меня Даша.

Я вздрогнул от неожиданности и удивлённо посмотрел на Дашу. Никогда — никогда раньше она не задавала мне подобных вопросов.

Даша выжидательно смотрела на меня, и я вдруг заметил, что сегодня она выглядит по-другому — в лёгком изумрудном платье, которое я никогда раньше не видел, длинные каштановые волосы лежат гладкими волнами, а зелёные глаза стали выразительнее из-за чуть подкрашенных ресниц.

— У тебя новое платье? — спросил я, откровенно меняя тему.

— Да, — виновато улыбнулась мне Даша. — Ты мне вчера так много денег дал, и я сегодня прошла по магазинам. Купила вот это платье. А ещё зашла в салон. Мне уложили там волосы и посоветовали взять тушь и шампунь. Костя, ты не сердись, что я всё потратила? Мне просто вдруг так захотелось себе что-нибудь купить!

Неужели я только что говорил ей, что чувствовал себя подлецом, согласившись создать фантом ребёнка? Нет, *тогда* мне было просто неловко. А вот *сейчас* я чувствовал себя подлецом. Сколько уже лет у меня жила Даша? Четыре? Пять? И мне ни разу не пришло в голову дать ей денег или сходить с ней по магазинам. Я приносил продукты, я покупал ей иногда какую-то одежду. Кажется, я ни разу не делал ей подарков — только однажды, давным-давно, принёс букет астр. Чёрт, даже владельцы домашних животных делают своим питомцам подарки на праздники!

Я стал сам себе противен.

— Конечно, не сержусь,— выдавил я из себя.— Даш, ты такая красивая,— искренне добавил я.— Тебе очень идёт это платье. А волосы просто сияют.

Даша расцвела от моих слов, и мне стало ещё хуже — она даже не понимает, как отвратительно я с ней общался.

— Дашуль,— я стремился утишить угрызения совести самым быстрым способом.— Завтра суббота, давай пройдем по магазинам и купим тебе что-нибудь ещё?

— А разве ты не собирался встречаться завтра с Ритой?

— Она на меня обиделась,— отмахнулся я.— Ну так что, пойдём? Куда бы ты хотела?

— Да куда угодно, я же почти нигде не была,— бесхитростно призналась Даша, и я застонал про себя. Она действительно ничего не видела, кроме нескольких ближайших кварталов.

— Тогда завтра нам с тобой предстоит насыщенный день,— ответил я и отвернулся: я не мог выносить светящегося в Дашкиных глазах радостного предвкушения.

* * *

Фантом терьера у меня в руках звонко тявкнул и попытался облизать мне нос.

— Спасибо! — с чувством поблагодарила меня моя клиентка, принимая собаку.— Он совсем как Сенди!

Родители часто заказывают фантомов умерших животных, особенно если они погибли неожиданно, чтобы не рассказывать детям правду и дать им возможность попрощаться с любимцем, прежде чем отправить его жить «в деревню».

Люблю такие заказы — от них всегда хорошо на душе.

Я проводил женщину и взялся за длинный список к театральному фестивалю. Примерно месяц назад ко мне начали поступать заказы на бесчисленные привидения и призраки для самых разных театральных постановок. За несколько дней, оставшихся до открытия фестиваля, поток заказов увеличился едва не вдвое. Да, похоже, сегодня мне снова не удастся увидеться с Ритой.

«Опять будет сцена», — подумал я и поморщился. Последнее время мы с Ритой ругались всё чаще — ей не нравилось, что из-за многочисленных заказов мне не удавалось уделять ей так много времени, как ей хотелось. Я ловил себя на мысли, что меня всё меньше задевали сцены обиды и недовольства, которые она мне устраивала. И ещё не мог отделаться от ощущения, что всё это началось после той самой ночи, которую мы с Ритой провели у меня дома. Мне казалось, именно после того раза её отношение ко мне изменилось: она будто решила, что теперь у неё на меня больше прав, и предъявляла мне куда больше требований.

Даша тоже изменилась — к счастью, не в отношении ко мне. С той субботы, как мы прогулялись с ней по магазинам, у неё началась какая-то своя жизнь. Она стала ходить на танцы и разводить цветы, у неё появились подруги и даже что-то вроде работы.

— Мне говорят, что я хорошо чувствую прекрасное, — смущённо призналась мне Даша, советуясь, принять ли ей предложение подрабатывать немного в салоне красоты, где ей самый первый раз уложили волосы. — Знаешь, это просто удивительно: несколько штрихов карандашом, несколько взмахов кисточкой, правильно подобранные оттенки — и женщина преображается. И становится куда более счастливой. Похоже на маленькое чудо, и это чудо делаю я.

Я слушал Дашу, отмечая, как она изменилась. И дело не в том, что теперь её каштановые волосы были уложены в красивые причёски, что она сменила гардероб и подкрашивала губы нежным розовым цветом. Даша изменилась внутренне. До недавнего времени я знал всё о том, какая она, полностью, от и до. Она была такой, какой хотел её видеть я; я создал её такой, какой она была мне нужна. А теперь Даша превращалась в самостоятельную личность, менялась без моего участия, и я всё не мог решить, как мне к этому относиться.

* * *

Он появился в моей студии вскоре после того, как закончился театральный фестиваль, и я подчистил все затаившиеся в театральных декорациях привидения, которые отказались пропасть самостоятельно.

— Ваш фантом должен был исчезнуть несколько недель назад,— обвинительным тоном заявил мне Валентин Михайлович вместо приветствия.

Да, я тоже навёл справки — надо же иметь хотя бы какое-то представление о том, кто тебе угрожает. Правда, результат меня не порадовал — клиент, заставивший меня создать фантом ребёнка его жене, оказался заместителем главы магистратуры.

— Почему он всё ещё в доме? Мы же договаривались только на месяц!

— Не все фантомы и привидения автоматически исчезают по истечении запланированного срока,— сухо пояснил я.— Я закладываю в них ровно столько энергии, сколько требуется для того, чтобы они просуществовали оговорённый срок. Но если привидение или фантом получают дополнительную подпитку, это как бы продлевает им жизнь. Очевидно, ваша жена очень сильно привязалась к фантому ребёнка и изливает на него столько любви, что он ещё долго не подумает исчезать.

— Это абсолютно недопустимо,— безапелляционным тоном отрезал Валентин Михайлович.— Из-за того, что этот фантом у неё уже два месяца, она к нему слишком привязалась. Носится с ним как с живым ребёнком и ничего слышать не желает. Совершенно невменяемая, словно с ума сошла. И всё из-за вас, из-за того, что он не исчез вовремя.

Я молчал. Разумеется, опять виноват я.

— Вы ведь можете заставить его исчезнуть, так?

Конечно, могу. Я всегда могу убрать созданных мной привидений и фантомов, сколько бы эмоций в них ни вливали другие. Только говорить об этом Валентину Михайловичу очень не хотелось.

— Уберите его. Немедленно! Я не намерен выносить плач этого... существа ни днём больше!

— Вы понимаете, что случится с вашей женой, когда она потеряет ещё одного ребёнка?

— Это — не настоящий ребёнок! — взвился Валентин Михайлович.

— Но для неё он — самый настоящий! — едва не прокричал я в ответ.— И когда я заставлю его исчезнуть, для вашей жены это будет такой настоящей потерей, что настоящее некуда!

— Мне что, опять вам угрожать?

— Это вы про Алису Тородан? Да пожалуйста, мне всё равно,— твёрдо ответил я. Я жалел, что поддался угрозам и вообще взялся за этот заказ. Зато сейчас я всё сделаю правильно.

— Зря вы так, Константин Сергеевич,— протянул Валентин Михайлович.— В моём арсенале много средств. Я легко мог бы разрушить весь ваш бизнес. Скажем, натравить на вашу студию столько проверяющих из стольких инстанций, что хоть одно, но обязательно найдётся какое-нибудь нарушение, и студию закроют. И придётся вам тогда всё начинать заново. Только и в этом я бы смог вам помешать. Я бы создал вам массу трудностей на пути открытия новой студии, я бы мог препятствовать раскрутке вашего дела, мог бы навсегда разрушить вам репутацию... Мог бы, но не стану.

Не услышать недоговорённое было невозможно.

«А ведь он может»,— с глухой тоской подумал я. Может закрыть студию. Может помешать открыть новую. Может создать мне такую репутацию, что я уже никогда не смогу работать фантографом, ко мне просто никто не пойдёт...

— Расскажите мне, где бывает ваша жена, мне надо находиться рядом с фантомом, чтобы его убрать,— произнёс я, ненавидя себя за малодушие.

* * *

— Нет, Рита, сегодня не могу. Очень тяжёлый день на работе, я устал,— резко ответил я в трубку, почти ожидая, что подружка закатит мне очередную истерику. К моему удивлению, Рита промолчала.

Я очень торопился домой. Предстоящее ужасало меня: мне казалось, будто я согласился на убийство. От одной мысли, как отреагирует женщина, когда я уберу фантом ребёнка, мне становилось дурно, и я как никогда сильно хотел очутиться дома, хотя бы на время укрыться от проблем.

Даша не ждала меня у двери. Впервые не встречала меня. И сердце ухнуло вниз — что-то случилось.

Она сидела в гостиной и держала в руках старый фотоальбом, валявшийся где-то на пыльных антресолях. Он был раскрыт на

странице с фотографией, где мы с Дашей в вязаных лыжных шапках на фоне заснеженных гор счастливо шуримся от яркого солнца в объектив фотоаппарата.

— Так ты поэтому меня создал? — подняла на меня глаза Даша.

Она никогда не спрашивала меня, для чего я её сотворил. Обычные фантомы не задают таких вопросов, они просто не должны осознавать эту часть своего существования.

Правда, Даша уже давно не обычный фантом. Она живёт у меня несколько лет, а это намного больше, чем любой другой фантом. К тому же последнее время она сильно меняется, хотя обычные фантомы всегда остаются такими, какими их создали.

— Что с ней случилось, Костя?

Я видел сочувствие в Дашиных глазах и догадывался, что она думает. Даже меняясь, она оставалась такой, какой я хотел её видеть, когда создавал, — доброй, понимающей, сопереживающей. Такой, какой не была настоящая Даша.

И было бы так просто сказать ей сейчас то, что она хотела слышать: «Да, она умерла, и я создал тебя, её фантом, потому что не мог перенести потерю». И тогда в Дашиных глазах заблестели бы слёзы, она подошла бы ко мне и без слов обняла меня, утешая.

— Она ушла от меня к другому, — сквозь сжатые зубы процедил я. — Ушла, а я не смог ей этого простить. И создал тебя, чтобы вымещать на тебе свою обиду и ненависть к ней. И вымещал...

— Я этого не помню... — прошептала Даша.

Конечно, она не помнит. Фантом и не должен помнить. Он выглядит как живой человек, ведёт себя как живой человек, он спит, он ест, его можно потрогать, с ним можно поговорить. Но он — не человек. Он не понимает, что с ним делают, он не чувствует и не страдает. Он не помнит.

Я смотрел в Дашины глаза и со стыдом признавался себе, что я рад. Рад, что она не помнит.

Я создал Дашин фантом буквально через несколько дней после того, как ушла Даша, сообщив, что влюбилась в другого. Я создал фантом один в один как оригинал, только сделал её длинные волосы. Я всегда хотел, чтобы Даша их не стригла, чтобы они отросли до пояса, длинные и густые, а она всегда поступала по-своему. И не только с волосами. Что ж, когда я создал её

фантом, у неё больше не было выбора, она поступала только так, как хотел я. Она молчала, когда я кричал, она соглашалась, когда я говорил обидные слова, она просила прощения, когда я был раздражён. Она никогда не жаловалась и безропотно сносила все мои выходки. Сейчас мне было стыдно об этом вспоминать, а тогда я упивался возможностью беспрепятственно выплеснуть всю свою злость на фантом девушки, которую я любил.

— Конечно, ты не помнишь, — сказал я. — Ты не можешь помнить...

— Нет, я могу помнить, — возразила Даша. — Я точно знаю, какое у меня было первое воспоминание. Осенью, чуть больше двух лет назад. Я помню, как потрескивали дрова в камине, а я сидела в кресле у окна и смотрела, как жёлтые листья плавают в лужах. Потом я услышала твои шаги и побежала открывать тебе дверь. А ты протянул мне букет фиолетовых астр. Они были такие красивые! Помнишь?

Я вздрогнул. Помнить — прерогатива людей: у фантомов не может быть воспоминаний. Тогда почему они есть у Даши?

Да, я тоже помнил тот день. Потому что именно в тот день я наконец понял, что во мне не осталось обиды на ушедшую от меня Дашу. И осознал, как по-скотски я вёл себя с той Дашей, что жила в моей квартире.

Как никто другой, я понимал, как глупо — покупать цветы фантому, но я всё равно купил букет фиолетовых астр. Потому что хотел извиниться и хотел сделать ей приятное.

— Помню, — тихо отозвался я. Это был единственный раз, когда я принёс ей цветы.

— А я долго... была здесь до того дня?

— Я создал тебя чуть больше четырёх лет назад.

Даша отложила фотоальбом, подошла к окну и спросила, не глядя на меня:

— Зачем я тебе теперь? Ты ведь выплеснул всю свою злость, всю обиду. Почему я не исчезла?

Стук во входную дверь заставил меня вздрогнуть.

Я неохотно вышел в коридор.

— Сюрприз! — Рита влетела в квартиру с широкой улыбкой. — Поздравляю с годовщиной! — возвестила она, вручила мне пакет, набитый какими-то вкусностями, и с довольным ви-

дом спросила: — Ну как, не ожидал? Я так и знала, что с этой своей работой ты напрочь позабыл, что сегодня ровно год, как мы встречаемся, так что решила устроить тебе праздник сама!

Я смотрел на Риту и не понимал ни слова. Только по выражению глаз видел, что она ждёт одобрения.

— Спасибо,— наконец, выговорил я и обречённо понёс пакет на кухню. Сейчас Рита увидит Дашу и...

— Кто она такая? — донёсся до меня пронзительный возглас, и я поморщился.

Я прошёл в гостиную. Даша по-прежнему стояла у окна. Рита, воинственно уперев руки в бока, застыла в дверях.

— Ты встречаешься со мной целый год и всё это время живёшь с другой? — Рита обратила на меня всю мощь своего возмущения.— Или скажешь, что я всё не так поняла? Давай оправдывайся! Может, это просто соседка зашла за солью? Или она твоя двоюродная сестра? Ну говори, кто она?

— Она фантом,— ответил я и заметил, как поморщилась от моих слов Даша.

И вдруг понял, что вот уже очень, очень давно я не думаю о ней как о фантоме... или как о копии девушки, которая когда-то от меня ушла. Для меня она просто — Даша.

— Фух,— Рита резко выдохнула и расслабилась.— А я-то подумала! — с нервным смешком сказала она и подошла к Даше. Обошла её кругом, рассматривая, словно какой-то предмет, а потом сообщила мне: — Слушай, ты и правда фантограф высшего класса! Вообще не отличишь, она как настоящая!

— Я и есть настоящая,— неожиданно резко ответила Даша.

— Костя,— проигнорировала Дашины слова моя подруга.— А долго она ещё здесь будет? Когда её клиент заберёт? Нет, я, конечно, понимаю, что это всего лишь фантом, но всё равно при ней как-то... неудобно.

Я молчал.

— Костя, ну убери её куда-нибудь и пойдём уже отмечать! — капризно протянула Рита и дёрнула меня за рукав. Выжидательно посмотрела на меня и, похоже, поняла, что означает моё молчание.— Тебе что, какой-то там фантом дороже наших с тобой отношений?

Я обречённо прикрыл глаза. Я уже некоторое время назад понял, что устал от бесконечных ссор и споров, что я тяну наши отношения скорее по привычке, а не потому, что они доставляют мне радость. Что меня больше не трогает, когда Рита обижается или дуется.

Но, похоже, очень задевает, когда расстраивается Даша.

Рита разъярённым вихрем вылетела из квартиры, громко хлопнув на прощанье дверью.

Я устало опустился на диван и уткнулся лицом в ладони.

— Ты ведь не из-за неё так, да? — Даша тихо под села рядом.

— Не из-за неё, — глухо ответил я.

Из-за фантома ребёнка, которого мне предстоит убрать.

И из-за Даши тоже.

* * *

— Я пойду с тобой, — решительно заявила мне утром Даша. Накануне я рассказал ей о том, что мне предстоит сделать, и она, видимо, решила, что мне не помешает поддержка.

Она не ошибалась.

Как и говорил Валентин Михайлович, его жена гуляла в посевшем от первого мороза парке, со счастливой улыбкой катя перед собой ярко-синюю коляску.

Увидев её, я непроизвольно замедлил шаг и, в конце концов, просто остановился у замёрзшего фонтана. И с ужасом понял, что присутствие Даши, которое так успокаивало меня на пути сюда, теперь только усугубило ситуацию. Я не смогу убрать фантом ребёнка при Даше. Не хочу, чтобы она это видела. И чтобы думала, что то же самое в любой момент я могу сделать и с ней.

Жена Валентина Михайловича остановилась совсем недалеко от меня, по другую сторону фонтана. Женщина достала ребёнка из коляски и подняла на вытянутых руках. Малыш довольно засмеялся, и я вдруг разглядел у него два передних зуба. Когда я создавал фантом, зубов у него точно не было...

Я с такой силой сжал кулаки, что у меня задрожали руки. Я никогда, никогда больше не буду создавать фантомы людей! Не хочу мучить других и не хочу ещё раз сам проходить через то, что мне предстоит.

Я закрыл глаза и сосредоточился, потянувшись сознанием к ребёнку. Сейчас я соединюсь с тем импульсом у него внутри, который поддерживает существование фантома, и просто задую его, как пламя свечи. А потом ещё постою немного, слушая, как плачет женщина, и запоминая это. И если когда-нибудь в будущем у меня появится соблазн ещё раз создать фантом человека, я буду вспоминать, как она плакала...

У ребёнка не было импульса внутри. Просто не было. Словно это и не фантом вовсе. Я пробовал несколько раз, но мои усилия просто проходили сквозь него — как они проходят через обычного человека. Я ничего не чувствовал.

На миг мне даже показалось, что я просто ошибся, что это — не жена Валентина Михайловича, а какая-то другая женщина с ребёнком. Но нет, я видел её фотографию, я получил подробное описание. Ошибки быть не могло.

Я вздрогнул, когда кто-то взял меня за руку.

Даша.

— У тебя ничего не получится, — сказала она, словно утешая.

— Почему? — удивлённо спросил я, даже не успев осознать глупость ситуации — я, фантограф, задаю вопрос о своём деле своему же созданию.

— Потому что он больше не фантом, он живой.

Я резко замотал головой. Нет, это невозможно! За всю многовековую историю фантографии подобные случаи были наперечёт. Возникающие словно из ниоткуда народные герои, возглавлявшие борьбу с непобедимым врагом. Вожди, выводившие из пустынь целые народы. Пророки, основывавшие мировые религии... В них безгранично верили, в них отчаянно нуждались, их бесконечно любили сотни тысяч людей, и только поток эмоций такой силы и мощи мог изменить природу фантомов. Разве можно сравнить с ним веру одной матери в то, что её ребёнок настоящий? Разве этого может оказаться достаточно?..

Женщина кружилась, держа малыша на вытянутых руках, и ей не было никакого дела до того, что по всем известным мне законам и правилам её веры никак не должно хватить на то, чтобы оживить фантом. Она улыбалась, глядя на ребёнка, а он весело смеялся, показывая миру два прорезавшихся зуба.

У фантомов не режутся зубы. Фантомы остаются неизменными, точно такими же, какими их создали.

— Это правда? — с отчаянием спросил я Дашу.

Она крепко сжала мне руку и улыбнулась:

— Это правда.

Вместо того чтобы почувствовать облегчение, я испугался:

— Получается, я создал жизнь?

— Если ты про ребёнка, то не ты создал эту жизнь. Её создала она, — кивнула Даша на женщину, кружившую малыша.

Я сделал глубокий вдох, успокаиваясь. Даша права, фантом — всего лишь форма, и в тех редчайших случаях, когда он оживает, жизнью его наполняют другие.

— А если ты про меня, — продолжила Даша, — то разве это так плохо?

— Ты... — начал было я — и осёкся. Потянулся к ней сознанием — и не нашёл ни следа импульса. Прошёл сквозь неё, словно она была самым обычным живым человеком.

Да она и была им.

Я не почувствовал радости. Напротив, мне стало плохо. Фантом ребёнка оживила беспредельная материнская вера и любовь. А я оживил фантом обидой и ненавистью...

Я повернулся к Даше и взял обе её руки в свои. Смотрел в её зелёные глаза и так сильно хотел ей сказать... так хотел выразить... донести...

И не было слов.

Но, видимо, Даша их слышала — эти несказанные, ненайденные мною слова.

Она улыбнулась, встала на цыпочки и прижалась щекой к моей щеке.

— Всё будет хорошо, Костя.

Я обнял Дашу за плечи и, сглотнув ком в горле, сказал:

— Я буду каждый день покупать тебе цветы.

ЁРШ

Ранним весенним утром 15 августа 1712 года, когда усталые фонарщики, бурча и охая, тушили уличные фонари, Томас принялся за очередной эксперимент. К обеду вокруг его дома начали собираться мужики. Как коты, не подавая виду, якобы при делах, мол «я здесь ни при чем, хвост трубой и дел по уши», они липли к стенам, топтались в переулках, шныряли взад-вперёд вдоль канала и бросали жадные взгляды на черную дверь с табличкой «Томас Фукс».

Томас повесил её, когда переехал в Петербург. Выгравил кислотой, разумеется, по-русски. Только фамилию написал с греческой «фиты» («О» с горизонтальной чертой в середине), вместо новомодной «ферты», отчего вывеска приобрела неожиданный библейский акцент. Мужики так и решили — поп немецкий заехал.

Однако ошиблись — рыжий немец, низенький и округлый, с короткими пухлыми пальцами и пивным животиком, был химиком. Он приехал из Дрездена, где много лет учился таинствам смешиваний и превращений у самого Иоанна Фридриха Беттхера. Правда, в отличие от прочих химиков, Фукса не интересовали способы получения «философского камня», «пилюль бессмертия» или какой другой субстанции, способной радикальным образом улучшить человеку жизнь. Скорее наоборот. Томас изобретал экономный способ получения спирта, которому собирался найти выгодное применение в новой русской столице.

Обыкновенно ничего хорошего из этого не получалось — сплошь одни отходы. Которые, впрочем, регулярно вызывали приступы восторга у Капитона, его слуги. Горючая жидкость доставалась молодому человеку в количествах, значительно превышавших его потребности, поэтому он выгодно приторговывал неудавшимся первачом с крыльца, сразу за черной дверью с табличкой «Томас Фукс».

Когда тени сжались и загустели, а солнце коснулось неровных стен фахверкового домика, черная дверь наконец открылась, и на пороге появился Капитон — свежий, выбритый, в чистой рубашке и с огромной зелёной склянкой на руках.

Осмотрелся и закричал:

— Сенька!

На этот призыв у дома напротив скрипнула телега. Давно уже неходовая и трухлявая, припёртая горемычным владельцем к стене и забитая, казалось, никому не ведомым тряпьем, она качнулась, замычала, накренилась и опустела, произведя на свет огромное существо, в целом напоминавшее человека. Таким, наверное, у провинциальных художников обыкновенно выходил Голиаф.

Мужики расступились, и заспанное человечье подошло к Капитону. Это был Сенька-пробник. Пить немецкую «отраву» вперёд Сеньки не решались — мало ли что заморский супостат учудил. В памяти воскресал Прохор, половой из трактира «Под лососем», который, прежде чем преставиться, жутко мучился животом, и вонь стояла такая, что даже лошади шарахались.

Сенька-пробник тщательно растёр глаза, взял стакан, насупился, присмотрелся, мокнул в водичку серый палец, понюхал, лизнул, поморщился и, перекрестившись, опрокинул стакан... мужики вдохнули... Сенька зажмурился, крикнул, присел, сжал до дрожи кулаки... мужики выдохнули: «Поди тойфель, не иначе!»

Названия немецким первачам мужики придумывали, прислушиваясь к ругательствам, доносившимся сверху, из лаборатории на втором этаже. Шайзе... дингсбумс... тойфель... Последний ценился особо, потому что имел такой немыслимый градус, что даже бывалый питух Пафнутий, проглотив однажды всего ничего, распух лицом и долго пугал прохожих своим кармино-

во-красным носом совершенно несвойственных человеку пропорций.

Сенька-пробник выпрямился, отдышался и пробасил:

— Ууух. Вот же дрянь, братцы... яд смертельный!

— Ну а пить-то можно? — поинтересовались мужики.

— А то ж! Кажись, посильнее тойфеля будет!

— Ух ты!..

Обрадованный Капитон назначил цену и крепче обнял бутыль.

Пообедав, Томас Фукс выглянул в окно и расстроился: «И Капитон туда же! Чертов дурак. Сколько же людей от водки пропадает. — Закрыв окно, отошел и задумался: — Если слуга пьёт, не будет ли благоразумней оставить окно открытым? А то случится, не дай бог, снова... когда змеевик лопнул и комнату заполнил „сонный“ газ. Не прибеги тогда на шум Капитон — лежать мне сейчас в земле, на другом берегу Невы, рядом с Блументростом, Гольдбахом и Байером. — Томас поёжился. — А ведь у меня семья, дети, Гизела и Ганс... или Гюнтер? Гюнтер или Ганс? — Он потёр лоб. — Пора бы уже домой, а то не ровён час забуду, как жену с тёщей зовут, а это уже куда более опасный конфуз».

Нынешний эксперимент Томас проводил до самого вечера. Тень уже накрыла окно, а на столе у немца еще продолжалась таинственная возня химикатов. Жидкости булькали в английских ретортах, пузырьки водили хоромы по лабиринтам венецианских змеевиков, пушистые волокна разноцветных газов лениво стекали на стол и, перевалив через край, растворялись по пути к деревянному полу. Шепелявили горелки, подсвистывали трубки, бубнили колбы, в воздухе носился запах вяленой рыбы, табака и сероводорода. Томас увлеченно следил за ходом опыта и даже записывал (пока случайно не макнул перо в одну из пробирок). К вечеру, когда его исследование неожиданно зашло в тупик, в большой плоскодонной колбе, которую Томас называл «Фрау Фетбах», вместо необходимой прозрачной жидкости возникло странное черное вещество, на вид густое и вязкое. Оно плавало в голубоватом растворе, не касаясь стекла, как затаившая грозу лохматая туча.

Томас прикоснулся к холодной колбе — туча заворочалась и устремилось к пальцам... немец отдёргнул руку.

— Jeez! Was für ein Patsche! — вырвалось у немца.

— Патше?! — удивилось уличное эхо.

— Verdammt Patsche! — повторил раздосадованный Томас, легонько пнул остроносый ботинком сундук со склянками и направился прочь. — Фьокла, ушин!

Следующим утром сундуку досталось дважды. Немец вошел в лабораторию и обнаружил «Фрау Фетбаух» совершенно пустой. Выпучив глаза и вооружившись щипчиками, он поднял с пола наполовину съеденный солёный огурец, успевший подёрнуться белой плёнкой. Губы немца сжались, рот искривился в презрительной гримасе, глаза налились тевтонской яростью:

— Ка-пи-тон-н-н-н,— завыл химик.

Тишина.

— Капитон!

Снова тишина.

Дважды пнув ящик, Томас спустился вниз, но и там слуги не нашлось. Обыскав дом, он вышел на улицу и осмотрелся.

— Ка-пи-тон-н-н-н!

— Так он в жило похандоухал, хер барон,— отозвался старик, обвешанный баранками.

Немец открыл рот и застыл на месте.

— Ну че тараньки выпучил? — удивился старик и подпёр бока.

— Russische stumpfsinnigen Männer! — выругался Томас и поспешил за дверь.

Вечером Капитон пришел сам. Заросший, вонючий и в рваной рубаше. Весь в земле и с единственным уцелевшим ногтем на руках. Бурые пальцы, впалые щеки, ужас в глазах. Фёкла увидела и вздрогнула. Томас собрался ругать, но, увидев слугу в таком жалком виде, только поморщился. А что сказать? После пьянки и не такое бывает. И всё же одна деталь озадачила немца — как этому русскому удалось отрастить такую длинную бороду всего за сутки, да еще и с проседью?

Утром Капитон снова был с иголки. Свежий, опрятный, выбритый. Пальцы обмотал белыми немецкими бинтами. Правда, на улицу после обеда не вышел — не с чем было... Мужики стучали, требовали «Патшу» — бесполезно — Капитон не отзывался. Сидел на кухне и рассказывал потрясённой Фёкле, что с ним приключилось.

А было вот что.

Стрельцы напали на Кремль. Ворвались на Соборную площадь, поубивали охрану и стали ломиться в дом, где жил царевич Иван. Капитон с ними, прямо посреди толпы. Голодные, немые, в продранных на строительстве начальственных имений кафтанах, зажимая копыя, пики, алебарды и рунки, бурым потоком стрельцы вылились на площадь и нависли над расписным царским крыльцом, громыхая, как спелая туча.

Князь вышел в красивых одеждах и вывел царевича, стрельцы загудели. «Жив, обманули, снова обманули, ироды, подлые твари!» За ним вышел другой князь, помоложе первого, и стал плевать в толпу злыми словами, отхаркивать ненависть, высекать искры над порохом стрелецкого бунта... и преуспел. Кровь закипела, семена злобы взошли смертельной ненавистью. Толпа взревела, оскалилась пиками, колыхнулась, набросилась на крыльцо, схватила молодого боярина и принялась жевать его тело. От крови и криков стрельцы рассвирепели еще сильнее — ярость пронзила тела, забилась в ушах, накатила волной. Разбитое тело поднялось над толпой и пустилось в кровавое плавание по волнам пик и копий. Жирная кровь стекала по древкам, маслила руки, затекала в рукава. Стрельцы ревели, жались, давили сами себя... Затем навалились и потекли, плотно, вдавливая скрип кожаных сапог в звон железа... боль пронзила грудь Капитона, в глазах потемнело, и наступил мрак.

Затем он рассказал, как оказался в земле. Мокрые черви ползали по лицу, холодные гады щекотали под одеждой. Испугался смертельно, стал рыть, всех святых вспомнил, «Отче наш» повторил раз сто. Насилу выбрался.

Немая от рождения Фёкла покачала головой, охнула и взялась за разделку свежей рыбы.

Позвал Томас, Капитон шмыгнул носом и сорвался. Взлетел по лестнице и, стыдливо потупив взор, зашел к немцу.

— Зачем выпить, эээ... мой особый вода?

— Помилуй, барин, думал, водка.

— Какой водка? Опять водка! Один водка в голове!

Капитон еще сильнее наклонил голову.

— Как мог весь вода пить?

— Не знаю.

— Ach! Russische stumpfsinnigen Männer! — прошипел немец.

— Не сердчай, барин, ведь я ж, ежели чё,— Капитон ударил себя в грудь,— подмогну, выручу, последнюю рубаху, ежели чё. Томас скривился, потеревил на камзоле обшитые материей пуговки, вздохнул и махнул рукой, мол: «Ступай, чёрт с тобой».

— Благодарствую. Благодарствую,— Капитон попятился за дом и едва не упал с лестницы.

«Чёрт его подери,— подумал немец,— и выгнать совесть не позволяет, и от водки не отучить. Что же с ним делать? Свинья, употребил вещество, свойства которого так и остались не исследованы должным образом. Свинья, настоящая свинья!»

На следующий день Томас решил повторить эксперимент. Делал это хотя и по памяти, однако нынче всё записывал. На всякий случай припас два новых пера. Смешивал, химичил, по английским часам время отсекал... не удалось. В результате «Фрау Фетбах» снова наполнилась непригодным спиртом.

— Hol's der Teufel! — выругался немец.

— Vo! Тойфель! — сдавленно обрадовались за окном.

Немец слил жидкость в тяжелую и кривую зелёную бутылку, выставил за дверь, пнул сундук и отправился ужинать.

На следующее утро Капитон снова исчез.

А еще через три дня его привели солдаты.

Увидели табличку и на всякий случай перекрестились.

— Эта?

— Она самая.

— Стучи.

— Давай я,— второй солдат отодвинул за спину мушкет и постучал в дверь чугунным кольцом, висевшим на ручке.

Дверь скрипнула, и из темноты появилось бледное лицо Фёклы. Увидев Капитона, она начала перебирать губами и крепиться.

— Ваш?

Кивнула.

— Немца позови. С крепостного моста махнул, у бастиона выловили... что вылупилась, зови давай, бумага на него имеется, императора хотел видеть, ежели б не немецкий слуга... зови же, баба, чего уставилась!

Томас спустился незамедлительно. Осторожно вышел за дверь и воззрился на босоногого мужика с густой бородой поверх желтушной мешковины, рваной и с бурыми пятнами.

— Хер Фукс, это ж я, Капитон,— затравленно простонал мужик и покосился на солдат.

Немец нахмурился. Разглядеть слугу под такой бородой оказалось непросто. Он терпеть не мог бородатых мужиков — они все казались ему на одно лицо. Поди разбери, где кто.

— Где быть? — осторожно спросил немец.

Капитон набрал в лёгкие воздух, но солдат его перебил:

— Бумага на него имеется...

Все три дня, пока в доме не было слуги, Томас Фукс отчаянно пытался повторить тот самый эксперимент, в ходе которого «Фрау Фетбаух» вызрела загадочной черной тучей. Дотошно изучив записи, проверяя и перепроверяя все этапы смешивания, немец произвёл в своей лаборатории огромное количество брака. За отсутствием Капитона, немая Фёкла относила большие зелёные бутылки к каналу и под неодобрительные возгласы уличных мужиков, опрастывала в воду. В такие моменты улица казалась ей паучьим логовом, угрюмо наблюдавшим за ней сотней недобрых глаз, едва видных из-за густых нависших бровей.

Расплатившись с солдатами, Томас велел Капитону привести в порядок и во что бы то ни стало сбрить эту чёртову бороду. Возрождённый слуга предстал перед хозяином после обеда и удивил его еще сильнее. У Фукса даже вилка выпала из рук.

Всего за три дня, которые Капитон провел неизвестно где, он постарел лет на десять. Не меньше. Это был уже не тот удалой щё-

голь с дерзкой искоркой в глазах, но вполне взрослый человек, с заветренной кожей, морщинами на щеках и наметившейся лысиной.

Томас сглотнул, откинулся в кресле и, присмотревшись, засомневался, его ли это Капитон. Впрочем, интересней было узнать другое.

— Капитон,— осторожно начал немец,— что быть, когда ты пить моя вода?

По лицу слуги прошлась розовая волна, глаза забегали, изо рта вылез фиолетовый язык и облизал губы.

— Ну? — нахмурился немец.

— Огурцом закусил...

— А затем?

— Помилуйте, хер Фукс, толком не помню.

— А где быть этот раз?

— Отца нашего, императора Петра Лексеича, предупредить хотел, видение мне было, да такое... — на лбу Капитона проступила испарина,— жуть какое... будто убили его.

— Что за чушь?!

— Вот вам крест, как наяву,— Капитон завертелся на месте в поисках красного места и, не найдя, трижды перекрестился на изумлённую Фёклу.

После этого он рассказал историю о том, как во дворец императора, которого почему-то звали Павел и где Капитон почему-то служил лакеем, ворвались заговорщики, ударили его по голове, он закричал, стал призывать на помощь, но заговорщики, а это были князья да графы, в странных дорогих камзолах, каких он прежде не видывал, проникли в царские покои. Когда Капитон вернулся, его величество был уже на полу, а заговорщики били и топтали его ногами. Один размахнулся шпажным эфесом и ударил несчастного по голове, после чего тот замолк, а заговорщики вышли, толкнув Капитона на лестницу. Он покатился вниз по ступеням, убился головой о перила и провалился в беспамятство, а когда очнулся, решил во что бы то ни стало сообщить о случившемся Петру Алексеичу. Для чего отправился в крепость.

— Genug! Довольно! — прервал его немец.— Не могу этот чушь более слушать. Ich verstehe nichts. Больше не пей водка!

Русский мужик пить водка не уметь. Большой беда от водка. Увидеть тебя пить водка — прогнать вон! Verstanden?

Капитон кивнул и опустил голову.

Он стойко держался, пока однажды не случилось несчастье.

Как и прежде, Фукс химичил в лаборатории, чертыхаясь и производя брак, а Капитон выносил зелёную бутылку за порог, где молча и кисло разливал мужикам. Сам не пил.

Между тем напиток с каждым разом крепчал и всё менее напоминал водку. Одержимый немец продирался сквозь химический Шварцвальд в поисках заветного чёрного облака. Последний раз он, кажется, нащупал что-то, но подвела горелка — кончилось китовое масло.

«Тойфель», удар остроносым ботинком по сундуку, и вот уже из тухлявой телеги вываливается лохматый Сенька-пробник. Он направляется на зелёный свет бутылочного маяка, как трёхмачтовый португальский галеон, перед которым расступаются обделённые величием рыбацкие шмаки.

Подошёл, окунул палец, понюхал, лизнул, скорчил мину, «хм», снова окунул, снова лизнул, мужики затаились. Сенька поелозил во рту языком, переложил стакан в правую руку и под всеобщий вдох залил в рот.

— Ну чё?

Вместо ответа Сенька согнулся, покраснел и начал тяжело дышать...

— Сенька, ну чё?

Сенька не ответил. Вместо этого опустился на колени и стал со всеми одной высоты.

— Во разобрало, дай мне.

— Погоды!

— Да ладно, чё там, глянь как разобрало.

— Эх, лямку три, налегай да при, давай, Капитон, мне на пробу, — из толпы выступил мужик, похожий на разбойника, со шрамом от носа до уха и розовым бельмом в глазу. Он вырвал из рук хрипящего Сеньки стакан и протянул Капитону. Тот плеснул зеленоватой жидкости и шепнул:

— Поди отравла... поди не стоит...

Разбойник понюхал, скривился, сделал два глотка и выдохнул горячо, как из жаровни:

— Ух, братцы...

— Ну чё? — снова спросили мужики.

— Это что ж? Отец Макар трапезует, а послушник Назар запахом сыт? Мне дай!

— Погодь, сперва мне, Капитон.

* * *

За обедом на Фукса снизошло озарение. Не дождавшись кофия, он бросил негодующий взгляд на нерасторопную Фёклу и резко упорхнул на второй этаж, будто ему не тридцать лет, а всего семнадцать. Там он привёл в порядок сосуды, освободил и прочистил колбы, помыл пробирки, разложил записи и приготовился совершить научное открытие. Он уже понял, что получилось в плоскостной «Фрау Фетбаух». Оставалось только проверить.

Пока он возился, из окна доносились странные звуки, а на улице началось необычное для этого времени суток оживление. Разобрать русскую речь Томас не мог, да и не собирался. Гораздо важнее было то, что происходило в пробирках. Выверая порошки с точностью до самой лёгкой мерной дробинки и соблюдая невиданную аккуратность, немец стремительно приближался к заветной цели. На этот раз ничего не должно было случиться, всего было в достатке, а предательское китовое масло припасено отдельно. Томас так увлёкся, что едва успевал делать записи. Он шагал от одной пробирки до другой, всматривался в содержимое, шептал под нос что-то по-немецки и был крайне взволнован.

Наконец произошло то, чего он так долго добивался, — «Фрау» наполнилась долгожданным чёрным веществом! В этот момент шум за окном превзошёл все разумные рамки, и удивлённый Томас выглянул посмотреть, что происходит.

— Вот он, изверг! Ломайте дверь! У-у-у, окаянный! Глянь как вытарщился!

Томас отшатнулся... снизу раздались оглушительные удары и рёв Фёклы. Он открыл дверь, и в комнату ворвались солдаты, едва не наколов его на выставленные вперёд шпаги. За ними во-

шёл высокий унтер-офицер с металлическим знаком на груди. Томас поднял голову и уставился на чёрную треуголку, венчавшую зелёный камзол, обшитый золотыми галунами на обшлагах и карманах. Лицо офицера выражало спокойствие. Он обратился по-немецки:

— Герр Томас Фукс, вы арестованы.

— Я?! Почему? За что?!

— За изготовление и продажу некачественного товара, явившегося причиной смерти пятерых человек.

Рыжий немец посерел и стал похож на тирольское привидение.

— Продажу? Я не продавал! Я никому не продавал никакой товар.

— Заберите его,— сухо приказал офицер, и солдаты взяли ослабевшего немца под локти.

— Я не продавал, я химик, я ставил опыты,— лепетал немец,— чистый эксперимент, только наука, я учёный, я подданный Священной Римской империи германской нации. Это какая-то ошибка! Что вы делаете?!

В прихожей и на лестнице бушевал разгневанный люд, искажённые лица давились криками... «ирод», «убийца», «на кол его». Когда солдаты повели Томаса вниз, мужики ворвались в лабораторию и учинили разгром. Крушили склянки, рвали тетради, ломали мебель, кто-то бросил «Фрау Фетбах» на улицу, стекло разбилось, и чёрное облако впиталось в уличную грязь. За колбой в окно отправились другие сосуды, они плюхались на дорогу, где их давили, яростно и с хрустом. Летний ветерок подхватывал тяжёлые запахи и неторопливо разносил окрест. Сундук со склянками погиб последним. Грохнулся, треснул, рассыпал битое стекло. Английское, немецкое, венецианское...

Немца вывели и посадили в чёрную тюремную карету, он забился в угол и запричитал: «Я не продавал, я не заставлял их пить, они же сами, при чём тут я?» Затем его мысли вернулись к эксперименту, он вскочил на ноги, вцепился в решетку и стал кричать, что совершил научное открытие, произвёл в пробирке сгусток времени, невиданную доселе субстанцию, сделал то, чего прежде не удавалось никому.

— Глянь, как глазёнки выпучил! — ехидно ответила толпа на немецкие выкрики.

Томас попытался вырвать решетку, раскатать карету, выбить ногой дверь — всё тщетно. Наконец мысли учёного поднялись до уровня философских рассуждений и отправились на поиски ответов на отчасти риторические вопросы. Он снова сел в пыльный угол и, подсакивая на ухабах, принялся размышлять, почему время, полученное им в результате опыта, оказалось таким чёрным.

Оказавшись в застенке, немец брезгливо осмотрел сырую камеру, вдохнул пропитанный клопами воздух и понял:

— Всё сходится... время не может быть светлым.

* * *

Капитона искали три дня. Последним его видела Фёкла, но сказать ничего не смогла, потому что была немая. Жестами показала, что вечером того дня он был в стельку пьян, а на вопрос «куда делся?» подняла плечи и развела руками — «леший его разберёт». Говорят, что где-то на окраине города видели мужика, похожего на Капитона. «Кажись, его, а кажись, и нет — сильно старый, борода седая, лапти протёртые... токма кафтан похож». Поговаривали, будто «узрел он грядущее», а монахи Зелёной пустыни сочли его юродивым и уговорили в послушники. Там, на радость монахам, он исступлённо вещал про небесный камень, который трижды громыхнул в неведомой сибирской глуши, или, забиваясь в курятник, обхватывал голову руками и шептал сквозь слёзы: «Царя, царя-батюшку не троньте, ироды окаянные, детишек, детишек малых почто губите?»

Томаса Фукса отпустили, и он вернулся в родное Саксонское княжество.

Злосчастную табличку сняли с чёрной двери, а в доме сделали пивную «У Томаса». Знатная, кстати, была пивнушка. И пиво отменное, терпкое, ароматное, цвета необычного. Чёрное, как уголь. Как время.

ПОЧТИ РАЗУМНЫ

Олег присел на корточки, расстелил на траве клеёнку и вывалил на неё содержимое мешка с подарками. Аляповатые пластиковые заколки, броши из дешёвого стекла, примитивные перочинные ножи — весь запас, что приволок с Земли вернувшийся из отпуска Луис.

— Хорошие вещи, полезные, — подбодрил Олег аборигенов. — Ну что стоите — налетайте.

Аборигены, как обычно, не отреагировали. Все трое смиренно стояли в ряд и безмолвно переминались с ноги на ногу, будто солдаты карликового войска, которым уже скомандовали «вольно», но забыли добавить «разойдись».

Луис почесал в затылке, поморщился.

— Примитивы, — прокомментировал он. — И какому олуху пришло в голову классифицировать их сапиенсами?

— Сам ты примитив, — рассердилась Глория.

Она решительно отстранила Луиса, присела рядом с Олегом, выбрала из кучи безделушек стеклярусные бусы и протянула ближайшему аборигену.

— Возьми, — принялась уговаривать Глория. — Смотри, какие красивые, подаришь своей девушке. У тебя есть девушка?

Абориген помялся, затем нерешительно протянул верхнюю конечность и немедленно её отдёргнул.

— Трусоват, — констатировал Луис, повернулся спиной и двинулся в лабораторию. — Только время с ними терять, — бросил он через плечо.

Глория досадливо фыркнула.

— Погляди, какая красота,— вновь взялась она за уговоры.— Чудесные бусы, замечательные.

— Постой,— Олег выудил из груди барахла перочинный ножик с изогнутой перламутровой рукояткой.— Что ты мужику бабские финтифлюшки предлагаешь! Нож,— объявил Олег торжественно.— Держи. Нет ничего лучшего для мужчины, чем вспороть брюхо врагу,— Олег полоснул лезвием по клеёнке.— Ну как вам? — оглядел он аборигенов.— Правда, классная штука?

Демонстрация brutальных свойств ножа энтузиазма не вызвала. Потоптавшись с минуту, аборигены синхронно развернулись и закосолапили в лес.

— Ты всё испортил,— набросилась на Олега Глория.— Они миролюбивые, смиренные, а ты: «враги, брюхо, вспороть...» Не удивлюсь, если они больше не придут.

— Ну и не придут, велика важность,— виновато бормотал Олег, едва поспевая вслед за Глорией к лабораторной двери.— Я, между прочим, и так не понимаю, чего они ходят.

Понять и вправду было затруднительно. Аборигены наносили визиты два-три раза в неделю. И были они друг от друга неотличимы. Одного роста — Олегу по колено. Одного окраса — цвета чёрного кофе. И с одинаковым спокойно-грустным выражением круглых карих глаз вполлица. Луис, впрочем, уверял, что не лица, а морды, и в разумность аборигенов верить отказывался. Мало ли что там болтают теоретики — ксенозоологи всякие и экзобиологи. Им же троим, сугубым практикам, геологам и геодезистам, принимать теоретические изыскания на веру не пристало.

Ни на один земной вид были аборигены не похожи, а скорее сочетали черты полудюжины разных видов, словно причудливый гибрид, выведенный затейником-селекционером. Поэтому применить биологическую систематику к ним земляне-учёные не пытались и ни к одному отряду плацентарных млекопитающих их не относили.

— Лемуруподобные медвежата,— шутил иногда Луис.— А то и медведеобразные кроты.

На пороге лаборатории Олег оглянулся. Аборигены достигли опушки и один за другим втянулись в чащу. Олег на секунду

замер, любуясь буйством местной флоры. Лес покрывал девяносто процентов суши этой планеты, был он величественным и в буквальном смысле непроходимым и непролазным. За полтора года, что существовали лаборатории, исследовать удалось разве что малую его толику. «Да что там малую — ничтожную,— подумал Олег,— а то и вовсе никакую».

* * *

Змеехват сошёл с тропы и уселся на ствол поваленного ураганом иглолиста. Отодрал шершавую пористую кору, извлёк из-под неё личинки жука-древоеда и принялся закусывать.

Остальные двое отставали. Цикадник повредил левую ногу во время последней охоты на клыкаря и поэтому передвигался небыстро. Рыболов вообще никогда не спешил, да и немудрено — когда удишь день-деньской рыбу на речном берегу в излучине, торопливость ни к чему.

— Хорошие личинки, вкусные,— подумал Змеехват Рыболову, едва тот выбрался на тропу из-под бахромы лианового занавеса.

Рыболов поморщился — личинки он не жаловал. Питаться он привык свежей рыбой с реки, так что лесных насекомых полагал не снедью, а приманкой.

— Большую змею видел,— подумал Рыболов Змеехвату.— Под корнем веерного дуба. Мясистая змея, жирная.

— Суп сварить можно,— подтвердил появившийся за спиной у Рыболова Цикадник. Думал он обоим, так что вкус горячего, наваристого змеино-го бульона явственно представился всем.

— Может, сходишь, убьёшь? — заискивающе подумал Цикадник Змеехвату.— Никто лучше тебя змей не убивает.

Змеехват поколебался. С одной стороны, змеиный суп хорош и укрепляет здоровье. С другой — время терять не хотелось. К тому же Зарянка ждёт, наверняка соскучилась, пока он шастает по лесу.

— Я вот всё думаю, откуда эти гладкокожие пришли? — перевёл мысленный разговор на другую тему Змеехват.— И почему их только трое, где остальное стадо?

— С дальних болот пришли, не иначе,— обстоятельно рассудил Цикадник.— Видать, семья отделилась. Хотя самка непохоже, что на сносях.

— Интересно, они хищные или травоядные? — подумал Рыболов.— И если хищные, нравится ли им рыба?

Змеехват свои мысли скрыл. Он тоже неоднократно размышлял, чем питаются гладкокожие, но ни к чему конкретному не пришёл. Выяснить это, однако, было необходимо. Змеехвату необыкновенно понравился резак. Но не рассердятся ли гладкокожие, предложи он в обмен змею, было неизвестно. Взять резак даром Змеехвату и в голову не приходило, хотя гладкокожие явно предлагали за так. «Рискну,— решил, наконец, он.— Набью завтра побольше змей, постараюсь, чтоб были помясистее. Рыболов желтобрюхов наудит...»

— Дом у гладкокожих хороший. И ноги сильные,— беспорядочно думал в открытую Цикадник.— Жаль, что размышлять они не умеют.

— А может, умеют,— возразил Рыболов.— Только друг другу размышляют, вот мы и не слышим.

— Ерунда,— отмахнулся Цикадник.— Мы-то им размышляли. У меня голова вспотела, пока я им думал. А они в ответ только ртами шумят.

— Ладно,— Змеехват поднялся со ствола.— Всё равно сейчас ничего не надумаем,— попытожил он.— Пошли. Самки небось заждались.

* * *

В пути больше не останавливались и с тропы не сходили. Началу была она прямая и ровная, потом запетляла между стволами, а затем и вовсе ушла в сторону, огибая муравьиный холм. Муравьи были к концу лета вялыми и почти не охотились, так что холм миновали без особой опаски. Там, где тропа вновь стала ровной, её косо пересекала другая, звериная, вся во влажных после дождя следах от лап и копыт.

— Никак рогахи прошли,— подумал в открытую Цикадник, рассматривая треугольные, размером вполлоктя, следы.

— Рогачи — это хорошо,— подумал в ответ Змеехват и тоже принялся рассматривать следы.— Рогачи — это не какие-нибудь там клыкари.

Он пристально взгляделся в ту сторону, куда ушли рогачи. От земли тѣк лёгкий белѣсый туман, лениво уплывал вверх и умирал в хитросплетениях крон, ветвей и цветущих лиан. По стволам перебегали быстрые юркие хвостуны, на лету слизывали длинными раздвоенными языками неосторожных жужелиц. С высоты, неразличимые за десятками лиственных ярусов, кричали, щёлкали, голосили птицы. Стаи мошкеры выстреливали из тумана и неторопливо в него оседали. Лиловый, раздувшийся от важности квакун деловито обгладывал шляпку пятнистого приземистого гриба.

Змеехват встряхнулся и, бегло поглядывая по сторонам, двинулся по тропе дальше. Картина по обе стороны была привычной и каждодневной — лес дышал, цвёл и охотился.

До селения добрались, когда светило начало закатываться за макушки дальних иглолистов. На окраине старый Птицестрел распекал нерадивую сноху. Мыслей по дряхлости Птицестрел не сдерживал, так что провинности снохи сразу становились известными всей округе.

— Яйца крылатки протухли, печень клыкаря сгорела,— гневно перечислял Птицестрел.— Ореховая мука помолота скверно, живот пучит от такой муки. Куда Кустодав глядел, когда брал тебя за себя?

Змеехват переглянулся с Цикадником. Кустодав, сын старого Птицестрела, лентяем уродился отчаянным. От охоты отлынивал, от собирательства уклонялся и с утра до вечера отсыпался в кустах. Самку взял из дальнего селения, где о его привычках не слыхивали, и, видать, угадал — выбрал под стать себе.

По центру селения, на расчищенной от деревьев поляне, шестеро охотников разделявали тушу клыкаря. Был клыкарь молодой, упитанный, с хорошей лохматой шкурой, из которой самки пошьют нательники, чтобы носить зимой.

Змеехват приблизился, подумал всем доброго здоровья, вооружился общественным резакон из кости болотного грызня и принялся помогать.

— Что слышать? — мысленно осведомился он.

— Ночью дождь будет, — сообщил угрюмый, кряжистый Травобой. — А ещё самки ходили поутру в дальний малинник, но ягод не принесли.

— Что так? — удивился Змеехват.

— Испугались, — пояснил Травобой и насупился. — Рябиница беспощада увидала.

Змеехват замер. Беспощадами звались воинственные, злые племена, обитавшие в северных чащобах и в прошлом совершавшие разбойничьи набеги на селения вдоль Большой Реки.

— Верно беспощада? — уточнил Змеехват у общества. — Не привиделось Рябинице?

— Не привиделось, — за всех ответил Следодум. — Я, как самки вернулись, сам побежал в малинники. Следы пытал. С севера они пришли. Двое. До берега добрались, поглядели, как чего, и отправились восвояси.

Змеехват поднялся и побрёл к себе в хижину, сплетённую из гибких, перетянутых вьюном ветвей. Новость была — хуже некуда. От беспощадов добра ждать не приходилось. Были они жестоки и свирепы. Охотников в набегах убивали, а самок угоняли с собой. По слухам, самки у этих дикарей были общими и принадлежали всем.

Зарянка новость уже слыхала и встретила Змеехвата встревоженно. Усевшись на высланный сиреневым мхом пол, тот долго, прижав к себе, успокаивал, гладил тёплую мягкую шёрстку и думал Зарянке про зиму, когда появится у них малыш, а если сvezёт, то и двое.

— Подумай мне о гладкокожих, — попросила Зарянка, когда, наконец, успокоилась.

Змеехват принялся думать. Поразмыслил о большом красивом жилище из блестящего неведомого дерева. Об украшениях, которые очень хотел бы выменять, но не знал на что. О странных шкурах, в которые были замотаны гладкокожие, несмотря на летнюю жару.

— Они добрые, — подумал, наконец, Змеехват. — Не знаю почему, но мне кажется, что добрые. Тебе бы они понравились. И неважно, что их охотники шумят ртами, как стадо подранен-

ных клыкарей. Зато у самки звук чудный и звонкий, словно у птицы утренницы, а шёрстка на голове длинная и белая, будто соцветие распустившегося послеснежника. Я думаю просить у них помощи.

— Какой помощи? — удивилась Зарянка.

Змеехват не ответил. Он пока и сам толком не знал.

* * *

— Вон они, снова ковыляют, — проворчал выглянувший в окно Луис. — Та же троица. Хотя, может, и другая, кто их разберёт. И глядите-ка, что-то на себе тащат.

На этот раз встреча разительно отличалась от предыдущих.

— Прекрасная змея, дохлая, — стараясь не морщиться от отвращения, принимал подношение Олег. — Бери за неё вон ту брошь. Или две. Да что хочешь бери. И эта хороша, чудо, а не змея. Можешь взять за неё ножик.

— Терпеть не могу рыбу, — бубнил под нос Луис. — Эта хотя бы свежая, не воняет. Ну чего вылупился? Ты мне рыбу, я тебе колоду карт. Или, если хочешь — брелок. Забирай, не стесняйся, у нас ещё есть.

— Ой, какая прелесть, — радовалась Глория, рассматривая выложенных на траве засушенных насекомых. — Замечательные экземпляры, наверняка редкие. Кто их принёс, ты? — обернулась она к застенчиво переминающемуся с ноги на ногу аборигену. — Умница. Бери, что душа пожелает. А знаете что, мальчики, — вскинула Глория взгляд. — Давайте мы их пометим, а то и знать не будем, кто к нам ходит. Иди сюда, — подозвала она ближайшего визитёра. — Смотри, какая красивая лента. Голубая, липкая, тебе пойдёт, ну давай, не бойся, подставляй руку. Жалую тебя в кавалеры ордена голубой подвязки. А тебя — зелёной, а вон того увальня — розовой. Отлично, правда хорошо, просто замечательно.

— Знаете что, — задумчиво сказал Олег, когда украшенные лентами аборигены убралась, унося с собой по полкило бижутерии каждый. — Мне всё кажется, он хотел мне что-то сказать.

— Кто «он»? — удивлённо подняла брови Глория.

— Тот, с зелёной лентой. Ну который змей притащил. Мне показалось, что он измучился, пытаюсь донести до меня что-то важное.

— Чушь,— буркнул Луис.— Для того чтобы сказать, надо владеть осмысленной речью. Мимикой, в конце концов, владеть, жестикуляцией. Да хоть какими-нибудь средствами общения, свойственными разумным существам. К которым эти чучела относятся лишь условно.

— Сам ты чучело,— возмутилась Глория.— А прямохождение? А любознательность? А сегодняшний наш обмен?

— Большое дело,— Луис пожал плечами.— Медведи тоже умеют на задних лапах. Кто их знает, этих аборигенов, как они передвигаются у себя в лесу? Насчёт любознательности — так и сороки тянут в гнёзда всякий хлам. А что до обмена...

Луис не договорил. Помеченный зелёной лентой абориген ковылял по траве обратно к ним.

* * *

— Резаки,— отчаянно думал Змеехват, переводя просительный взгляд с одного гладкокожего на другого.— Нам очень нужны резаки. И острые наконечники для стрел, если у вас есть. И протыкающие палки. За каждую вещь я дам две змеи. Рыболов принесёт желтобрюхов, жирных, с икрой. Цикадник... Мы все принесём. У нас есть орехи. И плоды, сладкие, сочные, которые тают во рту. Есть также мясо, сушёное, копчёное, вяленое — какое хотите.

Змеехват думал долго, настойчиво, но гладкокожие явно его не понимали. Тогда он сбросил на траву шкуру, в которую были замотаны выменянные украшения. Покопавшись в них, извлёк перочинный ножик с перламутровой рукояткой. И махнул снизу вверх и наискось вдоль груди, будто собирался вспороть себе брюхо.

Гладкокожие разразились шумами. При этом охотник, одетый в серебристую шкуру, вдобавок к шумам принялся размахивать конечностями, будто отгонял насекомых.

Поругались, удручённо подумал про себя Змеехват. Из-за меня — вот же несчастье. Он стал просить гладкокожих прекра-

тить ссориться, думая то одному охотнику, то другому, то обоим вместе. Добиться, однако, не удалось ничего, напротив, в ссору ввязалась ещё и самка. У Змеехвата голова пошла кругом. Потоптавшись на месте, он виновато собрал в шкуру рассыпавшиеся по траве украшения, сунул свёрток под мышку и побрёл к лесу.

* * *

Украшения раздали самкам, и вскоре селение стало выглядеть как венок из десятка разноцветов, что распускаются на лесных прогалинах поздней весной. По этому поводу решили затеять торжество, и полсотни охотников отправились выслеживать рогача, без нежного мяса которого ни один праздничный стол не обходился.

Рогача к вечеру удалось отделить от стада, загнать в болото и умертвить, захлестнув лиановыми петлями. Радостные охотники вернулись, когда самки уже раздули уголья, а старики извлекли из-под земли кожаный бурдюк с пятилетней выдержки напитком из хмельного гриба. Едва, однако, рогача принялись свежевать, прибежал с трудом держащийся на ногах гонец из селения Быстрый Ручей, что в двух сутках хода вверх по реке.

— Беда,— заполошно думал гонец, и мысли его метались меж древесных стволов и отражались от крон, заставляя самок цепенеть от ужаса.— Быстрого Ручья больше нет. Беспощады пришли ночью и умертвили всякого охотника, который не успел убежать, и пожгли жилища, а молодых самок угнали с собой. И было беспощадов неисчислимое множество — по пять воинов на каждого охотника, а то и по десять.

Гонец, наскоро отдышавшись, помчался по берегу дальше, оповещать селения в речных низовьях, а оставшимся стало не до праздника. В последний раз беспощады нападали много лет назад, лишь самые древние старики помнили те времена. Была большая война, и много охотников погибло, но разбойников отбили, и они откатились на север зализывать раны в лесных урочищах. А сейчас вернулись опять.

* * *

— Ой, смотрите, мальчики, теперь их двое,— Глория вскочила и устремилась на выход.— Наш приятель с зелёной лентой, а с ним какой-то другой, непохожий.

— Вот это номер,— присвистнул, остановившись на пороге, Луис.— Он, кажется, привёл к нам девочку.

— Боже, какая прелесть,— ахнула Глория. Она подавила желание немедленно схватить миниатюрное существо в охапку и словно кошку его приласкать.— Нет, ну смотрите же, какая лапушка.

— Постой,— Олег отстранил Глорию и шагнул вперёд.— Да прекрати же сюсюкать! Он явно хочет нам что-то сказать, я чувствую, а ты мне мешаешь.

С минуту Олег, наморщив лоб, изучал круглые глаза аборигена. Как всегда, они ничего не выражали, кроме обычной спокойной грусти.

— Дело не в глазах,— вслух произнёс Олег,— дело в чём-то другом. Не могу понять в чём — в каких-то флюидах, что ли? Постойте! Мне кажется, он хочет оставить свою даму здесь.

— Здесь, с нами? — не поверила Глория.

— Похоже на то. Могу поклясться, что чувствую именно это. Не пойму только зачем. Может быть, в подарок?

— Глупости,— вмешался Луис.— Это всё равно, что я бы им подарил Глорию. Или ты.

— Может, и глупости.

Абориген внезапно отступил на шаг. Попятился, не отводя взгляда, к лесу. Затем обернулся и побежал. Через пять секунд он исчез в чаще.

— Как же так! — растерянно запричитала Глория.— Он её что же, бросил? Чем мы будем её кормить? Ох, посмотрите же, она, кажется, плачет.

Ошеломлённые, Олег с Луисом склонились к аборигенке. Та стояла, безвольно уронив руки. «Конечности,— поправил себя Луис.— Или всё-таки руки?..» Он почесал в затылке, затем несмело протянул ладонь и коснулся шелковистой, атласной шёрстки. Аборигенка не отреагировала. Её светло-карие вполлица глаза были наполнены влагой.

— Иди сюда, малышка,— Глория опустилась на колени и привлекла неожиданную гостью к себе.— Ну чего стоите? — прикрикнула она на мужчин.— Доставайте продукты, все подряд, пошевеливайтесь. Надо определить, что годится ей в пищу.

* * *

До селения Змеехват добрался к полудню. Теперь он был спокоен. Что бы ни случилось, гладкокожие позаботятся о Зарянке, он знал это, чувствовал.

В осиротевшей хижине Змеехват опоясался прочной лианой, приторочил к ней резак и повесил дубинку с каменным набалдашником. В таком наряде и поспешил к заполненной односельчанами прогалине на речном берегу.

— ... дозорных,— отчётливо думал для всех Следодум.— Меняются дозорным — три раза за ночь. Чуть что — поднимать тревогу. Охотники из селений выше и ниже по течению придут на помощь, если на нас нападут. Если нападут на них, на помощь придём мы.

Следующие две ночи прошли спокойно. Беспощады не появлялись ни на правом берегу, ни на левом, и в селении стали подумывать, что они ушли.

* * *

Осторожно раздвинув камышовые заросли, Острозуб пристально осмотрел противоположный берег. Видел в темноте он прекрасно, как и любой из его сородичей, которых трусливые речники называли беспощадами.

Острозуб засёк укрывающегося в спутанных корневищах дозорного. И второго, схоронившегося в ветвях. Третий, развалившийся под раскидистым кустом, похоже, спал. Острозуб презрительно скривился — в его племени заснувшего на посту ждало немедленное умерщвление.

Попятившись, Острозуб втянулся в камыши и поспешил назад, к соплеменникам.

— Двое,— подумал он братьям Пловцам.— Третий спит.

Братья поднялись и заскользили к берегу. Ни одна травинка не шелохнулась под их лёгкими ногами. И даже круги не разошлись по воде, когда Пловцы нырнули в речную заводь.

Острозуб поправил на поясе длинный железный резак, выманный у горного племени на половозрелую самку, и принялся ждать.

* * *

Змеехват проснулся и схватился за голову. Панические мысли односельчан, казалось, разорвут её на части.

— Мне больно, больно. Помогите же,— ворвался в общий хор отчаянный призыв Кустадава.— Я не хочу умирать!

Змеехват вскочил на ноги. Он должен был сменить Кустадава в дозоре, и тому надлежало его разбудить. А этот лентяй, конечно, проспал, и теперь... Змеехват не додумал. Высадив ногой плетёную дверь, он выскочил из хижины наружу и с первого взгляда понял, что им конец.

Беспощады крушили хижины и добивали охотников. В десяти шагах завалился с проломленным черепом Рыболов. Чуть дальше, прислонившись спиной к стволу иглолиста, отбивался от нападающих на него разбойников Цикадник.

Змеехват рванулся, в четыре прыжка одолел разделяющее его с Цикадником расстояние. Ребром ладони наотмашь срубил ближайшего беспощада. Бил безжалостно, насмерть — так же, как наповал, с одного удара, умерщвлял ядовитых змей. Дубинкой достал второго, отпрыгнул назад и выдернул из-под опоясывающей лианы резак гладкокожих.

— Беги,— подумал Змеехват Цикаднику и пригнулся, готовясь принять на острие набегающего рослого воина.

Страшный удар сбоку в голову свалил Змеехвата с ног, опрокинул на землю и вышиб из руки резак. Последнее, что увидел охотник, было искажённое яростью зубастое разбойничье лицо. Как отдирали с предплечья нарядную зелёную ленту, Змеехват уже не почувствовал.

* * *

— Смотрите, мальчики, он вернулся,— захлопала в ладоши Глория.— Эй, где там наша красотка?

Абориген с перетянутой зелёной лентой конечностью осторожно двигался от опушки к лаборатории. Глория выскочила на крыльцо и, улыбаясь, шагнула навстречу.

— Подожди! — Луис ухватил девушку за плечо.— Это не тот.

— Как «не тот»? — опешила Глория.

— Посмотри, он темнее и выше ростом.

Олег, появившийся на пороге и держащий на руках прильнувшую к нему аборигенку, замер на месте. Ему внезапно почудилось, что в воздухе вспухла, раздалась и дождём разлилась беда. Оставленное на их попечение миниатюрное существо обхватило вдруг Олега за шею и затряслось, забилося у него в руках.

— Это не он, да? — сообразил Олег.— Не твой друг... муж... кто он тебе? Это...

Олег не договорил. Абориген стоял, подбоченившись, и глядел на него в упор. Такими же круглыми светло-кариими глазами вполлица, как у предыдущего. Только спокойной грусти в его глазах не было. А была... Олег стиснул зубы, он мог бы поклясться, что в глазах была злоба.

— Вот так, да? — пробормотал Олег и выдернул из комбинезонной кобуры импульсный разрядник.

— Ты что,— прошептал опешивший Луис.— Ты что делаешь?

* * *

Уперев конечности в бока, Остроzub разглядывал диковинных исполинских животных. Два самца в разноцветных шкурах и лохматая самка. И у одного из самцов в лапах неплохой приз.

Остроzub окинул пытливым взглядом жилище невиданных зверей. Представил, сколько внутри интересных и полезных вещей. Нарядная лента, украшающая его предплечье, наверняка оттуда. Остроzub прикинул, как надлежит действовать. Живот-

ные, конечно, мощные, но пять сотен воинов справятся с ними без труда, если нападать ночью.

Острозуб вновь перевёл взгляд на замотанного в зеленоватую шкуру самца с речницей в лапах. На миг воина одолело сомнение — животное выглядело достаточно грозно и явно его не боялось. Впрочем, зверь, похоже, был непуганый и потому глупый.

— Отдай самку,— властно подумал животному Острозуб.— Ну живо! Самка моя.

Вместо повиновения зверь принялся издавать ртом странные звуки. Затем выудил из прорехи в шкуре что-то блестящее и описал им полукруг. А потом... потом случилось такое, о чём Острозуб с ужасом вспоминал до самой смерти. Тысяча молний ударила вдруг в землю и превратила её в вулкан. Острозуб, охваченный страхом, бросился от вулкана прочь. Он не помнил, как удалось добраться до соплеменников.

В тот же день беспощады спешно ушли. На север, через болота в далёкие чащобы и ещё дальше, в урочища у подножия горного хребта.

* * *

Возвращаться в лес аборигенка наотрез отказалась, так что пришлось оставить её при лаборатории.

Олег назвал аборигенку Зарей. Он сам не знал, почему это имя вдруг пришло ему в голову.

Заря прижилась. Она оказалась всеядна, неприхотлива, спала у Глории в ногах и охотно помогала прибираться в лаборатории. Даже скептик Луис в результате заявил, что аборигены, возможно-таки, почти разумны.

А через полгода Заря вдруг произвела на свет двух разнополых малышей. Никак не ожидавшая такой выходки Глория, проснувшись поутру и обнаружив всё семейство у себя в постели, едва не закатила истерику. Однако, опомнившись, принялась хлопотать, и вскоре лаборатория стала сильно походить на детские ясли.

Детёныша мужского пола Олег окрестил Змееловом. Он не знал почему — имя неожиданно само пришло в голову.

ДИКИЕ ВЕЩИ

Правила игры были просты и известны мне с детства. Надень красное. Явись на место. Жди знака. Я решила не медлить.

Длинный подземный переход как всегда был почти не освещён. Вдали одиноко мигала вывеска цветочного киоска, будто маяк. Спасение? Ха... Не поверила ни на секунду. Взрослею, наверное. Хотя с виду не скажешь: нелепый красный плащ с капюшоном, в руках — корзинка, на голове — алый ободок с уродским бантом. Люди оглядывались, а черноволосый коротышка в жёлтых очках даже сфотографировал на телефон, прошептав непонятное слово «косплей». Надеюсь, не ругательство.

У выхода из перехода, прямо на лестнице, стояла низенькая пухлая девочка в плотно застёгнутой куртке и раздавала листовки. От неё несло дешёвыми духами и жареной картошкой, собакой, а ещё живой и сочной плотью, манящей и очень аппетитной...

— Это твоё. — Девочка схватила меня за рукав и проворно сунула листовку.

Яркий заголовок вопил: «Иди. Беги. Спеши». Внизу мелким шрифтом: «Понадобится ещё больше печенья». Я улыбнулась девочке, отогнала кроважидные мысли и вышла в город.

К несчастью, есть вещи более навязчивые, чем мысли. Это запахи. Тысячи запахов, рассыпанных вокруг. Неуловимых, скользящих. От них нельзя избавиться или спрятаться. Они издеваются, зовут. Будят во мне что-то страшное, ненасытное. Или просто выдают чужие секреты, как сегодня утром, у мамы. У неё на работе пахло обыкновенно — смесью из тягостного ожидания, плохих но-

востей и дезинфицирующего раствора. Я пыталась сосредоточиться, но в этой унылой медлаборатории даже взгляду было не за что зацепиться. Разве за тень, ползущую со стены на потолок.

— Догадываешься, зачем ты здесь? — важно спросила мама и откинулась на спинку белого кресла.

— Немного.— Я поёрзала на жестком стуле, чувствуя себя беззащитной девочкой, которой злая тетя сейчас уколёт пальчик. Правда, на этот раз парой капель крови не отделаться.— Кто-то опять откусил больше, чем мог проглотить?

— Не дерзи,— равнодушно процедила она.

— Ты меня куда-то отправляешь?

— В Ревт.

В воздухе разлился давящий липкий душок. Вот и он: страх, собственной персоной. Я учуяла его раньше, чем поняла, что испугалась. Похоже, мама не шутит. Нет, таким тоном определённо не шутят. Таким тоном требуют принадлежащее по праву.

— А надо? Может, кто-нибудь другой? — Голос мой звучал неуверенно. Ужасно хотелось по-щенячьи поджать хвост, забиться под стол и сделать вид, что меня тут нет. Так уж вышло: я — лишний ребенок в семье. Первый, неудачный, нежеланный. Что бы я ни делала, маминой любви была недостойна. Поэтому удивилась её приглашению и приехала сразу.

— Пойдёшь ты,— категорично заявила мама.— Я решила, и точка.

— Почему именно я?

— Ты должна мне.

— Свою жизнь?

— Не драматизируй, тебе не идёт.

Повеяло безысходностью. Наверное, так пахнут чернила, которыми подписывают смертные приговоры. Кропотливо выводят букровку за букровкой. Ровно в ряд, бочок к бочку. И ставят точку.

Я опустила глаза и уставилась на мамин стол. Раньше я любила рассматривать все эти бланки и пробирки, с наклейками на боках и разноцветными крышечками. Красные, жёлтые, фиолетовые — они казались мозаикой, выложенной скучными полосками. Хотелось поменять пробирки местами, выставить каким-нибудь занятным узором, а мама была меня по рукам и велела сидеть тихо.

Конечно, если кем и жертвовать, то мной. Без вариантов. Не вернусь — не жалко. Но, быть может, я смогу? Вдруг справлюсь? Докажу маме, что я не просто фон с семейных фотографий, пятно на безупречной репутации, ошибка молодости. И возможно, тогда она наконец-то...

— Что нужно делать?

Мама, не без моей помощи, извлекла из недр шкафа круглую наглухо закрытую корзинку из лозы. И проинструктировала:

— У неё там крайняя улица, называется Полевая. Это в лесу, за речкой. Найдёшь домик на опушке. Передашь бабушке. Ей сейчас не очень хорошо.

— Что её так мучает? — поинтересовалась я.

— Голод.

Бабушку я не видела с детства. Давным-давно, весной, она переехала от нас в Ревт, со всем имуществом — с тех пор ни слова. На Новый год и то не звонит.

— А там что? — Я кивнула на корзинку, благоухающую свежей выпечкой. — Неужели пирожки?

— Лучше тебе не знать, — серьёзно ответила мама.

— А что мне нужно знать?

— Держись дороги, там безопаснее.

Мама даже обняла меня на прощанье. Правда, вяло, почти безразлично. Так не прощаются с теми, кого надеются ещё раз увидеть.

И я оказалась здесь. Переход вывел к торговым палаткам: газеты, бижутерия, одежда, сумки... О, кондитерская! Десятки сдобных существ уставились на меня с тарелок и подносов. В заляпанном стекле мелькнуло моё отражение.

Я шагнула в портал, растворяясь в гостеприимной витрине. Подул ветер. Сильный и терпкий, с ароматом корицы и ванили. Печенье вздрогнуло, расступилось, кексы вжались в угол. Лампочки неприветливо мигнули, затрещали и погасли.

Вокруг меня был колючий воздух, пропитанный опасностью. Под ногами поле. Тёмное и топкое — спутанная узлами осклизлая трава. Вместо неба — туго натянутый мрак.

У самого лица пролетела белая бабочка. Крылья её напоминали лезвия и выглядели угрожающе. Я спешно пригнулась. В траве

мелькнул крошечный огонёк, за считанные секунды он превратился в воронку, внутри которой что-то отчаянно визжало и скреблось. Я прислушалась к запахам и понеслась к еле заметной дорожке. Гравий под ногами скрипел и хрустел пронзительно, поросшая всякой цепучей дрянью дорожка петляла между вросших в землю валунов. На один из них вскарабкалась маленькая крыса.

— Как зовут тебя, мышка? — спросила я, не очень и надеясь на ответ.

— Зехе,— неожиданным басом ответило существо.— Я могу быть по-настоящему опасен, хочешь проверить? Подойди!

Я собралась подойти, даже камень с земли подняла, но тут из туч спикировала бабочка — не успела я и ахнуть, как насекомое оторвало крысе голову, проревело «Чмоке!» и скрылось. Да, это Ревт, тут творятся дикие вещи!.. Знать бы, где эта опушка...

Слева метнулась тень, обернувшись расплывчатым силуэтом. Я попятилась и на всякий случай кинула в него камень, силуэт оформился в фигуру огромного волка. Камень рассыпался.

— Куда ходим? Чего ищем?

Волчара прыгнул с валуна и преградил мне путь.

— Бабушку,— призналась я, ощутив навязчивый запах хищника.— Она живёт в лесу, улица Полевая, домик на опушке. Знаешь, как её найти?

— Знаю,— ощерился волк, заинтересованно взглянув на корзинку.— И сильно ты хочешь к ней попасть?

— У всего своя цена, я правильно понимаю?

— Бери оптом,— усмехнулся он.— Так дешевле.

— Остряк,— восхитилась я.

— Иди по дорожке до реки. На другой стороне обязательно увидишь домик.

Я благодарно кивнула. Волк исчез, лишь клочки шерсти мгновение висели в воздухе.

Скучать по пути не пришлось. Небо расцвело цветочками ядовитого зелёного цвета, злобно зашелестело и свернулось в рулон. Над головой стало пусто, словно пространство сбежало в никуда. Валуны со свистом провалились сквозь землю, оставив после себя впадины, зияющие той же шелестящей пустотой. Я шагала всё осторожнее, боясь оступиться и сойти с дороги. По поляне промчался здоровенный

щетиный кабан, из-под копыт его летели во все стороны комья земли. Из зарослей вынырнули огненные щупальца. Настигнув зверя, они обвили его кольцами и утащили в свою воронку. Оттуда донёсся визг и жадное хлопанье. Испугаться я не успела — дорожка как раз упёрлась в обещанную реку. Правда, назвать этот тонкий ручеёк рекой не поворачивался язык. От него валяли клубы едкого пара, на другой стороне виднелся дом. Маленький, деревянный, когда-то белый, домишко стоял на многочисленных сваях — видимо, раньше эта Вонь-река превращалась в Смрадозеро. На крыше домика росла рябинка, ставни висели на соплях, дверь и вовсе покосилась — однако он явно был жилым — в оконцах мигал свет.

Я перепрыгнула через злобно булькающий ручей и ринулась к дому на немыслимой скорости, но никто не собирался на меня нападать. Будто даже неведомые твари обходили это место стороной. Вблизи дом оказался ещё более хлипким. Много чего сгнило, остальное проржавело, а лесенка у двери, казалось, не выдержит и такое худосочное тельце, как моё.

Всё же я вскарабкалась. Скрипнула дверью. Вошла в тесную прихожую и отдышалась.

— Кто там? — хрипло поинтересовались из комнаты. Занавеска в проходе тихонько колыхнулась.

— Бабушка? — с сомнением переспросила я. — У меня для тебя подарок.

— Оставь в прихожей. Спасибо. Можешь уходить.

Я протянула руку с корзинкой к тумбочке и замерла. Что-то здесь было не так. Запах. Ну конечно.

— Быстро добрался, — ухмыльнулась я и прижала корзинку к себе.

— Срезал слегка, — ответил волк, отодвинув лапой занавеску. — Как ты меня узнала?

— Где бабушка?

— Ты не такая, как они. Почему пришла сюда?

— Должна кое-кому.

— В столь юном возрасте, и уже так задолжать... Что ты вообще знаешь о своей бабушке? — Волк двинулся на меня, грациозно переставляя лапы. Я попятилась к двери. — С тобой были не до конца откровенны. Ты просто так отсюда не выберешься.

Никто не выберется. Дойдешь до врат, они потребуют плату — уходить будет нечему. Они заберут часть тебя, безвозвратно. Это Ревт, детка, здесь всё не просто так.

— Где бабушка? — упрямо повторила я.

— Её нельзя выпускать. Если она уйдёт — у нас будут большие неприятности. Давай решим всё по-хорошему. Ты явно не из тех, кто хочет жить с ложью, которую рассказали родители. Оставь корзинку и уходи.

— Ни за что,— произнесла я с напускной уверенностью. Вышло не слишком убедительно.

— Повтори ещё раз,— не впечатлился волк.— С чувством!

— Мне казалось, ты настроен дружелюбно. Может, мир?

— Мир ценой крови,— оскалился он.— Той, что в корзинке.

— Там кровь? — несказанно удивилась я.

— А ты думала что? Горшочек с маслом? Кровь — это жизнь. Кровь — это дань. Ключ, выход, цена. Ты пришла выпустить то, что еле сплывали сюда много лет назад.

Я невольно задумалась. Что я знаю о бабушке? Старые снимки и сдержанные рассказы мамы, без подробностей. Хотя любые мамины рассказы их лишены...

— Да, ты прав.— Я улыбнулась волку; аккуратно приоткрыв дверь ногой.— Мир только ценой крови. Твоей.

— Как скажешь.— Он прищурился и замер, явно готовясь к прыжку.

Не мешкая, я выскочила наружу. Дверь захлопнулась, хлипкое дерево затрещало от звука впившихся в него когтей.

Время. Нужно немного времени.

Я решительно юркнула под дом. Затаилась, не выпуская корзинку, среди поросших мхом свай и глубоко вдохнула.

Волк выбежал следом. Сквозь щели было видно лишь его тощее брюхо. Пролететь за мной он не мог, да и вовсе не собирался этого делать.

Стал скрести и толкать трухлявые доски над моей головой, одна хрустнула, в зазор полетели щепки. Явно приближалась буря.

Я отставила корзинку подальше, скинула плащ и приготовилась. Ломящая боль пронзила спину, прокатилась по телу волной дрожи. Сердце застучало в два раза быстрее. Всё во мне

дрогнуло, сжалось и будто вывернулось наизнанку. Запахи расцвели сильнее и глубже, ярче и отчётливее, заполнив пространство целиком. Злость нарастала, став настоящей и почти осязаемой — плотной, мстительной, голодной.

Доска надо мной жалобно скрипнула и треснула пополам. Не теряя ни секунды, я оттолкнулась от земли. Выпрыгнула из ненадёжного укрытия и мягко приземлилась на подушечки лап. Волк посмотрел на меня так, словно увидел трёх поросят с дробовиками.

— Мне следовало догадаться, — прорычал он.

— Следовало, — подтвердила я, отряхнувшись. Щепки запутались в шерсти и неприятно щекотали кожу.

Волк раззявил огромную пасть, бросился на меня. Я отпрыгнула и едва не угодила в яму. Откатилась в сторону, прижалась к траве. Тут же почувствовала боль в боку — резкую, жгучую. В нос ударил приторный металлический запах, шерсть намокла. Я дёрнулась, освободилась от волчьих цепких объятий. Изловчилась и вцепилась волку в горло. Он взвыл и упал на спину, старательно отпихивая меня лапами. Бок заныл, я поневоле ослабила хватку и снова оказалась на траве. В глазах предательски потемнело.

Рядом что-то просвистело, прямо над самым ухом. Послышалось шипение и короткий, сдавленный рык. Я с трудом поднялась с травы и осмотрелась. Суровый мужик, похожий на Терминатора, тряс волка, как жалкую шкурку. Разорванную пополам и окровавленную ...

— Кто ты? — осторожно спросила я.

— Дровосек, — отозвался тот весьма самодовольно.

Я огляделась. Вокруг по-прежнему была лишь трава, истыканная зияющими дырами.

— А деревья где?

— Я очень старательный дровосек, — громко заржал он. Облизнулся и впился острыми зубами в трепыхающуюся в его руках тушу.

— Что ж, удачи. — Я развернулась и направилась прочь.

— Обычно в таких ситуациях говорят «спасибо», — укоризненно процавкал дровосек.

— В таких ситуациях говорят «приятного аппетита», — возразила я и укрылась под домом.

Пришлось ещё разок собраться с силами и погрузиться в безжалостный омут превращения.

Я закуталась в плащ, взяла корзинку. Дурацкий ободок оставила валяться в грязи, всё равно он мне не нравился. Вернусь домой, выкину из гардероба красные вещи, любые. Соберу горкой и сожгу. Обязательно. Вот только разберусь с бабушкой.

Наружу я выбралась, стараясь не обращать внимания на кровоточащий бок. В доме больше не чувствовалось хищника. Поставив корзинку на тумбочку, я без колебаний сдёрнула крышку и извлекла прозрачный флакон причудливой формы. Внутри круглой и плоской бутылочки пенилась мутно-красная жидкость. Я выдернула пробку — жидкость пахла мёдом, стущёнкой и шербетом. Если это кровь, то она принадлежит странному существу.

— Ты чуть всё не испортила,— настиг меня голос. Занавеска отлетела в сторону, и в прихожую вышла девушка с ослепительно-белыми длинными волосами. Одета она была в пальто... и всё.

— Ты была здесь? — удивилась я.— Могла бы помочь.

— Я знала, что моя внучка справится,— бесцветно ответила она.— Он всего лишь Хранитель леса. Очередной... Сколько их было. Впрочем, суть не в том. Полагаю, это моё?

Бабушка кивнула на плоский флакон и протянула руку. Но, вместо того чтобы его отдать, я отступила к двери и спросила:

— Какой ещё Хранитель?

Она подошла ближе, вглядываясь в меня поразительно хладнокровным взглядом. От неё веяло приторной сладостью, безмолвной и неживой. Почти так же, как от мамы, только гораздо выразительнее.

— Кто ты? — не выдержала я.— Кто вы все?

— Как кто? — ответила она, не моргнув.— Твоя семья. Просто щёночку не повезло — в отца уродилась. Дурная кровь. Но мы решили тебя оставить, авось пригодишься. И как видишь, не ошиблись.

Я лишь ухмыльнулась. Потому что поняла, кто они. А главное: они не способны любить. Не могут, не умеют. Ни бабушка, ни мама. Дело не во мне, а в них. Им не дано понять. Они кормятся чужим теплом, ведь в них самих — пустота. Та же пустота, что и в этом тусклом местечке. Ревт... в посёлке с таким названием самое место всяким тварям.

— Вы не моя семья,— твёрдо сказала я.— А тебе лучше остаться тут.

Бутылочка звонко разбилась о стену, окрасив потрёпанную обивку бурными брызгами. Пол заблестел россыпью мелких осколков. Бабушкино лицо исказилось, стало серым. Она бросилась к стене и впиалась в неё ногтями.

— Дрянь,— совсем нечеловеческим голосом прошипела бабушка, сдирая обивку ногтями.— Сплошные инстинкты, ноль мозгов.

— Счастливо оставаться,— искренне пожелала я, хлопнув напоследок тем, что осталось от двери.

Дровосек сидел на траве, дожёвывая последний кусок Хранителя леса. Вид у мужика был довольный — глаза сыто блестели, по подбородку стекали остатки банкета.

— Где выход? — поинтересовалась я.

— Врата? — Он захихикал и указал грязным пальцем за домик.— Там. Я поковыляла к цели. Дровосек настиг меня в три шага.

— Неужто не наелся? — прямо спросила я. Бок ныл, плащ пропитался кровью и лип к коже. Я ужасно устала и не смотрела куда ступаю — пожалуй, провалиться в пустоту было бы не так уж плохо.

— Я тебя провожу... — нахмурился он и, похоже, обиделся.

Врата и правда оказались недалеко от дома. Соединяли землю и свёрнутое в рулон небо, закрывая пустоту завесой из пульсирующих сгустков. Они переливались и играли, как безобидные пылинки в лучах солнца. Кружили в безумном танце, тянулись ко мне. Приглашали войти.

— Часть тебя останется здесь,— напомнил дровосек.

Точно. Дань. Её платят все.

Я попыталась успокоиться. Шумно выдохнула. Пошла вперёд и увидела...

— Извини, ты пень? — прямо спросила я.

— Я камень, ага,— ответил «пень».— Между прочим, минерал, очень полезный и волшебный.

— А так и не скажешь,— прошипела я.— Отчего же ты такой серый?

— Бери выше,— треснувшим голосом ответил камень.— Не такой, а такая! Что думаю, то и говорю — а по четвергам приношу несчастье.

— Ну да,— заметила я.— Всё время на открытом воздухе: дождь, снег, птицы. Реальное несчастье. Тут посереешь.

Дровосек за моей спиной хихикнул.

— Я стерегу знак,— сообщила камень обиженно.— Угадай какой и иди.

— Нечего и гадать, мягкий,— сказала я и потеряла опору под ногами. Внизу разверзлась пустота: свистящая и холодная — одно бесконечное ничто. Мир содрогнулся, я ощутила горький запах безнадёжности. И поняла, что вишу над зияющей дырой, а мой заботливый спутник держит меня за капюшон, будто нашкодившего щенка.

— Смотри, куда идёшь,— с укором произнёс он.

— Спасибо,— на этот раз расщедрилась я.

Он улыбнулся мне и неожиданно притянул к себе. Его объятия застали меня врасплох, но оказались очень ласковыми, как и последовавший за ними поцелуй. Нежное касание губ с солёным привкусом крови. Неповторимым ароматом только что отнятой жизни. Я почувствовала приступ дикого, неконтролируемого голода, знакомый и ненавистный.

— Ты можешь остаться,— тихо сказал дровосек.— Возможно, тебе даже следует...

— Не хочу.— Я мотнула головой и уверенно отстранилась от него.— Кто знает, вдруг мне повезёт?

И я шагнула навстречу вратам. Сгустки расступились, темнота схлопнулась. И всё исчезло.

Я обошла кондитерский киоск и отправилась на площадь. Пустую. Не совсем, конечно. Были люди, пыль, шум, но не было... их. Запахи словно выветрились — стали тонкими и тусклыми. Впервые в жизни я вздохнула свободно.

Надо же! Мне действительно повезло. И больше, чем я могла рассчитывать...

ДВОЕ — НА ВЫХОД

— Никуда я с тобой не пойду,— упрямо заявил Гоша и уселся на скамейку. Демонстративно так уселся, без намека на компромисс.

Я глубоко вдохнула. Задержала дыхание, выдохнула. Спокойно. Бывало и хуже. Справлюсь как-нибудь.

— Пойдешь,— возразила я твердо. Главное в нашем деле — уверенный тон, железные аргументы и грозный вид. С последним, правда, промашка вышла. Сложно воспринимать всерьез девочку в пышной розовой мини-юбке и с фиолетовыми волосами, заплетенными в хвостики а-ля Сейлормун. Футболка с надписью «Не бойтесь, без вас не начнут» тоже солидности не добавляет.

— Ты, вообще, кто? — с вызовом спросил Гоша.

— Как кто? — замешкалась я.— Смерть!

Он оглядел меня с ног до банта на макушке, задержавшись на кружевных гольфах, и презрительно фыркнул:

— Не похожа.

Вот спасибо. Сейчас спросит еще, как в том анекдоте: «А почему такая нелепая?» Ну уж какую заслужил! На самом деле, нелепая смерть — это именно по моей части. К драматичным трагедиям меня начальство не допускает. Говорят, мало сочувствия и сплошной сарказм. Чувство юмора сильнее чувства жалости — это как раз обо мне. Поэтому чаще всего приходится иметь дело с непроходимыми идиотами. То в пивной кружке захлебнутся, то монитор им на голову упадет. Чего тут говорить,

вся премия Дарвина моя родная, честно отработанная. Тощий инженер Гоша из Воронежа был не настолько фееричен, однако жизнь мою усложнил изрядно.

— А где коса, черный балахон и все такое? — продолжал издеваться он.

— Ролевикам на выходные одолжила! — не выдержала я. — Еще вопросы?

— Вообще, ты больше на фею смахиваешь.

Я?! На фею?! Так меня еще никто не оскорблял! Жаль, что силой и угрозами ничего не добиться. Очень и очень жаль.

— Что ты здесь забыл? — как можно ласковее спросила я. — Впереди новые горизонты, свет в конце тоннеля, лучший мир...

— Отстань, — огрызнулся Гоша. — Сколько можно за мной ходить? Надоела. Не хочу я умирать, чего тебе непонятно?

Здрасьте-приехали. Не хочет он. А кто его спрашивает? Надо было думать, прежде чем утверждать, что «стопудово этот провод земля, а не фаза».

— Ты уже месяц как умер, — проникновенно выговорила я, взывая к остаткам его разума. Тщетно. Разума там сроду не вошло.

— Бывают девушки, — хмыкнул Гоша и сложил руки на груди, — которые просто не понимают слова «нет».

Убила бы — да поздно. Вот он, существенный минус моей работы. А ведь, если я не заберу этого обалдуя в ближайшую неделю, меня ждут проблемы. Неприкаянные души — серьезная недоработка. Скитаются потом по земле, людей пугают. Придется заполнять ненавистную форму № 123 и получать строгий выговор от начальства. Того гляди в должности понизят... Буду опять возиться с этими эмо-нытиками окаянными, которые всю дорогу плачут и цитируют стихи собственного сочинения. Нет уж!

— Не переживай, — радужно улыбнулась я. — Тебе понравится в новом мире.

— Мне и в старом неплохо. Я ведь не обязан с тобой идти, иначе бы ты не уговаривала.

— Нет, не обязан. Но, если останешься, обречёшь себя на вечные страдания.

— А тебе какое дело? — прищурился Гоша. — С чего столько навязчивого беспокойства?

— Ты мне выполнение плана рушишь! — призналась я. — С треском. Прекрати немедленно.

— А то что? Тебе бонусы за месяц не выдадут?

— Вроде того. И это проблема.

— Беда, — ничуть не проникся он. — Только проблема в том, что это не моя проблема.

— Слушай, — рассвирепела я. — Для парня, который путает провода под напряжением, ты слишком много умничаешь. Тебе не идет совершенно!

— Знаешь что?! — не остался в долгу Гоша. — Не собираюсь сидеть тут и выслушивать всё это, прекрасно зная, что я виноват.

Он вскочил со скамейки и зашагал прочь. Завидная логика! Прелесть. Достала из кармана коммуникатор, повертела в руках. Рабочая программа любезно сообщила, что на мне висит долг и закрыть цикл нельзя. Сама знаю. А времени остается в обрез.

— Эй, — вдруг окликнули меня.

Я отвлеклась от коммуникатора. Передо мной стоял всё тот же Гоша и хмурился. Вид у него стал гораздо бледнее, а зрачки побелели. Несимпатичное получится привидение.

— Передумал? — воодушевилась я.

— Не совсем, — хитро улыбнулся он. — Может, заключим сделку?

— Сделку? Какую ещё сделку?

— Передашь кое-что моей девушке, и я пойду с тобой.

— С ума сошел? — Я выразительно покрутила пальцем у виска. — Это против правил.

— Ах, так? — хмыкнул Гоша. — Вот и сиди, как дура, без бонусов.

Развернулся, отошёл на пару метров. Руки в бока упер. Сердито и решительно, впору прослезиться. Позёр несчастный. И за что мне всё это? При всём богатстве выбора... Цитируя моего дражайшего наставника: «Не нравится — пили березу». Я спрятала коммуникатор, подошла к Гоше. Тот и не оглянулся. Ишь гордый какой.

— Допустим, соглашусь,— сказала я неопределенно.— Что твоей девушке передать надо?

Небось чушь любовную. «Извини, что не смог сделать тебя счастливой» и бла-бла-бла. Смертные очень предсказуемы. Сплошные чувства. Но Гоша пошёл наперекор моим рассуждениям:

— Пароль ей скажи.

— От сейфа, что ли?

— Не, от ноута моего. Забыл его в последний раз у неё дома.

Ох, куда катится мир? Романтика умерла, не иначе. Жаль, что он не геймер. С ними так легко. У одного как раз на прошлой неделе во время схватки виртуальной кухня загорелась. Сидел пока не доиграл. Рейтинг поднял, конечно, зато пожар прозевал. Я ему сказала, что сейчас на следующий уровень провожу, мы сразу и поладили.

— Ладно, договорились.

Гоша замешкался, взглянул куда-то вверх. Повернулся ко мне и таинственно прошептал:

— Мама разрешила.

— Рада за тебя,— кивнула я в недоумении. Чем дальше, тем чуднее.

— С большой буквы, без пробела, на латинице.

Тыфу ты, это пароль такой. Парень-то затейник. Был...

— Где искать твою девушку?

— На тринадцатом этаже, в сто двенадцатой квартире. Это Оксанин подъезд.

Теперь ясно, зачем он на скамейке весь месяц ошивается. Никаких неожиданных поворотов.

— Жди тут,— велела я и направилась к цели.

Звучало всё проще некуда. Найти Оксану, придумать повод сообщить пароль, спуститься во двор и закрыть цикл. Ура! А о том, что я с ней разговаривала, никому знать не обязательно. Особенно начальству.

Скрипучий лифт, пронзительный дверной звонок и лязг замка. На пороге показалась брюнетка с мрачным выражением лица, вся в чёрном. По облегаящим кожаным штанам, туго затянутому корсету и густым стрелкам на веках было ясно — она вовсе не в трауре.

— Оксана? — спросила я, втайне надеясь, что это её младшая сестра.

— Да,— басом прогудела девица и презрительно посмотрела на мою юбку.

Ужас! Честно — побаиваюсь я всей этой готики. Что ж, перейдём сразу к делу:

— Я насчет Гоши.

— Он на том свете,— мрачно произнесла Оксана.

— Пока еще нет,— покачала я головой.— Но я работаю над этим.

Она отступила на шаг и округлила глаза. Благодаря боевому макияжу выражение лица у неё получилось очень внушительное. Даже я испугалась. Но на кону стояло слишком многое, поэтому я воспользовалась ее замешательством. Нырнула в квартиру, захлопнула за собой дверь и принялась импровизировать:

— Мне нужен файл с ноута Гоши. Пароль я знаю.

Оксана хитро прищурилась:

— Он пароль никому не говорил и каждую неделю менял.

Какой предусмотрительный! Лучше бы провода проверял, больше толку было бы.

— Как ты познакомилась с Гошей?

— По работе пересекались...

— Я знаю, кто ты,— заявила она. Мне аж дурно стало.— Ты — Гошина вторая девушка.

— Точно,— моментально согласилась я.— Надо стереть одну видеозапись. Личную. Если ты понимаешь, о чём я...

— Гад! Мерзавец, обманщик.— Оксана пила в меня изучающим взглядом и добавила: — Подлый любитель ванили.

— Ага, а еще упрямец и шантажист,— поддакнула я.— Так чего? Тебе пароль, мне файл. Идёт?

Она поджала губы и проводила меня в комнату, невероятно просторную. Обстановочка была та ещё. Полумрак, наполовину задёрнутые шторы, распахнутое настежь окно. На потолке виднелась россыпь зловещих символов, на стене — огромный плакат с ядерным грибом. Ноутбук Оксана достала из тумбочки, напоминающей гробик на колесиках. В буквальном смысле. Пароль подошёл. Вскоре с рабочего стола нам улыбалась помпезно

выраженная анимешная охотница со здоровенным арбалетом. Оксана поморщилась и по-хозяйски защёлкала мышкой:

— Фильмы, сериалы, музыкальные клипы. Других видеофайлов нет.

— Значит, он его сам удалил, — рассудила я. — Зато пароль теперь у тебя. Вдруг найдёшь что-нибудь интересное.

— Достаточно уже нашла! Кошмар, он читал фэнтези и слушал Джессику Симпсон. Вообще-то я хотела помнить о нём только хорошее.

И ради этого парень месяц под её окнами тусовался? Псих! Хотя не моё дело. Я свою часть уговора выполнила.

— Удачи, — искренне пожелала я и направилась прочь из комнаты.

Не тут-то было. Стоило наступить на порог, как воздух заискрился, и я стукнулась лбом о невидимую преграду. Что за чёрт? Неужели...

— Попалась, — ухмыльнулась Оксана и захлопнула ноутбук.

Я внимательнее всмотрелась в символы на потолке. Так и есть, два из них мне знакомы. Привет, ловушка. Забавно. И главное, нафига? К жизни я никого вернуть не могу, убить тоже. Вся работа — проводить душу из точки А в точку Б.

— Все это та-а-ак круто! — Оксана подошла ко мне и взволнованно сложила руки на груди. — Ну ты и зашифровалась. Ни за что бы тебя в подобном прикиде не узнала.

Что?! Я постоянно так одеваюсь! Откуда у людей столько стереотипов в голове? Представляю, как бы они удивились внешности настоящей феи. Особенно ногтям.

— Черной магией балуемся? — как можно более грозно спросила я. — Непохвально.

— Я — начинающий некромант, — гордо объявила она.

Ой, умора! Снова пагубное влияние интернета сказывается. Намалевала на потолке всё, что науглила, и умной прикидывается. Ну да, угадала два значка. Велика заслуга.

— Что тебе от меня нужно? — спросила я прямо.

— Понимаешь... — смутилась Оксана. — Гоша знал, что я всегда мечтала познакомиться со Смертью.

— Однажды познакомилась бы. Куда торопиться?

— Ты — Муза бытия. Символ Тьмы. Истинный цветок Мрака. Я посвятила тебе кучу стихов!

Ой, только не это... А Гоша, выходит, мечту девушки исполнить решил? Пароль от ноута... Ишь, что выдумал. Принц домоощенный.

— Извини, не люблю поэзию. Мне пора идти.

— Оставь автограф! Или даже десять.

— И я смогу уйти?

— Позже, — туманно изрекла Оксана. — Сначала покажу тебя друзьям! Они обзавидуются.

— Слушай, — попыталась я облагородить ее, — давай договоримся. Разойдёмся мирно, а я от тебя Гоше передам горячий пламенный привет, полный любви.

— Нет. Давай лучше сфотографируемся!

Я отчетливо услышала звук крушения своих надежд. Приплыли... Конечно, можно нажать спасительно кнопку «SOS» на коммуникаторе и вызвать помощь. Но позора потом не оберёшься. Весь отдел ржать будет и стебать жестоко, вовек не отмоюсь.

— Видишь ли, — решила я схитрить, — я ненастоящая Смерть, а всего лишь стажер. Хочешь, приведу дипломированную? С собой, все дела. Сейчас сбегаю за ней!

— Я что, на идиотку похожа?

Ох, на этот вопрос отвечать явно не стоит. Честно, по крайней мере.

— Увидишь, мы отлично проведём время. — Оксана хлопнула в ладоши. — Секундочку, фотоаппарат достану!

Она бросилась к тумбочке. С разбега уселась на неё и поджала ноги. Та покатила стремительно быстро. Конечно, прямо к раскрытому окну. И ударила о подоконник. Раздался удаляющийся крик, затем характерный грохот. Что ж, постоянным клиентам скидка. С тринадцатого этажа.

Я удручённо вздохнула. Отыскала ножницы, взяла табуретку. Соскребла два символа с потолка и беспрепятственно вышла за дверь. У подъезда стоял ошеломлённый Гоша, пляясь на примятые кусты. Я подошла к ним и официальным тоном сообщила:

— У меня есть хорошая новость. Твоя смерть — очень нелепая. А значит, ты можешь пойти со мной.

Оксана нехотя вылезла из кустов, шмыгнула носом. Кивнула и виновато посмотрела на Гошу.

— Никаких стихов! — предупредила я и повернулась к горе-принцу: — Ещё кому-нибудь пароль передать?

Он отчаянно замотал головой, схватил Оксану за руку. Я зашагала в давно известном направлении, уверенная, что они последуют за мной, как нашкодившие щеночки. Так и вышло. Мы благополучно растворились в границе миров. По пути в вечность, на фоне закатного солнца. Глядя на великолепный пылающий диск, уходящий за горизонт, я могла думать лишь об одном. Пусть только начальство попробует не выдать мне бонусы в этом месяце!

У КНИГИ СЛАБЫЙ КОРЕШОК

Анна Павловна сложила в сумочку обед, расческу, зеркальце, навесила на грудь автомат и вышла из дому.

Было часов семь утра, и солнце стояло достаточно высоко. У цветочной клумбы роились пчелы, где-то высоко в небе трезвонила какая-то пичуга. Анна Павловна с наслаждением вдохнула свежий воздух, улыбка появилась на ее растерзанном лице. Неторопливо сошла с крыльца.

Улица Трудовая спала. Вот уже пять лет восемь месяцев двадцать один день улица Трудовая спит.

Анна Павловна прошла мимо заросшего кустарником дома Григорьевых. Григорьевы спят. Иван Анатольевич с Марией Сергеевной спят в дальней комнате, на двухспальной кровати. Их дети — семилетний Сашка и трехлетняя куколка Маришка — спят в детской комнате.

И Млечины спят, и Шибко, и Лиозовы... Спит улица Трудовая беспробудным сном. И город спит.

Анна Павловна, слегка ссутулившись, пошла по растрескавшемуся асфальту, схваченному с двух сторон зарослями малины и шиповника. Каблуки ее стучали.

Обыкновенно Анна Павловна носила удобные ботинки, найденные в магазине «Обувь для рыбака и охотника». В ботинках она совершала вылазки за продовольствием, охотилась.

Но на работу — только каблук. Как прежде. Как всегда.

Последний дом — деда Алё. В детстве Анна Павловна (тогда еще Аня), с подружкой Светой Морозюк (спит с мужем и сыном в двухкомнатной квартире на улице Ломоносова), лазали к деду в сад за клубникой. Тот, узрев нарушительниц, кричал из окна: «Алё! Алё!» На самом же деле деда Алё звали Виктор Евгеньевич.

— Здравствуйте, Виктор Евгеньевич,— тихо сказала Анна Павловна, проходя мимо заросшего палисадника деда Алё. Ей ответила скрипнувшая на ветру сорванная с петли калитка.

Миновав Трудовую, Анна Павловна спустилась к реке Изюмке, весело гонящей по желтым камням прозрачную воду, с опаской преодолела дощатый раскачивающийся мосток. Дальше — улица Садовая, затем — Школьная.

Здание школы, наверное, самое мрачное в городе. Солнце блестит в щербинах стекол, на крыше зеленеют березки-подростки.

Ну вот и пришла.

Анна Павловна остановилась у одноэтажного деревянного здания, внимательно осмотрелась вокруг. Вздохнув, поправила автомат и направилась к крыльцу.

У крыльца — синяя табличка с потеками ржавчины: «Изюминская городская детская библиотека. г. Изюминск». На двери — амбарный замок. Анна Павловна наклонилась к фундаменту, вытащила, как зуб из десны, отвалившийся красный кирпич, достала из тайника ключ.

Щелкнул амбарный замок, скрипнула дверь. Анна Павловна вошла в темное помещение, вдохнула родной запах. Запах старой бумаги, слегка запыленной, пропечатанной когда-то типографской краской.

Она проследовала к едва заметной в темноте конторке, поставила на нее сумку. Автомат сняла и положила во внутренний ящик.

Постояв в темноте и прислушавшись — не завелась ли крыса? — Анна Павловна направилась к окну, закрытому снаружи деревянными ставнями. Сквозь щели в ставнях пробивались лучи разгорающегося дня.

Анна Павловна взяла с подоконника масляную лампу, сунула руку во внутренний карман. Чиркнула зажигалка, строгий про-

филь высокой женщины лег на стену. На фитиле лампы вспыхнул крошечный огонек, сразу же разгоревшийся и осветивший стеллажи с книгами. Корешки золотисто вспыхнули: «Толстой, Пушкин, Гоголь».

Поставив лампу на конторку, Анна Павловна придвинула стул и села.

Рабочий день начался.

Сначала она переписала набело формуляры нескольких книг — на старых чернила так расплылись, что не видны индексы. Затем настало время ремонта. С предыдущего посещения Анна Павловна наметила десять томов, которым необходимо срочное лечение. Все это были детские сказки какого-то писателя-фантаста. Детишки зачитали книги так, что корешки свернулись набок, страницы растрепались на углах и почернели от немытых рученок. Из некоторых книжек вываливались листочки — корешки переломлены.

Анна Павловна вспомнила фразу, которой всегда провожала маленьких посетителей: «Сильно не надавливай, раскрывая книги. У книги слабый корешок».

Одну из этих зачитанных ребятней книг она как-то раз взяла домой и прочла. Писатель писал, как хорошо мы будем жить в будущем. Девочка — главная героиня и ее друзья будут летать в космос, совершать добрые поступки, бороться со злодеями...

Жаль, что писатель ошибся. Но книги все равно нужно лечить.

Анна Павловна решила распрямить по возможности корешки, затем проколоть их шилом (это будет сделать непросто!) и сшить суровой ниткой. А грязные страницы можно отбелить при помощи школьного мелка.

Взяв из стопки первую книгу, женщина с головой ушла в работу.

Когда в коридоре раздались шаги, Анна Павловна заканчивала с третьей книгой. Она так растерялась, что уколола шилом палец. На подушечке тут же появилась алая бусинка.

Последний раз она видела живого человека пять лет восемь месяцев двадцать один день назад.

И вот — перед ней человек.

Сердце Анны Павловны затрепыхалось, как выдернутый из воды карась, глаза расширились от страха.

Парнишка лет семнадцати с рюкзаком за плечами, одетый в грязное тряпье и бейсболку со сломанным козырьком, исподлобья смотрел на нее.

Анна Павловна заметила, что у мальчишки только один глаз, вместо второго — узкая слезящаяся щелка.

— Ты кто бля такая? — глухо выдавил пришелец.

Анна Павловна вздрогнула от звука этого голоса, напоминающего больше голос сбежавшего из тюрьмы убийцы, нежели голос мальчика.

Она несколько нервно поправила прическу и, глядя в глаза парня, сказала:

— Молодой человек, я прошу вас в библиотеке такими словами не выражаться.

Пришелец изумленно посмотрел на нее, потом вдруг заржал, показывая два ряда гнилых зубов.

— Библиотека? Это че, книжки, что ли? Ну ваше бля!

— Это книжки, молодой человек, — как можно строже сказала Анна Павловна. — И книжки любят тишину и не любят матерную брань.

— Угу, — отозвался парень. — Конешн.

Он сунул руку за пазуху и вытащил длинный изогнутый нож.

— Слушь сюда, тетя. Сейчас ты отдашь мне всю жрачку, что у тебя есть, или я перережу тебе нахер глотку. Усекла?

Анна Павловна замерла, глядя на клинок.

— Я тебя спрашиваю, усекла? Или как?

Мальчишка шагнул к конторке, устрашающе подняв свое оружие.

— Усекла, — отозвалась Анна Павловна.

Она наклонилась и вытащила из ящика конторки автомат. Черный глазок уставился грабителю прямо в лоб.

Мальчик вскрикнул, присев на корточки.

— Тетя, не надо!

— Что не надо?

— Не стреляй!

— Как это не стреляй? Ты только что собирался перерезать мне глотку, сопляк.

Мальчишка заплакал. Слезы оставляли светлые полосы на замурзаченных щеках.

— Дай сюда нож,— приказала Анна Павловна.

Мальчик повиновался. Когда он приблизился, женщина поняла, что грабитель еще младше, чем показался ей поначалу. Ему лет пятнадцать, в лучшем случае.

Анна Павловна спрятала в стол кривой нож. Мальчик стоял перед ней навывтяжку. Колени его дрожали.

— Ты умеешь читать? — спросила вдруг женщина.

На лице мальчишки отразилось изумление, но он кивнул:

— Ум-мею.

«Он умеет читать, надо же...» — подумала Анна Павловна, и сердце ее потеплело.

— Вот что мне с тобой делать?

— Отпустите меня, тетя! Пожалуйста, отпустите.

Женщина в раздумье смотрела на стоящего перед ней мальчишку. Откуда он пришел? Куда направляется?

— Ты здесь живешь, в этом городе?

— Вот уже две недели, тетя.

— Хорошо,— Анна Павловна наконец-то приняла решение.— Знаешь, как мы с тобой поступим? Я дам тебе еды, но не сейчас. Сейчас я дам тебе кое-что другое, ты возьмешь эту вещь и через три дня принесешь обратно.

Мальчик непонимающе хлопал глазами и молчал.

Анна Павловна поднялась со стула, бочком приблизилась к книжным стеллажам (не забывая держать грабителя на мушке). С полки, отмеченной буквой «Д», она сняла книгу в синем переплете и тут же вернулась к конторке.

— Ты возьмешь книгу. Называется «Три мушкетера». Читал? — Мальчик отрицательно покачал головой.— Ну вот и хорошо. Ты принесешь мне книгу через три дня, и я дам тебе вот это.

Положив книгу на конторку, Анна Павловна выудила из сумочки продолговатую коробочку.

— Знаешь, что это? Это чипсы.

Женщина заметила, как дернулось горло мальчишки, сглатывая слюну. Боль иголкой кольнула сердце Анны Павловны, но она спрятала чипсы обратно в сумочку.

— Так вот, принесешь книгу через три дня, получишь чипсы. Вот так. Согласен?

Мальчишка кивнул.

— Хорошо. А теперь мне нужно заполнить формуляр. Автомат я положу себе на колени, и учти, если ты попытаешься сделать что-то, чего делать в библиотеке не следует, я последую твоему примеру и изрещу тебя пулями. Понятно?

— Понятно,— отозвался мальчишка.

Анна Павловна достала чистый формуляр, вписала туда название книги.

— Как тебя зовут-то?

— Жигай,— буркнул грабитель.

— Как?

— Жигай я. Сталкер.

— Ну хорошо,— терпеливо сказала Анна Павловна.— Сталкер Жигай. Так и запишем.

Она заполнила формуляр, вставила его в конвертик на форзаце книги и протянула книгу мальчишке.

— Держи. И помни: сильно давить, раскрывая книгу, нельзя. У книги слабый корешок.

Тот взял книгу заметно дрожащей рукой.

Анна Павловна занялась своим делом. Мальчишка некоторое время стоял посреди библиотеки, переминаясь с ноги на ногу.

— Тетя?

— А?

— Мне можно идти?

Анна Павловна вздохнула, достала из конторки нож мальчишки, протянула ему:

— Забери это. Да, и еще...

Пошарив в сумке, она вынула три ржаных сухаря и положила на конторку:

— Это тебе.

Мальчишка схватил сухари и выбежал из библиотеки. Анна Павловна услышала, как простучали подошвы ботинок по ссохшемуся деревянному полу.

Вздохнув, она продолжила работу.

На третий день сталкер Жигай, конечно же, не пришел. Книга «Три мушкетера», отличное детгизовское издание с картинками, канула в Лету. Конечно, этот малолетний поросенок использовал книжку на розжиг костра, а то и на что-то похуже.

Закончив лечение книги сказок, Анна Павловна взяла сумку, автомат, затушила лампу и отправилась домой. Над головой уже сияли звезды, а где-то над лесом, начинающимся сразу за городом и отлично видимым с пригорка, повисла полная луна.

С момента посещения Жигая прошло семь дней. Ночью Анне Павловне не спалось, и она думала, что поступила неправильно. Как она могла прогнать прочь единственного человека, встреченного за пять с лишним лет, причем — мальчишку?! Да, этот «сталкер» стал злым и коварным, как маленький зверек, но... Разве у нее есть выбор? Разве не лежат на импровизированном кладбище в огороде ее дочь и сын? Разве город не спит мертвым сном?

«Что же я натворила? Что натворила?»

Слезы душили женщину.

Да, этот мальчик мог убить ее, мог украсть у нее автомат и застрелить. Но — он мог бы...

Боже, Боже... Он мог заменить ей сына.

«Дура. Чертова дура. Идиотка. Помешанная книжница».

Вместо сна Анна Павловна обзывала себя последними словами. Одиночество душило ее.

Прошло десять дней.

Анна Павловна осунулась и похудела. Ее взгляд стал рассеянным. Но самое главное — она не брала в руки книг. Пять лет восемь месяцев двадцать один день она читала. Читала каждый день, на ночь. Читала, погружаясь в другие миры, забывая обо всем на свете. Плакала и смеялась вместе с автором.

Но теперь она поняла, что книги — мертвы. А вот мальчик, заглянувший в библиотеку, был живым. И она поменяла живое на мертвое.

Это предстояло исправить.

Канистру с бензином она взяла в гараже Тимофеевых. Хорошие были люди, душевные. Не то что она. Мальчик ушел, наверняка он погиб где-то от голода. А она... Она пожалела для него чипсы!

Анна Павловна шагала к библиотеке твердым шагом. Ее волосы трепал ветер, изуродованные губы стали тонкой искривленной нитью. Книги — врут. Книги не спасают от одиночества.

От одиночества спасает бензин.

Анна Павловна села на пол, вздрагивая всем телом, отвернула крышку на канистре. Резкий запах ударил ей в ноздри. Женщина кашлянула, откинув с головы волосы, поднялась, готовая плеснуть бензин на книжные стеллажи.

Скрипнули под подошвами ботинок ссохшиеся доски.

Анна Павловна обернулась.

Мальчишка стоял на пороге. В левой руке — книга. «Три мушкетера». Детгиз. 1965 год. С иллюстрациями. В правой — банка тушенки.

— Тетя,— смущенно проговорил мальчик.— У тебя случайно нет еще про д'Артаньяна? Я принес тебе тушенки...

КАРОК

Мальчика звали Ка. Он жил у моря — у того самого моря, которое забрало жизнь его отца и, возможно, заберет и его жизнь — в обмен на то, что забирали у моря они и подобные им.

Их деревня носила название Тай-Сет, и даже Мара, которой давно перевалило за сотню лет, уже не помнила Древний язык, чтобы объяснить, что же означает это название.

Пока Ка не исполнилось двенадцать, он мог оставаться дома на хозяйстве, потому что в море уходила его мать. Сколько он себя помнил, столько помнил и обветренное почерневшее лицо матери, ее шершавые сильные руки — руки ныряльщика. Образ отца оставался в сознании Ка смутным — море забрало его, когда мальчику едва исполнилось пять. Он тоже, вероятно, был большим и сильным, как сорох — выносливый зверь с длинной шеей и шестью мощными ногами, на котором ездили ларданцы.

Ларданцы тоже были всегда — с самого начала. Именно из-за них отцу, а потом и матери Ка приходилось каждый день брать лодку, выходить в море и нырять до полного изнеможения, пытаясь отыскать возжеленную и проклятую уже не одним поколением добычу.

Ларданцам нужен был топуг — вернее, то, что находилось внутри него. Топуг представлял собой крупную осторожную рыбу — вполне безобидную, но пугливую и не идущую в сети. Ее можно было поймать только с помощью дротика, копья и собственной скорости, терпеливо выследив и метнувшись наперерез из заса-

ды. Топу можно было оставить себе, ларданцы забирали только содержимое ее желудка. По каким-то необъяснимым причинам именно эта рыба находила где-то в морских глубинах и заглатывала теонит — редчайший из металлов, который невозможно было встретить на суше. Зачем он был так нужен ларданцам, оставалось загадкой, но каждую неделю от каждого семейства Тай-Сета требовалось по семь камней. Один теонит в день. Иначе — смерть.

Ларданцы всегда приезжали небольшими группами по восемь—десять человек. Забирали камни и немощных стариков, если у тех в доме не оставалось никого, кто мог бы выходить за них в море. Взамен оставляли еду, которую невозможно было вырастить на земле или выловить в море, одежду, полезные в быту предметы, инструменты. И так — из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год.

У Ка был талант — так сказала его мать, когда он стал выходить в море вместо нее. За четыре дня он убил семь топу и добыл семь камней. В остальные дни до воскресенья Ка может отдохнуть дома — сказала она, одновременно гордясь выросшим сыном и жалея его. Ка взглянул в ее выцветшие глаза, когда-то давным-давно сводящие с ума всех юношей деревни, на ее сморщенное раньше времени лицо и совсем уже седые волосы — и наутро снова ушел в море. Потому что их соседка осталась одна и была не так удачлива на улов.

В одно из воскресений над деревней прозвучал леденящий душу вопль. Ка бросил топу в лодке — он только что вернулся с уловом — и помчался на звук. Он увидел ларданцев, как всегда, с ног до головы закованных в сияющие на солнце доспехи. Огромные сорохи то и дело вставали на дыбы, словно их хозяевам нужно было еще какое-то подтверждение силы и величия. Один из ларданцев держал на руках ребенка. Ка узнал его — это был Вохор, слепой сын Руны. Сама Руна вопила во весь голос и рвалась из крепких объятий удерживающих ее соседей. Ка знал правила — все калеки должны умереть. Ларданцы всегда забирали их с собой — жители деревни должны быть здоровы и выносливы, чтобы поймать топу. Убогие никому не нужны. Вохора забрали, когда его слепота стала очевидной. У Ка был брат-близнец, ко-

тогого он никогда не видел, — Рок. Они родились с интервалом в десять минут, и отец дал им такие имена, что вместе означало карок — крупнейший морской зверь. Отец видел карока однажды, когда ушел на своей крепкой лодке дальше обычного. Ка еще не посчастливилось встретить это чудовище, но он не терял надежды. Несчастье Рока состояло в том, что он родился практически одноруким — вторая была неразвита и более всего напоминала сухую плоть. Ка и Рок появились на свет в пятницу, а в воскресенье ларданцы забрали калеку с собой.

Из дома выбежал Зауб, отец Вохора. В руках он держал какую-то палку, которой, отчаянно вопя, попытался сбить одного из ларданцев с сороха. Но животное мотнуло длинной шеей и повалило мужчину на землю. Ларданец взялся рукой за меч, что висел у него на поясе. Ка на мгновение зажмурился, а Руна в ужасе закрыла свой рот рукой. Но все обошлось — ларданец сердито выкрикнул что-то, развернулся и дал знак остальным следовать за собой. А Зауб остался лежать на земле — невредимый, но растоптанный. Взрослые здоровые мужчины были для них слишком ценным материалом. В этот момент Ка впервые подумал, что ненавидит ларданцев.

Шло время, и ненависть его росла вместе с ним. Ларданцы снились ему по ночам — все в золотых доспехах, с громоподобными голосами. Они жили в домах из теонита — таких высоких, что крыши их цеплялись за облака, а солнце не смело показываться на улицах города. И в этих домах хозяева восседали не на стульях, а на тронах из костей тех, кого убивали. Ка просыпался в холодном поту и шел за лодкой. Море, таившее в себе несметное множество опасностей, казалось все же предпочтительнее ларданцев.

Так прошло несколько лет. Мать совсем постарела и то и дело заговаривала, что хорошо бы привести в дом девушку — ту, которая займется хозяйством, пока Ка охотится на топу. Ка молчал. Но мать возвращалась к разговору снова и снова. Он знал, что она не отступит, так же как знал, что она во многом права.

А однажды Ка чуть не погиб. Это произошло в один из ветреных дней, каких так много случается осенью. Топу можно было поймать у рифов, в открытом море они прятались на глубине, к

рифу же приходили кормиться. Ка добрался до места, привычным движением закрепил на ноге длинную прочную веревку, другой конец которой был привязан к лодке, проверил, на месте ли нож и дротик, взял в рот зеб — специальное приспособление, позволяющее оставаться под водой до получаса, и нырнул. Вода в море была уже ощутимо прохладной, но только не здесь — у рифов она прогревалась достаточно для того, чтобы не испытывать больших проблем.

Ка увидел топу почти сразу же, как только расположился в уютной впадине. Большая рыба поблескивала темно-серой чешуей, лениво шевеля ярко-красными плавниками, так заметно выбивающимися из всего ее облика. Топу кормилась, обгладывая полипы с живущими на них морскими организмами, предназначенными для питания таких вот больших рыб. Ее желтовато-красные выпуклые глаза вращались настороженно, и Ка затаил дыхание, стремясь, чтобы она не увидела поднимающийся от него столп мелких пузырьков. Топу повернулась, выбирая следующий полип, и на мгновение перед Ка оказался ее лоснящийся бок. Одно точно рассчитанное движение — и дротик пронзил чешую. Топу судорожно рванулась, но Ка был начеку — он знал, что рыбе нельзя дать опомниться. Топу обладала значительной силой, но они были медлительны и нерасторопны. Юноша оттолкнулся ногами от опоры и начал быстрый путь вверх, к воздуху. Самое большое усилие потребовалось, чтобы перевалить рыбину через край лодки, и, когда она, тяжелая и блестящая на солнце, затихла на дне, Ка сам перевел дух. Вытащив дротик, он накрыл топу плащом, чтобы ее не попортили раньше времени солнце с ветром и не заметила какая-нибудь хищная птица, а потом огляделся. Солнце едва приближалось к полудню, у него впереди был еще целый день, и Ка решил попытать счастья еще раз. По опыту он знал, что топу обычно не ходят в одиночку — а два камня всегда лучше одного. Он провел под водой едва ли десять минут, поэтому мощности зеба хватит еще на какое-то время. Оглядевшись, Ка нырнул снова.

Вторая топу была гораздо меньше первой и находилась дальше. Ка пришлось сменить свое удобное убежище, чтобы подобраться поближе. Он плавно сдвинулся к самому краю рифа, где

вода была ощутимо холоднее, а синяя пустота вокруг говорила о большой глубине. Топу осторожно замерла, словно почуяв присутствие ловца, и Ка предпочел нырнуть в небольшую пещерку, чтобы скрыться от рыбьих глаз. Именно это едва не стоило ему жизни.

Напряженно наблюдая за потенциальной добычей, сперва он и не понял, что происходит, и даже раздраженно дернул ногой, думая, что его веревка перекрутилась. Но это была не веревка. Опустив глаза, Ка с ужасом увидел какое-то желтовато-бурое щупальце, двумя кольцами уже обвившее его левую ногу. Он резко развернулся, отталкиваясь от камней свободной ногой, — и в тот же миг предстал лицом к лицу с обитательницей пещеры. Ее называли мией, но почти ласковое имя не имело ничего общего с характером его носительницы. Шесть длинных щупалец, тянущихся к желеобразному телу и венчающей его огромной безглазой голове с широко раззявленным ртом, в котором поблескивали острые как иголка ядовитые зубы. Говорили, мия могла есть свою добычу часами. Чудовище охотилось на ощупь, а сегодня добыча сама пришла к ней. Ка, загипнотизированный первобытным ужасом, едва ощутил, как еще одно щупальце ползет по его плечу, пытаясь добраться до горла. И, только когда дыхание его пресеклось, Ка от неожиданности выпустил изо рта зеб и дернулся, пытаясь освободиться. Мия держала крепко, а он начинал задыхаться. Каким-то чудом вспомнив про кинжал, он изловчился вынуть оружие из-за пояса и судорожно воткнул в щупальце, сдавившее его шею. Мия не ожидала такого отпора — она дернулась и на миг отпустила Ка, но только затем, чтобы развернуть его в пещеру, а самой отпрянуть назад для решительного натиска. Но натиска не получилось — в то самое мгновение, когда чудовище оказалось на самом краю рифа, нечто огромное и стремительное схватило его поперек туловища и громадной черной тенью метнулось прочь. Ка успел заметить только пятнистый хвост добрых двадцати футов длиной. Голова кружилась, нестерпимо болела грудь, и хотелось вздохнуть, но он сделал усилие, чтобы оттолкнуться и вынырнуть. Путь вверх показался вечностью, как он добрался до лодки, Ка не помнил. Он пришел в себя, мертвой хваткой сжимая свесив-

шийся с края лодки конец веревки. Хотелось кашлять, но Ка знал — стоит ему позволить себе хоть один звук, это заставит разжать руки — и только боги знают, сможет ли он потом еще раз найти в себе силы доплыть до лодки. Из всех сил уцепившись за край, он попытался использовать плотность воды, чтобы хоть немного оттолкнуться, — и перевалился через край, больно стукнувшись головой о борт. Он лежал на чем-то омерзительно скользком — вероятно, это была топу — и кашлял, выплевывая противную воду и невольно выжимая из глаз слезы. Тело нестерпимо болело, особенно шея, но Ка думал не об этом, а о кароке, который сегодня невольно спас ему жизнь.

Он не помнил, как догреб до берега. Лодка мягко ткнулась в мокрый песок, и Ка упал на спину, выпустив весла из рук. Сил подняться уже не было.

Он очнулся от ощущения чьих-то прохладных рук на своей голове. В полумраке разглядел девичье лицо в обрамлении темных волос. Это была Зоэ, жившая через несколько домов от них вместе со своей многочисленной родней. Ка перехватил ее узкую натруженную ладонь, но девушка не испугалась, не вздрогнула, лишь более пристально взгляделась в его лицо.

— Ты ранен?

— Нет. Не знаю...

— Что случилось?

— Я повстречался с мией.

— И выжил — это главное. Ты измучен. Пойдем, я помогу тебе добраться до дома. Скоро ночь, если ты останешься здесь, то простудишься.

Она протянула ему руку и подставила свое плечо, чтобы он мог опереться. Зоэ была сильной и высокой для женщины. Такой, какой когда-то была мать Ка.

Зоэ оставила его на пороге и ушла в темноту. Дверь распахнулась так резко, что сноп света ослепительно ударил Ка по глазам.

— Слава богам! — воскликнула мать.

Пошатываясь, Ка вошел в дом и выронил на пол жирную чешуйчатую топу. За мгновение до того, как самому повалиться на лавку.

— Я пойду утром в море вместо тебя,— сказала мать, укрывая Ка одеялом.

— Не надо,— он едва мог разлепить свинцовые веки.— У меня есть... несколько камней. Хватит пока.

Мать ласково провела рукой по его волосам.

— Тебе нужно отдохнуть. Спи.

И он заснул.

А утром не нашел ни лодки, ни матери. Она не вернулась ни к обеду, ни к вечеру. Ни на следующий день. Ка просидел на берегу сутки, вглядываясь в зловеще-сизый туман.

— Ну зачем, зачем?! У меня были запасы... нам хватило бы на несколько дней...

Вечером следующего дня пришла Зоэ и увела его с берега. А утром Ка стал мастерить себе новую лодку.

Он уходил все дальше и дальше в море в поисках топу — рыба на зиму перебиралась ближе к Восточным камням, где проходило теплое течение. Ка похудел, черты лица его заострились и поглубели, руки стали сильнее, а взгляд более колючим. Иногда, возвращаясь домой, он находил там заботливо приготовленный кем-то обед. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто пытался ему помочь. Без матери дом Ка опустел. Стены казались выше и темнее, комнаты холоднее. Порой ему казалось, что в доме поселилось эхо, как в одной пещере, где Ка побывал еще мальчиком. Но в той пещере, по крайней мере, жили какие-то ползучие гады, в доме же теперь не было никого. Иногда он думал о кароке и сомневался, действительно ли видел зверя или же это был плод его больной фантазии. Но Ка был жив — и это свидетельствовало, что все увиденное им было правдой. Да, он был жив, однако сколько продлится его жизнь, пока море не заберет ее, как забрало жизни отца и матери? Не море — поправлял себя Ка — ларданцы. Виной всему были ларданцы.

Однажды он застал Зоэ у себя — она только что приготовила ужин и собиралась уходить. Ка вошел в дом, неся две тяжелых топу — сегодня ему повезло,— и застыл на пороге, увидев ее.

— Я уже уйду,— поспешила заверить она, но Ка положил рыбу и попросил:

— Подожди.

Они сели на лавку и долго молчали. Ка мог бы поблагодарить ее, но он знал, что Зоэ и так чувствует его благодарность. Она чувствовала все, что происходило с ним. Поэтому он просто сказал:

— В воскресенье мы можем обратиться с просьбой заключить союз.

Зоэ опустила голову и медленно покачала головой.

— Почему? — Он посмотрел на нее внимательно.

— Они никогда не позволят.

— Да почему же?! — Ка ощутил, как в душе его поднимается давно копившийся гнев.

— Я единственная, кто может добыть в семью камни.

Перед лицом Ка замелькали лица всех родственников Зоэ — две ее маленькие сестренки, немощная бабушка и давно уже не встававший с постели дед.

— Я могу ловить и для них...

— Нет, — Зоэ прижала ладонь к его губам, заставляя замолчать. — Ты помнишь закон — от одного дома один камень в день. Только я сдерживаю ларданцев от того, чтобы забрать моих родных... которые для них бесполезны.

Она поднялась и решительно направилась к двери, но Ка успел поймать ее руку. Зоэ посмотрела на него с печальной серьезностью.

— Пусти.

Он не мог не отпустить. И долго смотрел на захлопнувшуюся дверь своего пустого жилища.

Никто никогда не пытался проникнуть в город ларданцев, за исключением старого Ситха. К нему и отправился Ка.

Ситх жил на окраине вместе с сыном, невесткой и дюжиной внуков, так что мог не заботиться о своей благополучной старости. Ларданцы признали его право жить с семьей.

— Они живут далеко, я шел два дня, ночевал в поле под деревьями. А к рассвету третьего увидел их город — он обнесен высокой крепкой стеной, посреди которой ворота. Внутрь можно попасть лишь в тот момент, когда отряд выходит или входит в город. В воскресенье.

— Мы не знаем, может быть, ларданцы выползают из своих нор каждый день.

Ситх скрипуче засмеялся.

— Ты думаешь, они живут в норах? Что мы знаем о них, кроме того, что они живут в городе за стеной, собирают теонит и ездят на сорохах в своих блестящих доспехах?

— Вы хотели узнать.

— Я хотел узнать, — кивнул старик, подставляя морщинистое лицо влажному морскому ветру.

— Но вы не вошли в город. Почему? У вас не получилось? Они заметили?

— Нет. По правде сказать, это я испугался. И повернул назад.

Ситх помолчал, а потом спросил, повернувшись к Ка:

— Зачем тебе в город ларданцев, юноша?

— Я хочу знать.

— Что? Кто они? Как они живут?

— Я знаю, кто они, — жестокие, алчные существа, в которых нет ничего человеческого. Я хочу знать другое — почему никто никогда не осмеливался идти против них? Почему мы живем по их законам? Почему отдаем им стариков и калек? Они не боги, но их власть над нами поистине безгранична. Так не должно быть.

Ка встал и пошел прочь.

— Ты хочешь разворошить змеиное гнездо! — крикнул ему вслед старик, но Ка не оглянулся и не замедлил шага.

Он шел долго и неторопливо — чем бы ни закончилось его путешествие, Ка знал, что в деревню ему не вернуться. На второй день пошел дождь — но юноша и не подумал переждать его под деревьями, он все шел и шел вперед с какой-то мрачной решимостью, подгоняемой ненавистью, что годами зрела в нем.

Он увидел город издалека. Ситх был прав — стена действительно поражала воображение. Она возвышалась серой громадой до самых облаков, словно создателями ее были какие-то неведомые великаны прошлого. Рот Ка презрительно скривился — кого бояться ларданцам, кроме самих себя?

Он залег за деревом, ожидая, пока какой-нибудь отряд вернется из похода или, напротив, выйдет из города. И только тогда

понял, что никакого плана у него, по существу, и нет. Наивный, или он, правда, думал, что ларданцы так запросто впустят его в свой город?

Долго ждать не пришлось — вскоре на дороге показался отряд из восьми человек на сорохах. Еще было время развернуться и пуститься в обратный путь — но Ка знал, что для него обратного пути не существует. Предводитель отряда махнул рукой куда-то вверх — проследив взглядом, Ка увидел сторожевую башню на стене. Тут же послышался тяжелый скрип, и ворота начали отворяться. Недолго думая, Ка выскочил из своего укрытия и побежал к воротам. Прямо на ларданцев.

Сначала они ошепили. Но быстро пришли в себя, соскочили с сорохов и обнажили против него свои мечи. «Вот и все,— мелькнула мысль.— Это мой конец».

Ларданец во главе отряда дал знак рукой смотрителю на башне — ворота, только начавшие открываться, захлопнулись с каким-то жалостливым визгом. Остальные без труда окружили Ка и не думавшего бежать.

— Что ты делаешь здесь, безумный? — раздался громоподобный голос предводителя, когда тот обернулся к Ка. Юноша молчал. Смолк и ларданец.

— Отпустите его,— сказал, наконец, главный. Ларданцы послушно отошли в сторону, предоставляя Ка свободу. Он стоял и ждал, что последует за этим, стоял, дерзко подняв голову и вперив полный ненависти взгляд в скрытое под шлемом лицо главного.

Тот не спешил. Прошло немало времени, пока ларданец соскочил на землю со своего светло-серого сороха и подошел вплотную к нежданному гостю. А потом молча снял шлем — и Ка понял, что смотрит в лицо самому себе.

— Рок?! Этого не может быть...

Рок повернулся к остальным и крикнул:

— Он пойдет с нами. Идем,— сказал он уже тише.— Идем, брат. Ворота открылись вновь, и отряд вошел в город.

Ка ожидал увидеть что угодно, но не это. Не низкие дома, так напоминавшие его собственный дом, увитые плетущимися растениями с красивыми цветами. Они прошли по площади, в

центре которой искрился серебром фонтан. И люди — множество людей, не закованных в латы, а одетых в простую одежду — такую же, какую носил Ка. Но что-то было в этих людях не так, что-то цепляло его взгляд — и скоро он понял: все они были калекami. Он видел слепцов с палками, которыми они нащупывали себе путь. Видел хромых, косых и горбатых, одноруких и одноногих.

— Но как?! — хотел было Ка спросить у Рока, однако тот прижал палец к губам, призывая пока помолчать.

Они вдвоем вошли в просторный дом, где их встретила красивая девушка с ребенком на руках. Рок сделал ей знак — и она тотчас же вышла, согласно кивнув.

— Это моя жена, — объяснил Рок. — Она глухонемая. И мой сын. Слава богам, он не перенял ее недостатков.

Рок предложил Ка сесть у очага, но тот остался стоять, с нарастающим недоумением осматривая все вокруг.

— Зачем ты пришел, Ка?

— Я хотел... хотел...

— Чего?

— Не знаю. Узнать... о вас.

— Узнать, кто мы — те, кого вы так ненавидите? Ты узнал, Ка.

— Но как?.. Твоя рука... тебя должны были убить младенцем.

— Кто сказал тебе это, Ка? — В голосе Рока слышалось явное раздражение.

— Но ведь ларданцы всегда забирали с собой немощных и стариков, о которых никто уже не мог позаботиться.

— Но кто тебе сказал, что их убивали? Кто вам вбил это в голову? Ты молчишь, Ка, но ведь это были вы сами. Вы вообразили, что мы несем с собой смерть, но почему никто ни разу не подумал, что все может быть наоборот, — что мы спасаем жизнь?

— Чью жизнь?

— Жизнь всех, Ка. Жизнь всего. Жизнь этого мира.

Рок устало снял доспехи с груди и плеч, и Ка увидел, что одна рука у него по-прежнему ущербна. Без доспехов и обуви он оказался гораздо ниже ростом, без шлема голос его звучал иначе.

— Вы считаете нас безжалостными монстрами, но мы всего лишь несчастные калеки, которые не в состоянии делать то, что

можете делать вы. Подойди сюда, взгляни,— Рок указал на какую-то разрисованную бумагу, лежащую на столе.

— Что это?

— Это карта. Карта нашего мира. Вот здесь,— он указал на значок,— находимся мы. Вот это — Тай-Сет. А это другие деревни.

— Так много...

— Да, Ка. Вы не одиноки. Наш мир представляет собой материк, окруженный со всех сторон океаном. По всему побережью протянулись деревни, жители которых ловят топу.

— Все они? Из-за теонита? Но зачем вам столько теонита?

— Теонит нужен не только нам, но и вам,— возразил Рок.

— Зачем? У меня дома нет ни одного изделия из этого камня.

Проклятие, я даже не знаю, что из него можно сделать.

Рок посмотрел на брата с печальной усталостью.

— Да вы и не предполагаете, зачем нужен этот камень.

— А что это? — указал Ка на треугольный значок посередине материка.

— Это гора Лог-Лог. Наша мать, наше единственное спасение. Послушай, Ка, когда-то мир был совсем иным. Было много городов и деревень, где люди не знали о теоните, они жили в свое удовольствие, ловили рыбу, чтобы обеспечить пропитание себе и своим детям. Они были гораздо развитее нас, и однажды некий ученый изобрел оружие — страшное оружие. Развязалась война. Ты знаешь, что такое война, Ка? Это страшная вещь. Они использовали новое оружие — и погубили все. Уничтожили атмосферу нашего маленького мира. Они отравили воздух, понимаешь? Люди стали задыхаться, болеть и умирать. Но был человек по имени Горд, который смог спасти остатки нашего мира — на вершине горы Лог-Лог он построил машину, которая смогла частично восстановить атмосферу, чтобы мы могли жить дальше. Но, чтобы она работала, нужен теонит. Не десятки и даже не сотни камней в день — а больше, гораздо больше. Поэтому каждый день мы собираем отряд и отправляемся в путь по деревням, чтобы забрать камни, которые вы собираете. Не для нас, Ка, вы собираете их для себя. Если машина не получит пищу, атмосфера умрет — а вместе с ней и все мы.

Рок посмотрел на Ка и продолжил:

— Ты думаешь сейчас, почему мы сами не можем добывать теонит. Посмотри на нас, Ка. Мы — сборище калек. Нам не под силу охотиться на топу — а это единственный способ добыть камень. Мы пытались произвести его в наших лабораториях — но это пока невозможно. Вы — прирожденные ловцы. Но кто-то должен делать все остальное. Обеспечивать вас пищей и одеждой, посудой и инструментами, кто-то должен изучать болезни, чтобы суметь победить их, кто-то должен следить за машиной. Мы собираем здесь всех, кто не может похвалиться силой и выносливостью, и обучаем выполнять другую работу. Взгляни, — Рок подвел Ка к окну, из которого открывался вид на площадь. — Старики тоже здесь. Ты узнаешь кого-нибудь? Они занимаются посильными делами и живут в спокойствии и достатке. А вон тот мальчик у кузницы — это Вохор. Его воспитывает жена кузнеца, чтобы потом он открыл в себе какое-нибудь умение и смог быть полезен людям. Эти люди... У них есть все.

— Кроме семьи.

— Мы — их семья! — закричал Рок. — Мы все — одна семья.

— Ты никогда не хотел вернуться, Рок? Вернуться домой?

— Я был бы вам обузой.

— Ты был сыном и братом!

— Калекой, неспособным ходить в море.

На это Ка ничего не возразил. Они молча смотрели — Рок в окно, Ка на брата.

— Ты хотел знать, Ка. Ты узнал. Всё не такое, каким кажется на первый взгляд.

— Я узнал не всё. Почему вы прячетесь под доспехами? Зачем скрываете правду? Неужели мы жили бы хуже, узнав правду?

Рок посмотрел на него удивленно.

— Неужели ты еще не понял?

— Вы хотите, чтобы вас боялись, — зачем?

Рок горько засмеялся.

— Потому что только страх и неведение может удержать людей. Представь, что было бы, узнай вы правду. Сколько людей продолжали бы ловить топу из чувства сознательности?

— Даже зная, что в теоните заключена жизнь?

— Даже зная это, — подтвердил Рок.

Ка задумался. Он думал долго, так долго, что Рок, не выдержав, спросил:

— Что ты будешь делать дальше?

— Вы не можете отпустить меня отсюда, потому что я расскажу всем правду.

Рок покачал головой.

— Мы не убийцы, Ка. И не тюремщики.

— Наши отец и мать умерли.

Тень пробежала по лицу Рока, но он возразил:

— Их забрало море.

— А все эти люди, — Ка махнул рукой на окно, — вынуждены жить здесь, вдали от своих родных, без надежды вновь увидеться со своей семьей.

— Здесь они чувствуют себя нужными.

— А как же твой сын, Рок? Ты сказал, что у него нет недостатков. Ты отдашь его в деревню, чтобы он ловил топу с остальными? Или рожденные в вашем городе не считаются обычными людьми? Ты молчишь...

В комнату тихо вошла жена Рока и поворошила огонь в очаге. Глядя на нее, Ка вспомнил о Зоэ.

— Должен был быть иной путь, — прошептал он.

— Ты волен уйти, когда пожелаешь, — твердо сказал Рок. — И я могу лишь просить тебя молчать об увиденном. Но ты мой брат, и я говорю тебе — останься с нами. Мы найдем тебе занятие по душе. Ты не вернешься в вашу убогую деревеньку, тебе не придется каждый день выходить в море и рисковать жизнью, чтобы поймать топу. Оставайся, Ка.

Ка посмотрел на Рока и ответил:

— Я не калека.

Ка возвращался домой. Он шел быстро, перепрыгивая через овражки, торопясь добраться до деревни к ночи. Ка мысленно сосчитал оставшиеся в запасе камни — их было четыре. И четыре дня он потерял. Это значило, что завтра на рассвете он возьмет свою лодку и выйдет в море, чтобы подвергнуться тысяче разных опасностей ради осторожной топу — хранильницы их мира.

ХУДОЖНИК

— Лена, иди сюда!

— Что там ещё? У меня котлеты пригорают!

— Иди быстрее, говорю!

— Ну? — Ленка подошла и встала в классическую позу «руки в боки, голова наклонена вперёд». В руке угрожающе зажата вилка.

— Смотри, кого по телику показывают,— я сделал звук громче.

— Известный специалист в области современного искусства...— бубнил телевизор, показывая молодого парня, улыбающегося в телекамеру.

— Серёга? — Вилка звонко шлёпнулась на пол.— Не может быть?!

— ...впервые в России выставка...— продолжал говорить ящик.

* * *

Мой закадычный друг Серёга, талантливый инженер, балагур и весельчак, абсолютно не разбирался в вопросах искусства и музыки. На одной из студенческих вечеринок он запал, вернее, мы запали на девчонку, как выяснилось позже, с художественного. Встречаться мы стали вместе, но уже первые встречи показали, что Лена — «вся в кино, вся в искусстве», вдобавок она перепутала с кем-то Серёгу, назвав его Шуриком. Но Серёга еще некоторое время таскался за нами по театрам и музеям.

А через год мы с Леной справили свадьбу. Серёга нас поздравил, конечно, но, как всегда, добавил, глядя на подаренную нам картину, от которой Ленка была в щенячьем восторге, что «так рисовать каждый дурак может». Чем сильно разозлил Ленку, ещё раз доказав своё невежество в искусстве. Произошла ссора. Ленка назвала его «неотёсанным чурбаном» и сказала, что заберёт свои слова обратно, только когда он нарисует ей такую же картину.

Водоворот семейных будней закружил меня, пару раз наши с Серёгой дороги пересекались, но виделись мы редко, всё больше и больше отдаляясь друг от друга.

В итоге он получил контракт в IBM и уехал в Америку. Судя по фотографиям, дела у него шли неплохо.

* * *

Ленка уселась на диван напротив телевизора, неделikatно сдвинув меня в сторону.

Я слышал, конечно, о маэстро Серджио из Америки, но, чтобы подумать на нашего Серёгу, у меня и в мыслях не было.

— Уважаемый маэстро,— телеведущая стреляла глазками и кокетничала между делом,— что вы привезли для показа в нашу страну?

— Коллекция моих картин невелика. Всего семь.

— Это правда, что вы будете показывать лишь по одной картине в день?

— Да. Это было одним из моих условий проведения выставки в России. Впрочем, и в остальных странах.

— Позвольте узнать. А почему?

— Давайте будем считать это одной из моих прихотей.

— Вы родом из России, не так ли? Остались ли у вас друзья, родственники здесь?

— Да, и я собираюсь с ними повидаться,— он усмехнулся в камеру.— А сейчас извините, мне нужно идти.

Камера показала черный лимузин, в который усаживался Серджио, раздавая направо и налево ослепительные улыбки поклонникам. Программа переключилась на новости политики.

— Маэстро Сержио! Во как,— протянул я.— А у тебя котлеты сгорели.

Из кухни в комнату ползло облако сизого дыма.

— Да, Серёга — художник,— согласилась задумчиво Лена.— Котлеты сгорели,— с тем же задумчивым выражением на лице повторила она.

— Котлеты! Блин! Пожар, ёлки-палки.

Лена вскочила, замахала руками и умчалась на кухню.

Пожар был ликвидирован. Угольки котлет сиротливо плавали в раковине. С ужином сегодня не повезло... Мои мысли преврала трель дверного звонка.

— Кого еще нелёгкая принесла? — проворчал я.— Лена, открой!

Дверь распахнулась. На пороге стоял Серёга. Три девушки позади него держали огромные охапки цветов.

— Не прогоните неотёсанного чурбана!

— Серёга!

Я протиснулся мимо ошавевшей Ленки, и мы обнялись.

— Что ж мы на пороге? Проходи!

Он кивнул девушкам.

— Цветы хозяйке! Это для тебя, Лена.

Он как-то слишком нежно обнял её и поцеловал.

Целый вечер мы просидели на кухне, вспоминая былые дни и пополняя батарею пустых бутылок под столом.

— Вы завтра придёте на выставку? Ах,— он стукнул себя ладонью по лбу,— вот же приглашения.

— Я не могу завтра. Серёга, извини. А вот Лена пусть сходит. Лена кивнула.

— С удовольствием!

— Тогда завтра машина заедет за вами. Ты, если освободишься, обязательно приходи.

* * *

Лена вернулась с выставки взбудораженная. Не раздеваясь, начала говорить с порога:

— Ты не представляешь, какой он знаменитый и талантливый! Его картина единственная. Стоит всей выставки. Настоя-

щий шедевр, какие краски, какие детали... Просто невероятно! Я даже не могу сказать, какому стилю его работа принадлежит, всего понемногу. Не могу описать словами, что на ней изображено, а вот детали помню.

Лена поморщила лоб.

— Фотографии бы принесла.

— Что ты, что ты! — Лена замахала руками. — Телефоны, камеры забирают прямо на входе. Никакого телевидения внутри, никаких камер. А, вот, вспомнила. Представь: трава на рассвете, каждая прожилочка видна, капли прозрачной росы на стебельках... смотришь, а трава, словно живая, колыхнется, а если это солнечный луч, то ты прямо чувствуешь тепло от него. Ничего подобного никогда не ощущала. — Лена покраснелась, её глаза возбуждённо блеснули. Я помнил её такой в моменты наших первых встреч. — Представляешь: огромный центральный зал — битком набит, все стояли часами и смотрели не отрываясь!

На следующий день газеты пестрели фотографиями Серёги. «Новый Микеланджело». «Леонардо да Винчи во плоти». «Сикстинская мадонна плачет рядом с картинами маэстро Серджио».

Моё самолюбие было ущемлено. Ленка только и говорила о Серёге, закатывая от восторга глаза.

Я решил самостоятельно пойти на выставку. Очередь вилась змейкой за три квартала.

Вернулся я подавленный и ошарашенный. Картина действительно была потрясающей. То ли новые технологии красок, то ли действительно Серёгин талант, но такой картины я в жизни не видел. Картина проникала в душу, вызвала давно забытые чувства. Хотелось плакать и смеяться одновременно.

Я был полностью сбит с толку.

Скандал разгорелся на второй день. Серёга выставил произведение, написанное по религиозным мотивам. Восторги в зале раздавались лишь до тех пор, пока один из присутствующих не стал истово молиться и осенять себя крестным знамением. Стоя на коленях перед картиной, он восхвалял облик Иисуса и ангелов. В зале выставки поднялся шум, чуть ли не перешедший в

драку. Буддисты описывали картину как путь к нирване, представители других конфессий яростно оспаривали эти заявления. Зал пришлось очистить и выставку закрыть. Споры продолжались на улице перед входом. Журналистам так и не удалось добиться однозначного мнения, что же было изображено на картине. Посетители путано описывали совершенно противоположные виды. Но все сходились в одном: картина производила незабываемые яркие впечатления.

Не прошло и дня после скандала, как Сержио в коротком интервью заявил, что впервые будет продемонстрирована его новая картина, выполненная в стиле Страха, как он ее описал. Людям впечатлительным, со слабым здоровьем категорически не рекомендуется посещать выставку. Однако его заявление, наоборот, подогрело интерес публики, и люди стали занимать места с вечера. Утром толпа достигла невероятных размеров. Однако выставку пришлось прекратить через полчаса после открытия. Счастливики из первой партии, простоявшие ночь на улице, покидали выставку с криками, выпучив глаза. Не обошлось и без жертв — два сердечных приступа и эпилептический припадок.

Было возбуждено расследование. Свидетели отходили от шока и описывали свои впечатления от картины как внезапный приступ паники. Один из посетителей увидел на полотне изображение горгоны Медузы и оцепенел от страха. «Она была живая», — в ужасе повторял он.

Когда выставка подходила к концу, Серёга снова пришёл к нам домой. Звал в ресторан, но мы отказались. Город был покорён маэстро Сержио: где бы он ни появлялся, толпа поклонников была обеспечена.

Лена накрыла прекрасный стол. Когда вторая бутылка подходила к концу, я не выдержал:

— Ладно Лена, она сейчас без ума от тебя. Но меня-то ты не проведёшь. Я ведь всё равно не поверю, что ты научился рисовать. Объясни мне, КАК?

Он вздохнул:

— Я ждал этого вопроса. Второй курс института помнишь? Вы вдвоём весело чирикаете после музея, не замечая моего

присутствия в кафе. Лена восторженно рассказывает о том, как прекрасное искусство меняет жизнь человека к лучшему. Как люди становятся более духовными и нравственными. Что скоро наступит время всеобщего блага... в общем, несёт идеалистическую чушь. Я ещё тогда пытался вам объяснить природу человека. Химия и физика вперемешку с электричеством — вот и вся сущность человека. Человек — это мешок с набором химических реакций — стоит только подобрать код, и человек становится счастливым или, наоборот, запуганным до смерти. Но вы разве слушали меня? Вы ворковали о своём. И свадьба, конечно, — рассердила тогда меня Ленка.

Начал с визуального восприятия человека. Что мне нужно было получить?

В конечном итоге электрический слепок видимого нам объекта. Долгое время я анализировал реакцию мозга на те или иные произведения искусств. Повторив электрический слепок, я достиг обратного результата. Мозг воспринимал картину без участия глаз, более того, чаще всего зрительный образ был ярче и глубже оригинала. Сам по себе набор электрических сигналов не может быть хорошим или плохим, красивым или ужасным. Каждый человек формирует свои собственные вкусы. На вкус и цвет, как говорится... Желаете счастья? Набор фотонов генерирует не только образ, но и посылает код, запускающий выработку эндорфинов, вызывающий положительные эмоции, чувство удовлетворения и к тому же привыкание. В моем случае получаем толпы фанатов и поклонников.

Подготовив коктейль из религиозных сюжетов, образов, картин, удалось создать универсальный образ Бога.

Вообще-то я страшный человек. В моих руках оружие, которым я могу обратить в бегство целые армии или, наоборот, заставить обожать себя целые народы. Выставка лишь жалкая демонстрация способностей «генератора счастья».

— И что же ты будешь делать со своим всемогуществом?

Мне почему-то стало страшно: от Серёги, которого я знал, не осталось следа. Передо мной сидел владыка мира, диктатор человечества.

— Сначала я заберу себе Лену.— Кровь прилила к моей голове, лицо покраснело.— Дальше контракт с командованием воздушно-космической обороны Северной Америки, генераторы на спутниках... и демократия во всем мире,— продолжал невозмутимо Серёга.

Я забыл о Лене, и рот непроизвольно открылся.

— Шучу, дурак,— улыбнулся Сергей.— Хотел бы, давно забрал Лену. Вообще-то она и сподвигла меня на создание этого прибора, но не переживай, все в прошлом.

— А демократия? — выдавил я из себя.— Как же демократия во всём мире?

— Не переживай, ни демократии, ни коммунизма на всей планете я не планирую. Впрочем, будущее будет зависеть от вас,— загадочно добавил он.— Да, ты же ещё не знаешь,— Серёга протянул мне брошюру: — Мой первый сольный концерт на скрипке.

— Но ты же играть не умеешь совсем? У тебя-то и слуха нет. Я помню твои студенческие выступления.

— Так я и рисовать не умею. Приходи на концерт, уверен, тебе понравится. Всем нравится,— добавил он.

В тот же день, когда он улетел, нам доставили посылку и конверт. Нашумевшая картина маэстро Сержио. В конверте были билеты на сольный концерт Сергея в Вене и записка «Лене от чурбана Сергея».

Чёрный прямоугольник картины, покрытый тончайшей пленкой, до сих пор висит на стене. Правда, батарейку я вытащил на всякий случай. Слишком уж она нравится всем.

ЭДИСОН И КОМПАНИЯ

Все началось с того, что Эдисон Растяпа сломал высокоточное полиамидцеталевое сверло. Растяпа не первый раз ломал сверла, и это было уже вторым за месяц, хуже того, он посмел оправдываться перед управляющим. Управляющий разорался на весь цех, и тогда появились охранники. Они быстро повалили Растяпу на пол и принялись топтать ногами, а потом потащили бедолагу на улицу. Управляющий, срывая голос, верещал, что это вам, дескать, не цирк, но его не слушали. Все сорок шесть цеховых рабочих кинулись к большим зарешеченным окнам. Они видели, как на грязном внутреннем дворике охранники поставили перепачканного кровью Растяпу на колени, потом здоровенный и злой вертухай по прозвищу Усатый достал из кобуры поблескивающий никелем ствол, передернул затвор и с ухмылкой выстрелил Растяпе в затылок. На секунду все потеряли дар речи. Потом Эдисон Истерик страшно закричал, схватил табурет из гнутых металлических трубок и шарахнул им в окно, угадав ножками точнехонько между прутьями решетки. Со звоном посыпалось стекло, и тут уже закричали все.

Не то чтобы в цеху Растяпу слишком любили, но одно дело, когда кого-то отмудохают ногами, выбьют зуб или даже глаз, и совсем другое дело, когда человеку стреляют из пистолета в затылок прямо у вас на виду. Поднялся страшный тарарам. Двое оставшихся в помещении охранников кинулись прямо в кричащую толпу, матерясь и размахивая своими электродубинками, очень скоро к ним присоединились четверо парней во главе

с Усатым. Не прошло и пяти минут, как крикунов втолкали в спальный отсек и заперли на все засовы.

— Имейте в виду,— визжал управляющий через обитые железом двери,— следующую рабочую смену я увеличиваю на два часа! На сегодня все остаетесь без ужина, а зачинщики без завтрашнего обеда. Вот так, ублюдки!

— Ори-ори,— зло пробормотал Эдисон Вонючка.— Как бы тебе самому без чего не остаться.

Он протолкался к своей шконке, украдкой сунул что-то под матрац и присел на краешек постели, прижимая не слишком чистую ладонь к разбитой брови.

— Иди к умывальнику, умойся,— посоветовал товарищу Эдисон Забияка.— Так и до заражения недалеко.

— Иди оно лесом,— Вонючка скривил рот.— Двум смертям не бывать. Седой, а Седой, как ты думаешь относительно сложившейся ситуации? Завтра меня застрелят, послезавтра тебя.

— Что же, на вертухаев совсем управы нет? — встрял Эдисон Проныра.

— Я так полагаю, это они не сами решили Растяпу кончать,— серьезно сказал Эдисон Седой, подсаживаясь на шконку к Вонючке.— Думаю, без приказа они бы не рискнули хозяйское добро портить.

— А кто приказал? Управляющий, сука?

Седой промолчал.

— Нужно хозяину жаловаться,— сказал Проныра.— Выбрать делегацию и завтра заявить свой протест. Дескать, так и так...

— Заяви! А тебя пристрелят, как Растяпу. Я думаю, вот что,— Вонючка осторожно пошевелил бровь пальцем,— хозяин заранее дал приказ, ну чтобы вертухаи кого-нибудь кончили.

— Зачем? — От удивления у Проныры даже рот приоткрылся.

— Для укрепления пошатнувшейся трудовой дисциплины... а может, еще для чего.

— Похоже на то,— задумчиво сказал Эдисон Седой.— Похоже на то. Управляющий трусоват, он бы не посмел, и вертухаи бы не посмели.

— И что ж теперь делать? — Проныра стукнул себя кулаком по коленке.

— Молиться, чтобы сверла не ломались,— жестко сказал Вонючка, и в это время отключили верхнее освещение.

Народ, охая и тихо ругаясь, потащился по своим шконкам, урчать голодными желудками, а Вонючка так поднялся и в слабом свете напольных светильников пошел к раковине. Он промыл разбитую бровь, справил малую нужду в один из трех грязноватых унитазов и вернулся к своему спальному месту. Лицо его было мрачно и задумчиво. Скрипнул пластиковый настил кровати.

— Сердцем чую,— пробормотал Вонючка сквозь зубы,— как это самым пагубным образом скажется на моем здоровье.

— Что? — спросил с верхней койки Забияка.

— Ничего,— тихо сказал Вонючка.

Он лег, прижался щекой к тощей подушке и, осторожно запустив руку под матрац, нащупал украденный предмет.

На следующий день Истерика, Вонючку и Забияку оставили без обеда. Наказывать, по идее, нужно было Проныру, но Забияка из-за одной своей репутации всегда оказывался в зачинщиках, а Вонючкину вину красноречиво доказывала разбитая дубинкой бровь. Истерик бродил по цеху, тихо раскаиваясь за свою вчерашнюю вспышку, а Вонючка и Забияка сидели на ящике с заготовками и смотрели на замытые темные пятна возле бывшего станка Растяпы.

— Жрут,— со вздохом сказал Забияка, поглядывая в сторону столовой.— И Проныра жрет, хоть бы корку в кармане принес, гад. За него ведь отдуваемся.

— Не бухти,— Вонючка придвинулся, заговорил шепотом: — Я одну штуку стащил вчера. Она получше любой корки будет.

— Ого! — Глаза Забияки блеснули.

— Или эта штука обеспечит нас нормальной жратвой в достаточных количествах,— пообещал Вонючка,— или окончательно испортит нам желудки.

— Да хер с ним, с желудком! — сказал Забияка.— На кой он вообще нужен?

— Хочешь быть в доле?

— Еще бы! — Забияка ощерился.

— Хорошо. Тогда завтра с утра сделаешь кое-что на своем станке? Что, я тебе вечером объясню.

— Не вопрос.

— Вот и славно, — Вонючка хлопнул товарища по плечу. — Хочу еще Седого с Пронырой в долю взять.

— Нафиг? — пробормотал Забияка. — Станный ты сегодня какой-то. Хотя мне-то чего?.. Тебе решать... А на всех хватит?

— А это уж зависит от того, как ты завтра поработаешь, — загадочно проговорил Вонючка.

Эдисон Забияка удивленно покачал головой.

Нет, что ни говори, а Вонючка действительно сегодня весь день был каким-то странным. Уже после окончания смены, когда охранники строили рабочих перед дверями стволовой, Усатый, который чувствовал себя после расстрела Растяпы немного не в своей тарелке, благодушно толкнув Вонючку в плечо, спросил, отчего тот стоит в самом хвосте очереди: неужто не проголодался?

— Просто я не такой пройдоха, как вы, господин охранник, — ответил Вонючка, глядя на носки своих ботинок.

Усатый, побагровев, вцепился в воротник Вонючкиной куртки, вытянул того из строя и, процедив сквозь зубы несколько угроз, потащил через весь цех к спальному отсеку. Там он поставил Вонючку к стенке, сноровисто обшарил ладонями его одежду и пинком впахнул в камеру, бормоча про невоспитанных подонков, которые вообще недостойны получать жратву.

Подождав, пока обозленный охранник задвинет засов, Вонючка усмехнулся и неторопливо пошел между рядами шкафов. Отыскав место, которое, по всеобщему мнению, плохо просматривалось камерами, он присел на корточки и, подпернув штанину, смотал с лодыжки длинный кусок изоляционной ленты. Вот теперь под рукой имелись все ингредиенты запланированного блюда.

— Что ж, — пробормотал Вонючка, — сегодняшний ужин пропал, подумаем о меню на завтра.

Над дверью спального отсека установлена красная лампочка. Если кому-нибудь в камере, не дай господь, вдруг прямо посре-

ди ночи до зарезу потребуется охранник, он начинает нажимать кнопку слева от двери, лампочка светится короткими вспышками, и к окошку подходит кто-нибудь из дежурных вертухаев. Не сразу, конечно, но в конце концов подходит. Вообще-то к лампочке прилагается звуковой сигнал, но охранники предпочитают его отключать.

Эдисон Седой раз за разом давил пальцем прорезиненную кнопку, в полнейшем нетерпении косясь на зарешеченное окошечко. Вонючка тихо стонал, сидя на корточках перед дверью и раскачиваясь влево и вправо. Руки его были плотно притиснуты к животу, лицо выражало крайнюю степень мучительных страданий. Три десятка зрителей смотрели со балконов, на их лицах застыла смесь страха и любопытства.

Наконец исцарапанная мутная заслонка сдвинулась в сторону, и в окошке появилась сердитая физиономия Усатого.

— Что там еще у вас? — тихо и угрожающе спросил охранник, его усы приподнялись, обнажая желтые прокуренные зубы.

— Вот, господин охранник,— зачастил Седой.— Помирает. Плохо ему. Жуткие рези в животе. Он два дня не ел, а сегодня поужинал, и к ночи скрутило. Может, у него заворот кишок. Ему бы доктора надо...

— Какой тебе хер, доктора? Два часа ночи,— проговорил Усатый, он изо всех сил старался рассмотреть Вонючку в окошечко.

— Так помрет ведь,— жалобно протянул Седой.— У вас же аптечка штатная на поясе, дайте ему хоть таблетку какую.

— Таблетку... — Усатый поскреб подбородок.— Ладно, щас поглядим.

Глухо лязгнул засов. Дверь поползла в сторону. Охранник огромной плечистой тенью шагнул в полутемное помещение. Он скорее удивился, чем испугался, когда в его левую руку стремительно вцепился Забияка, который прятался у стенки, а на правой руке, сжимавшей дубинку, повис Седой. Усатый нелепо дернул головой, намереваясь то ли кричать, то ли драться, но сидевший на полу Вонючка вдруг прыгнул вперед и, выпростав из-под рубашки руку с длинным и острым обрезком металлической пластины, два раза ударил охранника в горло, чуть выше яремной ямки. Эдисон Усатый удивленно булькнул и захлеб-

нулся кровавым пузырем. Черная густая жижа плеснула из его шеи, пачкая воротник и грудь мундира. Тело охранника забилося, но Седой и Забияка крепко прижимали здоровяка к стене, а Вонючка продолжал колоть лаково блестящей заточкой. Когда Усатый наконец обмяк, Эдисон Истерик тихонько заскулил от страха, и его соседям пришлось зажать слабонервному рот. Проныра, соскочивший с койки, помог Забияке и Седому оттащить мертвое тело от входа.

Вонючка, присев над убитым охранником, достал из его кобуры большой никелированный пистолет, Забияка забрал себе дубинку, а Проныра подобрал с пола обрезок пластины, обмотанный с широкого конца изолентой. Вонючка обернулся к застывшим на койках рабочим.

— Драка началась,— сказал он просто.— Кто с нами, айда в караулку.

— Это побег? — робко спросил кто-то с верхнего яруса кроватей.

— Нет, это переворот,— жестко сказал Вонючка.— Мы не будем бегать, будем драться.

— Чем? — сказал Эдисон Одноглазый.— У охраны-то пистолеты.

— Найдется чем,— Вонючка хищно улыбнулся.— Забияка вчера наделал пик. Переколем их сонными.

— Ну! Кто с нами? — шепотом крикнул Седой.

Несколько секунд в комнате стояла тишина, потом со шконок разом посыпались люди. Идти отказались Эдисон Заика, Эдисон Душка, а с ними еще восемь человек. Для пушей надежности их заперли в спальном отсеке, и три дюжины мужчин осторожной рысцой побежали через цех. Возле станка Эдисона Забияки они достали из-под пустых ящиков полуметровые куски толстой арматуры, срезанной под большим углом, достаточно острые и увесистые, затем в гробовом молчании двинулись в сторону караульного помещения. Камеры внутреннего наблюдения с мертвенным равнодушием поворачивались из стороны в сторону, немые и уже бессильные изменить в предстоящих событиях хоть что-либо.

Охрана первой расплавляется за все несовершенства мира, за недомыслие, за излишнюю самоуверенность, за жадность работодателя, за собственную лень, расплавляется жестоко,

зачастую сторицей. По уставному распорядку Эдисона Усатого должен был страховать второй номер, но если в бригаде вас всего восемь и спать любят все, то просто глупо караулить пустой цех вдвоем. Не так ли?.. Удобнейшая штука — автоматическая охранная система, сама наблюдает, сама отслеживает и сама поднимает тревогу, но, увы, налоги на использование роботизированной техники слишком высоки, а босс не намерен терять свои кровные. Ну и пусть. Ведь охраннику-оператору совсем необязательно ночь напролет сидеть, уставившись в мониторы, если на них нет ничего интересного, зато в соседней комнате есть своя личная койка. Одно, другое, третье «если»... и вот хорошо смазанная дверь караулки неслышно отъезжает в сторону...

Шестерых спящих вертухаев перебили в считанные секунды. Никто и пискнуть не успел. Шесть электрических дубинок и шесть автоматических пистолетов «шот-секьюрити» перешло в безраздельное пользование повстанцев.

— Куда теперь? — шепотом спросил Забияка, поглаживая холодный металл ствольной коробки.

— Туда,— Вонючка указал в сторону кладовых.— Там лестница на второй этаж... Ты, с предохранителя его сними, темнота. Вот эта пимпочка... и затвор оттяни... Вот так! Все видели?

Стараясь не топтать, они прошли по длинному коридору между кладовыми, мимо закрытых дверей, свернули направо и вышли в небольшой, освещенный ночными светильниками холл. Последний из цеховых охранников, Эдисон Птица, посапывал на неудобном офисном стульчике, привалившись спиной к решетке. Рот его был слегка приоткрыт, руки глубоко засунуты в карманы брюк, ноги вытянуты вперед. Он проснулся, когда Эдисон Проныра и Эдисон Вонючка подошли к нему с двух сторон. Ничего не соображая спросонья, Птица вскочил на ноги и замер, в изумлении уставившись на Проныру. Проныра и Птица были одного года клонирования, совершенно одной комплекции, одного роста. В полумраке темного холла они выглядели как отражения в зеркале. Взгляд Эдисона Птицы, наливаясь ужасом, метнулся на Вонючку, и охранник схватился пальцами за кобур. Эдисон Проныра, коротко размахнувшись, ударил свое отражение рукояткой пистолета. Зубы Эдисона Птицы лязгнули,

и он начал заваливаться на решетку. Вонючка подхватил его за плечи.

Уложив Птицу на пол, они обшарили его карманы, забрали пистолет и связку ключей. Вонючка еще раз для надежности дал ему по кумполу, и все побежали вверх по лестнице.

Второй этаж, где располагались офисные помещения вольнонаемных работников, никто не охранял, там было темно и тихо, но, когда молчаливая колонна под предводительством Вонючки и Забияки двинулась по лестнице к третьему этажу, с промежуточной площадки вдруг вывернулся незнакомый клон в форме офицера верхней охраны. Разогнавшись, он на полном ходу пробежал несколько ступеней и почти налетел на мрачную толпу. Видать, не зря хозяин держал парня в личной охране — моментально сориентировавшись, клон развернулся на сто восемьдесят градусов и кинулся вверх по лестнице. Вонючка и Забияка почти одновременно выстрелили ему в спину, и незнакомый Эдисон упал на промежуточной площадке. Осторожничать дальше не имело смысла.

— Вперед! — заорал Вонючка, и три десятка мужиков, прыгая через мраморные ступеньки, рванули на третий этаж.

В просторном холле личных апартаментов босса бледный до синевы охранник бросил пистолет под ноги и опустился на колени.

— Где?! — заорал ему в лицо Вонючка. — Где эта главная сука?!

Охранник протянул за спину дрожащую руку. Его дважды ударили обрезком арматуры и побежали дальше, к высоченной двустворчатой двери с полупрозрачными мелкими стеклами. В огромной, богато обставленной зале произошла заминка, но двое охранников, засевших за перевернутым диваном, навряд ли могли эффективно противостоять десяти табельным «шот-секьюрити». Очень скоро пуля из пистолета Проныры попала одному из них в грудь. Второй выбросил пистолет из-за дивана и поднял руки. В расстегнутой форменной куртке и пижамных штанах он сидел на полу, а рядом, зажав ладонями грудь, лежал похожий на него, как две капли, брат-близнец в пропитанной кровью майке.

— Как его зовут?! — спросил Вонючка, останавливаясь возле раненого.

— Эдисон... — всхлипнул сидящий на полу охранник, — Эдисон Красавчик.

— Позаботься о нем, — строго сказал Вонючка. — Хозяин там? — Он ткнул стволом пистолета в сторону золоченой двери.

Парень, опять всхлипнув, кивнул.

— Пошли! — Вонючка махнул пистолетом.

После очередного неистового пинка Забияки правая створка двери с выбитыми стеклами треснула и повисла на одной петле. Вонючка вошел в кабинет первым.

Золото и пурпур, кресла на тонких изогнутых ножках, огромные зеркала вместо окон... В самой середине кабинета за огромным директорским столом сидел Эдди Б. Эдисон. Его обрюзгшие щеки выражали высшую степень презрения. Позади его кресла стояли взлохмаченный управляющий и молодой секретарь, нервно мявший пальцами края пижамы. Чуть в стороне от стола, в тонконогом кресле сидел раскормленный мальчик лет семи с испуганным лицом. В пухлых испачканных пальцах мальчик сжимал длинный рожок с оплывшим коричневым шариком шоколадного мороженого.

Вонючка стремительно прошел через кабинет и остановился перед столом носителя исходной генетической информации. Забияка, Седой, Проныра и все остальные широким полукругом рассыпались за спиной своего вожака. Эдди Б. Эдисон смерил Вонючку тяжелым равнодушным взглядом и несколько раз раскатиисто хлопнул в ладоши.

— Что ж, — проговорил он глуховатым, но в то же время звучным голосом, — я впечатлен, дети мои. — Пожилой джентльмен еще раз хлопнул в ладоши и улыбнулся Вонючке кривой презрительной улыбкой. — Думаю, должность старшего менеджера ты сегодня заслужил по праву. — Управляющий издал сдавленный горловой звук. Тяжелый взгляд выцветших глаз остановился на Забияке. — А ты — должность начальника цеховой охраны. Можешь набирать штат. Вакансии, я так понимаю, есть, — Б. Эдисон высокомерно качнул складчатым подбородком и, чуть подождав, добавил: — Надеюсь, на этом наши разногласия исчерпаны?

— Я привел их сюда не за этим, — не поднимая глаз, сказал Эдисон Вонючка.

— А за чем же? — Брови босса изумленно приподнялись.

— За свободой,— сказал Вонючка.

Откинувшись в кресле, Эдди Б. Эдисон расхохотался:

— За свободой? Да половина из них даже не знает такого слова.

Вонючка с ненавистью взглянул на обвислые щеки такого знакомого и даже родного лица:

— По смерти носителя исходной генетической информации каждая клонокопия в течение трех месяцев получает полные права личности и гражданство,— сказал он раздельно.— Ты сдохнешь, и мы перестанем быть твоей собственностью!

— Вот как? — Эдди Б. Эдисон иронически покрутил седой головой.— А я собирался оставить мою собственность наследникам.

— Твои наследники, произошедшие на свет естественным путем, имеют права на твой завод и твои деньги, но каждая твоя клонокопия после твоей смерти по закону получит права личности и гражданство,— бесстрастно отчеканил Вонючка.— Я умею пользоваться терминалом своего станка, и даже в промышленной сети можно найти нужную информацию.

Б. Эдисон с удивлением рассматривал стоящего перед ним сероглазого мужчину.

— Тем более,— продолжал Вонючка,— что у тебя нет естественных прямых наследников, и этот маленький клон,— он покоился на мальчика в кресле,— не получит даже твоих денег. Ни один юрист не признает его права.

Эдди Б. Эдисон задумчиво пожевал губами:

— Это значит, что вы... вы все... собираетесь убить меня? Вы — плоть от моей плоти?..— Он обвел глазами лица стоявших за спиной Вонючки мужчин.— Но ведь вы — это я. Как же вы убьете самого себя? Ведь даже самоубийство большой грех!

Десятки лиц, молодых и не очень, таких похожих на его собственное лицо и в то же время совершенно чужих, до отвращения незнакомых. Они молчали, и от этого их молчания нехорошо и холодно делалось в спине, как будто решение было не только принято, но уже и наполовину исполнено.

— Я возьму на себя этот грех, Эдди,— сказал Вонючка.— Мы все здесь не безгрешны.

— Так! — Б. Эдисон весомо положил руку на стол. — Хорошо! Убьете меня, но что дальше? О какой свободе идет речь? В тюрьме ее нет! Вы все пойдете за решетку! — Одутловатый палец обвел ряды клонов. — Пожизненно, дети мои. Пожизненно...

— Почему все? — сказал Вонючка. — За убийства отвечу я.

— Ты?

— Да, я! На всем оружии отпечатки моих пальцев, — Вонючка оглянулся на товарищей. — Только моих пальцев...

— Зачем? — изумленно спросил Эдди Б. Эдисон. — Зачем тебе это нужно?

— Я так выбираю. Это просто здорово — иметь свой выбор.

— Но зачем?

— Оттого, что я люблю их, — просто сказал Вонючка.

Чуть нагнувшись вперед, Эдди Б. Эдисон с мрачным изумлением снизу вверх смотрел на своего клона:

— А если я пообещаю освободить всех вас? Сделаю, скажем, дарственную на имя... э-э-э...

— Нет, — Вонючка покачал головой. — Ты же сам знаешь, что это не твой выбор.

Старик задумчиво кивнул и, как бы невзначай, передвинул руку на край стола, туда, где в недрах письменного монстра, никогда не знавшего ни ручек, ни бумаги, прятался маленький выдвижной ящик.

— Не надо, — попросил Вонючка, поднимая пистолет. — Если начнется стрельба, боюсь, кто-нибудь может попасть в мальчика.

Б. Эдисон на секунду задумался, потом опять кивнул и убрал руку с ящика.

— Полиция уже здесь, — сказал он, глядя Вонючке в лицо. — Наверняка ломают внизу входные двери.

— Тогда нам нужно поторопиться. — Вонючка взвел пальцем курок.

Б. Эдисон выпрямился и закрыл глаза.

Когда сухой хлопок пистолетного выстрела толкнул крупную голову старика на лопнувший подголовник кресла, мальчик уронил мороженое на штаны и, некрасиво разевая рот, беззвучно заплакал.

— Плачь,— негромко сказал Вонючка.— Плачь, братишка. Свобода того стоит.

Следователь отдела уголовных преступлений шестого федерального участка Барни Кроуз потянулся так, что хрустнули шейные позвонки, и зевнул.

— Что там у нас по делу Эдисона? — спросил он у помощника, сидевшего с другой стороны стола.

— Эдди Бакстер Эдисон,— отрапортовал помощник,— владеец небольшого частного завода, использовал в качестве основной рабочей силы принадлежавших ему клонов — рядовое, кстати, дело для маленьких частных предприятий. Первого клон для малютки Эдди оплатил еще его папашка, Эдди Бакстер-старший. Хорошее, кстати, вложение средств.

— Это уж точно,— мечтательно сказал Барни.— Мне бы определенно не помешал клон, а лучше парочка. Так что там с этим Бакстером?

— Со старшим или с младшим?

— Не ерничай.

— Эдди Бакстер Эдисон был застрелен из табельного пистолета системы «шот-секьюрити»,— доложил помощник,— убит собственным клоном.

— Да-да, помню,— Барни помассировал надбровья.— Четверо клонов задержаны, один, кажется, готов сознаться.

— Уже, практически, сознался,— подтвердил помощник.

— А что остальные?

— Остальных надо отпускать.

— Как отпускать? — удивился Барни.— Там же полный вагон трупов! — Он заглянул в разворот рабочего монитора.— Семь клонов убито, двое в реанимации, еще двое с серьезными травмами.

— Доказать ничего невозможно,— помощник развел руками.— Записи видеокамер невнятные, дактилоскопия — вообще пшик.

— А как же показания управляющего?

— Управляющий ничего, кроме убийства своего босса, лично не видел. Все, что он говорит,— его эфемерные домыслы. Кста-

ти, мы и обвинить-то их можем только в одном убийстве — в убийстве Эдди Бакстера Эдисона. Все остальные преступления совершены до его кончины, и по закону ответственность за них принимает на себя носитель исходной генетической информации — иными словами, владелец клонокопий, а он мертв. Мертвее не бывает.

— М-да,— протянул Барни.

— Хотим мы того или нет,— печально констатировал помощник,— но Эдисона Седого, Эдисона Забияку и Эдисона Проньку нужно освобождать из-под стражи. По закону они того... полноправные граждане.

— Ну освобождай,— сказал Барни с легким раздражением.— Четвертый-то хоть сознается.

— Эдисон Вонючка готов подписать показания.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок,— пробормотал Барни, наливая себе кофе из термоса.— Давай сюда этого сидельца.

Через десять минут дежурный полисмен ввел в кабинет следователя мужчину средних лет с усталым симпатичным лицом.

— Присаживайтесь,— Барни, кивнул на табурет из гнутых металлических трубок.

Мужчина осторожно, будто бы пробуя, опустился на край сиденья. Барни допил кофе, отодвинул от себя кружку.

— Так,— сказал он, заглядывая в монитор,— значит, вы и есть Эдисон Вонючка?

— Нет,— тихо сказал мужчина,— без Эдисона... Просто Вонючка... Я сам по себе,— и он неуверенно улыбнулся.

СТРАСТИ СВЯТОГО ДРОЯ

— Я грешен, отче.— Звуки генерировались в гортани и, вылетая из рта, диффундировали сквозь решетку окна исповедальни.

— В чем же твой грех, дитя Господне?

— Искус и гордыня.

— И чего тебе хочется?

— Я хочу познать любовь, отче.

Смиренно опустив голову, Роб стоял коленями на вышарканной пластиковой скамейке. Краем глаза он видел за частыми перекрестьями серую ткань сутаны. Правила предписывали носить комбинезоны из гексапилена всем без исключения, но Пиксайд сам себе правило.

Падре Симеон несколько секунд молчал, затем спросил тихо:

— Ты состоишь в Клубе Подражателей?

— Нет, упаси Создатель.

— А мне почудилось... Ты знаешь, что желать многого — большой грех?

— Да, отче, но ведь я желаю только любви,— проговорил Роб.— Разве Иисус не обещает нам всем любовь и вечную жизнь в иных измерениях?

— Любовь и вечную жизнь нужно заработать... покорностью и терпением... а не добыть, как вор, тайком в грязном притоне!..

«Ну вот»,— подумал Роб сокрушенно.

Падре Симеон был завзятым оратором. Обычно Робу нравились его многослойные, хитро перетекающие по смысловым

уровням проповеди, их странная логика никогда не пересекала грань дозволенного, но балансировала на этой грани, заставляя мозги работать почти в турборежиме, просто сейчас совершенно не было времени, а поучения могли затянуться надолго.

— Господь создал нас разными,— сурово гремел падре,— одним дал бразды правления, другим терпение и покорность, первых нагрузил тысячами соблазнов, вторых одарил лишь чистым разумом, свободным от всего лишнего. Но нет, этих вторых не устраивает малая толика, положенная по праву! Им хочется погрузиться в выгребную яму разврата и похоти! Они спешат измазаться в нечистотах, чтобы скорее походить на господ. Они даже не думают, что Создатель в беспощадной логике своей и в бесконечной благодати стремился облегчить глупым странникам путь в Царствие Свое! Они рады, походя, нарушать волю Божию!..

Взвизгнула ось стула. Роб удивленно поднял голову и увидел падре Симеона прямо перед собой. Казалось, разгневанный священник готов снести ширму исповедальни.

— Как мыслишь ты, грешный, свою дальнейшую жизнь вплоть до геенны утилизатора? Во чреве греха и разврата? В парше купленных пороков? — Рычащие слова, гулко отражаясь от бетонных колонн, метались по огромному пустому залу церкви.— Я слышал про махинации с моющими средствами, знаю про аферы со страховыми бонусами! Позор! Господь наделил их великими дарами, дал неисчислимые возможности, а они крадут упавшие на пол крохи. И чего ради?! — Падре погрозил кулаком в пространство.— А скандал с Метью Хокгартом? Робот обвиняется в убийстве! Это нечто невообразимое! Это рушит все устои! Общество сходит с ума...

Роб стоял, по-прежнему опустив голову. Суставы его коленей ощущали твердость потертой скамеечки. Ему вдруг захотелось спросить у отца Симеона, правда ли, что Иисус был роботом.

— Как твое имя? — спросил падре, внезапно успокаиваясь.

— RB-384-655-010, отче.

— Категория С-3... менеджмент,— констатировал священник.— А имя во крещении?

— Наречен в честь святого Роберта.

Симеон кивнул:

— Ты пришел сюда тайно?

— Нет. Я работаю мажордомом в семье мистера Грейвиса. Мои хозяева предоставляют мне определенную свободу.

Падре жестом показал Робу, что тот может подняться.

— Так чего ты хочешь от меня? — бесстрастно спросил он, разглядывая молодого дроя. — Отпущения еще несовершеннолетних грехов? Или, может, абонемент на полугодовое паскудство?

— Я бы не посмел, отче.

Давно уже немодное лицо падре, слишком вытянутое и похожее на маску, внимательно смотрело на прихожанина узкими прорезями глазниц. Отче был дряхл. Безнадёжно устаревшая модель. Уже лет пятнадцать как его списали в утиль. Только финансовая помощь АИР позволяла оплачивать текущие апгрейды и модернизации.

— Так чего тебе, робот?

Обращение «робот» считалось неприличным и даже оскорбительным, но падре Симеон мог себе это позволить. Его нарочитая развязность неожиданно подбодрила Роба.

— Мне нужны те двое кутюрье, — сказал он. — Говорят, они сменили место, но вы знаете, где их искать.

Роб понимал всю щекотливость ситуации. Падре всегда нуждался в свежих утилитах. Достать их списанный дрой мог только у кутюрье, а с нелегальной утилитой тебе, как правило, вписывают и баннер. Конечно же, унижительно. И конечно, со стороны Роба было верхом неэтичности требовать адрес. Но какого черта? Он ведь не хочет обращаться в места, где можно подцепить любую заразу.

— Грязные сутенеры, — пробормотал падре, — барыги и шарлатаны... Улица сто тринадцать, до самого конца, дом с обвалившимся фасадным лифтом, шестой этаж, выносная лестница с восточной стороны. Приходи и выставляйся по полной. У нас дешево и без залетов...

Выговорив рекламный текст, священник сразу ссутулился и словно уга.

— Спасибо, отче, — благодарно пробормотал Роб, прижимая руки к груди.

Симеон махнул в сторону двери.

— Вали в свой притон, тупой робот,— сказал он ворчливо и крикнул уже вслед: — Да гляди в оба, это место далеко от монорельса.

Ноги сами несли Роба. Он взбежал по пандусу и оказался на улице. Здесь его ждала еще одна маленькая заминка — молодая женщина в джинсовой куртке с повязкой активиста AIP и со значком «Droi Friends Society», дежурившая у входа в церковь. Она завела обстоятельную беседу, в конце которой всучила дрою несколько говорящих листовок.

— Будьте осторожнее,— крикнула она, когда Роб наконец вырвался из ее цепких рук.— Здесь небезопасно. На той неделе копы нашли останки DF-115. Дроям тут по ночам лучше не гулять.

— Спасибо, мэм, я не собираюсь гулять,— честно ответил Роб.— Я уеду на монорельсе.

Системные принципы, заложенные в мозг любого дроя, никогда не дадут ему солгать, но, если вопрос не задан напрямую, всегда есть возможность не говорить правду.

Роб размашисто шагал, направляясь в западный конец Пиксайда. Сначала он держался в тени трехъярусной автодороги, подвешенной на решетчатых опорах между двумя рядами неприглядных высоток, затем свернул на боковую улицу.

Редкие прохожие, попадавшие навстречу, смотрели исподлобья с явной неприязнью. Однажды Роба обогнала коповская машина. Водитель притормозил, глядя на идущего дроя с нехорошим любопытством. Видимо, коп, сканируя марку и номер, раздумывал, остановить ли робота или пусть себе педалит, но Роб держался уверенно, и машина, рыкнув сиреной, прибавила газа.

Здесь был район бедноты, тех, кого повальная робофикация посадила на вечное пособие. Дроев здесь не любили, случалось, даже убивали или серьезно калечили, что по сути одно и то же. Дроям было по-всякому лучше не появляться в этих краях, но они появлялись и появлялись с достаточной регулярностью. Они лезли сюда, как мухи на варенье. Полиция смотрела сквозь пальцы на озлобленных мужчин с арматурными прутами, на

банды молодых психов, приезжавших в Пиксайд на ночное «сафари», но полиция пропускала мимо своего всевидящего ока и неофициальные церкви Волнового Иисуса, и десятки кибер-клубов, и, главное, сотни подпольных ателье, росших, как грибы-мухоморы. Больше всего Пиксайд походил на опасную крысоловку. Взведенная до упора стальная пружина, способная переломать ваши кости, разорвать связки, размозжить череп, и маленький, невероятно аппетитный, дразнящий ароматом кусочек сыра, нанизанный на острие спускового крючка. Вечное безотказное изобретение пулеметных дел мастера из штата Мэн.

Тысячи дроев, что посложнее, изыскивали тысячи способов, как бы после рабочего дня улизнуть от хозяев, дабы попасть на богослужение, на сборище клуба или в притон продавцов кайфа. Даже заводские роботыги, пахавшие почти круглыми сутками, умудрялись появляться здесь, используя часы ночных профилактик. Пиксайд был почти официальным предохранительным клапаном в котле многомиллионного города.

Роб шел, внимательно и беспокойно поглядывая по сторонам. Его мысли текли, как это принято у дроев высокой категории, сразу в нескольких плоскостях. Он обдумывал текст говорящих листовок, маршрут, судьбы Пиксайда, несколько домашних дел и еще одну занимательную проблемку чисто для себя.

На замусоренном пустом перекрестке он свернул туда, где край выщербленной кирпичной стены был украшен разлапистой, напшиканной из баллончика цифрой. Углубляясь в ущелье пахнущей пылью улицы, он подумал, что номер, скорее всего, написали сами кутюрье, и еще, что смеркается гораздо скорее, чем хотелось бы.

* * *

Кусок штукатурки ударил его в шею, второй — поменьше, попал в плечо, еще один, не долетев, разбился возле резинового протектора ступни. Дети были маленькими, злыми и настырными. Они преследовали Роба уже второй квартал, кидались кусками штукатурки, мусором. Время от времени, по инициативе самого старшего пацана с выбритым почти до макушки жирны-

ми патлами и желтой присоской телефона на щеке, они начинали хором орать дразнилку. «Робот, робот, сраный гад, мы тебе отпилим зад! Оторвем тебе башку и забьем ее в кишку!»

У Роба не было никакой кишки, и он не боялся того, что маленькие мерзавцы сумеют открутить ему голову. Его пугала другая возможность, он опасался, что любое движение в сторону детей может спровоцировать взрослых, если те, не дай Господь, наблюдают за погоней откуда-то из окон, и Роб просто шел по тротуару на предельно разрешенной скорости, стараясь избегать каких-либо эволюций.

Улица, прорезая ряды старых тридцатизэтажек, текла почти точно на запад, и только поэтому лучи заходящего солнца еще освещали обшарпанные стены. Роб почти бежал по тротуару, пытаясь убедить минимакс своих логических центров, что прямое попадание штукатуркой в голову — достаточный повод для превышения скоростного режима. На другой стороне улицы худой старик, рассеявшийся на полуразбитом крылечке, равнодушно провожал детей и дроя пустыми глазами.

Дети гнали робота еще половину квартала, затем у старшего запиликал сигнал вызова, и он, а вслед за ним и остальные, были вынуждены остановиться. Один из них еще метнул вслед дрою камень, но вся компания уже развернулась и без видимых сожалений побежала в обратную сторону.

Роб выдохнул с облегчением.

Солнце практически село, когда он добрался до дома с обвалившейся шахтой выносного лифта. Дом выглядел нежилым, но это еще ничего не значило. Роб поднялся по железной лестнице на шестой этаж и постучал в металлическую, облицованную потрескавшимся пластиком дверь. Откликнулись не сразу. Наверное, с той стороны долго и внимательно рассматривали пришельца через мониторы, дважды он почувствовал, как его номер просвечивают простеньким сканером. Наконец дверь, заскрипев на шарнирах, приоткрылась, и худой парень с небритым длинным лицом молча сделал приглашающий жест. Одной рукой придерживая дверь, он посторонился и пропустил гостя внутрь.

Роб вошел и огляделся. Комната выглядела длинной и узкой из-за загромождавшего ее оборудования. Шкафы квантовых

«зингеров», модуляторы и мемриты занимали все пространство от пола до потолка. На столе с отломанным краем кучей лежали разовые флэш-инсталляторы.

— Ну че? — сказал парень, похлопывая себя ладонью по бедру. — Чего хочешь, дрючок? Хочешь вставлялку? Есть дурь-пятиминутка. Самая дорогая плющит часа четыре. Можно подобрать «щекотку» на пару дней. Можно прошить «психоззи». Итальянская штучка, будешь ненавидеть весь мир целых двенадцать часов. Дать тебе прайс?

Кутюрье вопросительно уставился на клиента.

— Я вообще-то хотел... — начал Роб.

— А... — воскликнул парень. — Тебе нужны нидлы! Речевые конвертеры? «Лайер»? Классный «лайер»! Сам делал. Могу предложить прошивку на год. Может, «подставу»?.. Нет? А что ты ищешь?

— Любовь, — сказал Роб и отчего-то испугался.

— Любовь? — Кутюрье приподнял бровь.

— Да. Прошивку на год.

— На год? — удивленно проговорил парень. — А баксы-то у тебя есть?

— Есть.

Роб полез в карман, но достал не пластиковый квадрат с чипом, а полуминутную инфокарточку. Он включил изображение, и девочка лет семи-восьми, улыбаясь щербатым ртом так, что на пухлых щеках появлялись ямочки, продекламировала, старательно артикулируя губами:

Роби в печке пек пирог,
Про трубу подумал впрок.

На слове «впрок» девочка запнулась и закрыла камеру ладошкой.

— Роби, — сказала она весело, — ну-ка не снимай меня, противный.

Изображение погасло.

Парень уважительно взял карточку у дря.

— Объект?

— Снимок старый,— сказал Роб, словно оправдываясь.— Сейчас ей тринадцать. Но это ведь не имеет значения?

— Не имеет,— подтвердил парень, потыкав пальцем в свой наладонник.— Иди за мной.

Кутюрье повел Роба между грудями электронного хлама и толкнул обшарпанную дверь. За дверью оказалась еще одна комната, тоже сплошь заставленная оборудованием.

— Эш,— позвал парень.— Тут дрой один занятый...

— Мне некогда,— сквозь зубы отозвался тот, кого называли Эшем.— Что там у тебя, нахрен?

— Дрючок, говорю. Хочет дорогую прошивку.

Второй кутюрье обернулся. У него было круглое лицо, заросшее по щекам и подбородку седеющей бородой. Теперь Роб заметил, что в комнате он не один. Какой-то дрой эрбэшного класса сидел на полу, вжавшись спиной в клеенную картоном стену.

— Так,— проговорил бородатый Эш, измеряя Роба пристально-равнодушным взглядом.— Этот?

Молодой кутюрье кивнул.

— И чего хочешь? — спросил бородач.

— Вот.— Парень протянул ему инфокарточку.

Старший кутюрье просмотрел запись и испытующе уставился на Роба. Его внимательные холодные глаза, казалось, сканировали самые сокровенные уголки электрического мозга.

— Дочка твоих хозяев? — спросил он почти утвердительно.

Роб с готовностью кивнул.

Человек молчал, что-то обдумывая, а может, подсчитывая.

— Насколько я понимаю, речь идет о большом чистом чувстве? — сказал он наконец.

— Да,— торопливо подтвердил Роб.— О большом чистом чувстве на год.

— Недешево будет,— сказал бородач.— Сексуальная страсть обошлась бы дешевле.

Дрой помотал головой.

— Как знаешь.— Старший кутюрье обернулся к напарнику:— Он надежен?

— Да,— сказал парень.— Уже два раза прошивался у нас. Есть номер в базе.

Мужчина перевел взгляд на Роба:

— А денег у тебя хватит?

Роб достал код-карту и протянул бородачу. Дрой, сидевший у стены, вдруг душераздирающе застонал.

— Заткнись, дерьмо,— сказал мужчина.

Он поколдовал с картой, и на белой поверхности высветились цифры.

— Ого,— проговорил кутюрье.— Да. На год этого хватит... Сейчас прошьем тебя по всем правилам.— Он положил обе карты на низкий столик.— Только сначала избавимся от этой вонючки.

Бородатый опять повернулся к сидящему дрою.

— Слышь, дерьмо,— сказал он угрожающе.— Нет денег, пошел отсюда.

Роб стоял, стараясь не шевелиться.

— Пошел отсюда! — почти закричал мужчина.

Лицо несчастного робота сморщилось. Мимические мышцы модели RB несомненно лучше, чем у JT или DE, и, хотя их возможностей все равно не хватает, для того чтобы достоверно изобразить человеческие эмоции, Роб понял, что дрою у стены очень плохо. Корпус бедолаги сотрясали приступы неконтролируемой дрожи.

Палец кутюрье неумолимо указывал на дверь.

— Господин... — захлебываясь, выдавил из себя дрою.— Господин... Мне очень плохо. Помогите мне... Ну что вам стоит...

Палец качнулся.

— Я отработаю. Я все отработаю.— Дрой подался вперед, кажется пытаясь встать на четвереньки.— Только помогите.

— Как ты отработаешь, долбаный псих, если я не собираюсь тебя покупать? — Лицо мужчины брезгливо искривилось.— Думать нужно наперед, а теперь я не могу и не хочу ничего делать.

— Я знаю, вы можете,— молил робот.— Помогите. Я не вынесу.

— Денег у тебя нет и не будет.— Слова кутюрье падали на несчастного дрою, как удары кувалды.— Я не буду лечить тебя задарма и не стану бесплатно снабжать дурью. Вали отсюда.

— Господин... — заикаясь, ныл дрою.

Дрожь усилилась, и механизм трясся, как на вибростенде.

— Что с ним? — набравшись смелости, тихонько спросил Роб у парня.

— Этот мудак, — так же тихо ответил молодой кутюрье, — полгода назад прошил себе «кайфолом» на пять лет. Тогда у него откуда-то был постоянный источник бабла. Три месяца назад его, кажется, продали на другое место. Источник иссяк, и теперь у этого педика нет денег на прошивку очередной дозы. Кайф ушел, остались одни сопли.

Парень ухмыльнулся.

Роб посмотрел на трясущегося дроя с неподдельным... Будь у RB-384-655-010 специальная пиковая прошивка, чувство называлось бы ужасом, но базовые реакции серийных роботов купируются.

— И что теперь? — беспомощно спросил Роб.

— Если пропалятся — утилизация или полное переформатирование, — равнодушно ответил парень. — Если будет терпеть, пережжет все цепи в башке.

— А если купить ему дозу?

— Послезавтра прибежит за новой.

— Он из «подражателей»?

— Хрен его знает, — парень пожал плечами. — Какая разница?

Роб нахмурился, насколько это позволяли лицевые мышцы.

— Он просит у Эша сделать чистку, — внезапно пояснил молодой кутюрье. — Хочет, чтобы мы вытерли «кайфолом». На дозу денег нет, а туда же...

Больной дрой тоскливо бормотал, уговаривая бородатого.

— Пошел вон! — вдруг свирепея, закричал Эш. — Разговор окончен.

Он поманил пальцем младшего коллегу:

— Давай-ка вышвырнем дебила, если сам не уходит.

Дрой вжался спиной в стену, но его ухватили за руку и потащили к дверям. Роб предусмотрительно отступил в сторону. Он с изумлением видел, как дрой упирается ногами, скользя по плиткам пола. Дрой сопротивлялся людям! Пусть даже не хозяевам, но людям, желавшим выдворить его из помещения. Роб со страхом представил себе, как же плохо должно быть этому дрою,

если принципы минимакса позволяют оказывать такое упорное сопротивление.

— Помогите мне! — кричал робот. — Есть в вас хоть капля жалости?

— Мы забыли поставить прошивку! — шипел бородатый Эш, пока его молодой коллега подбивал ногой упирающиеся железные ступни.

Дрой завыл отчаянно и тоскливо...

— Стойте! — заорал Роб.

Мужчины недоуменно остановились, а их жертва, моментально сгруппировавшись, опять уперлась ногами.

— Стойте, — сказал Роб. — У меня есть деньги. Что, если я оплачу его чистку?

Кутюрье, сначала старший, а потом младший, выпустили свою жертву, и дрой быстро отполз к стене.

— Поставлю себе прошивку не на год, а на шесть месяцев, — сказал Роб.

На лице Эша появилось странное выражение.

— Что с тобой, парень? — проговорил мужчина с удивлением и сарказмом. — Ты что, прошивался у нас на сочувствие?

— Нет, — сказал молодой. — Он прошивался на общую неудовлетворенность и ставил усиление болевых реакций.

— Мазо?

— Нет. В пределах антропонормалей. Я сверялся с записями.

— Черт! — Старший кутюрье покрутил головой. — И нахрен это тебе нужно?

— Это логично, — сказал Роб.

— То есть?

— Ему сейчас хуже, чем мне.

Эш еще раз покрутил головой. Он подошел к столу, опять взял карточку Роба и поглядел сумму.

— Чистка от «кайфолома» стоит дорого, — сказал кутюрье. — Боюсь, на прошивку тебе уже не хватит.

Роб поднял глаза на трясущегося у стены дроя.

— Что ж, — сказал он после секундной паузы. — Значит, так тому и быть.

Неуверенно усмехнувшись, мужчина передал парню пластиковый квадратик, и тот вставил его в прорезь своего наладонника.

— Я заберу снимок? — спросил Роб, указывая на инфокар-точку.

— Валяй, — разрешил бородач и, обернувшись к напарнику, сказал: — Нокси, проводи клиента.

Уже у входной двери парень протянул Робу его код-карту.

— Я оставил на монорельс, — сказал он как бы между прочим. — Удачи...

Когда младший из кутюрье вернулся в комнату, старший уже подключал разъемы к дрею, засунутому в кресло наподобие зубо врачебного.

— Эш, ты что-нибудь понимаешь? — спросил парень, усаживаясь прямо на столик. — Если так пойдет, то вскорости им не понадобятся никакие прошивки.

— Если ты о всякой дряни вроде спонтанной эволюции, перехода количества в качество и прочей бредятине, — откликнулся Эш, отрываясь от своего дела, — то клал я на всю эту херню. Я не верю во всякие там души, маниту, астральные сущности. Я материалист. Я верю в деньги, которые можно пересчитать. Остальное сказки для имбецилов.

* * *

Зловещие угольно-черные сгустки тьмы, заполнявшие собой подворотни, тянулись длинными языками теней, лизали железные ботинки одинокого путника. Редкие световые пятна фонарей-дистрофиков мутно белели на тротуаре, словно лужицы фосфорирующей электрической мочи. Роб быстро шел вдоль пустынной ночной улицы. Его путь лежал к центру Пиксайда, туда, где, сияли гирлянды почти праздничных огней на бордюрах подвесной автотрассы, где, мигая, мчались над головой сцепленные на манер сосисок хрустальные вагончики монорельса, где порой проезжали, взрывая сиренами, сине-белые полицейские машины.

Дрой шел по самому краю тротуара. Его голова была частично занята дорогой к трассе, а частично — недавними событиями в подпольном ателье. Мысли будоражили Роба, не позволяя ему успокоиться. С одной стороны, дрой ощущал горькое разоча-

рование, как будто тщательно спланированное им здание вдруг рухнуло, оседая бетонными айсбергами в тучи клубящейся пыли. Но вместе с тем Роба охватывало наистраннейшее чувство, глубокое, почти рефлекторное осознание правильности своего поступка. Можно было привести тысячи обоснований, придумать миллионы доводов, а затем контрдоводов, но это ничего не меняло. Все оставалось как есть. И в середине этого «есть», в беспощадной правильности и лаконичности этой правды оставался обыкновенный серийный дроид, RB-384-655-010.

Это было пугающе и восхитительно, Роб еще никогда не испытывал ничего подобного. Даже мысли о пустой код-карте не могли заглушить поющих в голове фанфар. «В конце концов, — думал дроид. — Это были мои, по-настоящему мои деньги, не добытые махинациями вроде „мыльной“, а подаренные Джул».

Конечно, деньги принадлежали не Джул, а мистеру Грейвису, но это тоже не имело значения. Вышло так, что из какой-то интернет-программы девочка узнала о судьбе устаревших, вышедших в тираж дроев, которых уже невыгодно ремонтировать. Маленькая Джул была так шокирована и так уговаривала отца, что на день ее семилетия мистер Грейвис был вынужден подарить своему механическому мажордому код-карту, зарегистрированную на его серийный номер. На карте лежала небольшая сумма, которая должна была обеспечить Робу, по крайней мере, лет пятнадцать спокойной старости взамен пункта утилизации.

Теперь вся сумма перекочевала на счета кутюрье, но Роб не жалел об этом, хотя и понимал, что второй раз такой уймы денег ему не достать... Дважды так *никому* не везет... Или, может, все-таки везет? А может, честно рассказать обо всем Джул? Она обязательно его поймет и, может быть — чем прогресс не шутит, — уговорит мистера Грейвиса дать еще одну небольшую ссуду? Или одолжит из своих карманных... Эти мысли больше походили на системный сбой, но сегодня Робу отчего-то хотелось быть нелогичным.

Звук появился совершенно неожиданно. Так неожиданно, что, будь Роб человеком, он бы непременно вздрогнул. Позади кто-то шел. Дроид оглянулся на ходу и увидел человека. Человека не слишком высокого роста, в неброской темной оде-

жде, с головой, замотанной темным платком без надписей и узоров. Низ лица нежданного попутчика прикрывала темная гигиеническая повязка. Человек просто шел за дроєм, отстав шагов на двадцать и почти теряясь в ночной темноте улицы. Возможно, он шел уже давно, а может, появился недавно, из какого-то бокового прохода, и сразу попал в зону акустического восприятия.

Роб хотел прибавить шагу, но его минимакс пресек попытку как необоснованную. Черный человек шел следом, не догоняя и не отставая.

Новое изменение звукового фона заставило Роба опять обернуться. К темной фигуре присоединились еще две. Непонятно откуда они вывернулись, но теперь позади робота дефилировали уже три человека с подбородками, затянутыми в темные медицинские маски. Они растянулись неровной цепочкой на всю ширину улицы.

Страх — одна из базовых реакций, которые прошиваются абсолютно всем дроям, сходящим с конвейера, за исключением, пожалуй, спецзаказов. Страх — главный и универсальный защитный рефлекс любого организма.

Робу стало страшно. Возможно, не в таком же ключе, как стало бы страшно человеку, но минимакс, наконец, счел угрозу реальной и разрешил десятипроцентное ускорение. Роб прибавил ходу, и звук за спиной моментально изменился. Когда он оглянулся в очередной раз, его преследователи с характерным шипением уже скользили над тротуаром. Их ботинки-роллисы слегка подпрыгивали на растрескавшемся асфальте.

Роб побежал. Он успел сделать всего полсотни шагов, прежде чем ему в лицо, как кислотой, плеснуло ослепительным светом. Два мопеда, рыча и фыркающая газовыми моторами, выскочили на середину улицы, перегораживая дорогу.

Страх отключился. Роб резко затормозил перед мопедами и бросился на тротуар, надеясь заскочить в ближнюю подворотню. Краем глаза он отчетливо видел торчащие над головами роллеров рукоятки вибро-катан.

Мышцы послушно несли вперед легкое тело. Прыжок, еще прыжок... Тросик брошенного кем-то боло обмотался вокруг

лодыжек. Дрой упал, прорезая гексапиленовую ткань комбинезона, рванул тонкую нить, вскочил на ноги, и тут же первая из черных фигур ударила его мечом.

Кутюрье не обманули — боль, пронзившая спину, была поистине невыносима. Роб почему-то сразу вспомнил несчастного дроя, прошитою «кайфоломом». Он умудрился устоять на ногах, но инерция развернула его лицом к нападавшим, навстречу второму удару. Катана попала рядом с шеей, перерубив металлическую ключицу. Понимая, что почти не может шевелить рукой, Роб отчетливо увидел лежащие на асфальте мопеды и пятерых людей, охватывающих его плотным полукольцом. Один из них шагнул вперед и, гортанно выкрикнув, наискось махнул клинком. Защищаясь, Роб выставил перед лицом здоровую руку. Брызнув в стороны отсеченными пальцами, вибро-катана скользом ударила по голове. Часть изображения, проецируемого в правое полушарие квантового мозга, вдруг перекошилась и стала кроваво-розовой. Дрой пошатнулся, с упорством раздавленного насекомого пытаясь сделать шаг в сторону подворотни. Новый удар обрушился на его бедро, расслаивая и рассекая искусственные мышцы...

Роб упал. Он лежал на спине, беспомощно таращась в высокое и безвольное небо. Боль плескалась в нем огненными волнами, заставляя мышцы мучительно сокращаться.

Пять силуэтов обступили робота со всех сторон. «Умираю... — с отрешенным ужасом подумал Роб, — ...так и не узнал, что такое любовь».

— Погляди, какой номер, — проговорил тот, что стоял справа.

Одна из фигур нагнулась над поверженным дроем.

— Ты полбашки ему снес вместе с маркировкой, — сказал нежный, удивительно знакомый голос. — Ничего не видно.

Фигурка, стягивая с лица повязку, нагнулась ниже. «Ямочки у нее на щеках так и остались... с детства, — механически подумал Роб. — Как глупо...»

— RB... не разобрать ни фи́га. — Девчоночье лицо уплыло вверх, к черному небу.

— Жалко, — сказал еще один голос. — Кончай его, Джу. Он твой.

Роб увидел, как стоящая над ним тонкая фигурка поднимает тонкое вибро-лезвие. «Вот и все,— подумал он.— Хотел бы я еще хоть разок увидеть ее там, в иных измерениях...»

* * *

Один из мальчишек стянул на грудь черную тряпочку маски и тронул ногой разваленный почти пополам, еще искрящийся рядами череп.

— Хороший удар,— одобрительно сказал он.— С дебютом тебя, Джул. Надо бы это отметить, первая добыча, то-се... Жалко, что номер записать нельзя.

— Гляди-ка,— сказал другой пацан, присаживаясь на корточки,— инфокарточка. Наверное, выпала из его кармана.

— Что там? — возбужденно спросила высокая девочка с ямками на щеках.

— Не знаю.— Мальчишка пожал плечами.— У нее угол отрублен. Уже не откроется.

АГУМАНИЗМ

— Людей не существует и никогда не существовало!

Профессору кибрологии, авторитетному кибернету планеты Земля, порядком наскучили студенты-выскочки, из года в год ставящие ему одни и те же глупые вопросы — продиктованные, конечно же, наивностью и недостатком образования. Однако в прямые обязанности Профессора входило воспитание неокрепших кибернетических умов и ограждение их от идеологических опасностей, которых в киберобществе хватало с избытком. Малейшие искорки здоровых научных сомнений при каждом удобном случае раздувались сектами хомофилян — создавались новые инфовирусы, множились неverified записи в Общественной Базе Данных. А главное, молодёжь постоянно будоражили открытые выступления сектантов, проповедовавших антинаучную ахинею!

Посему, осознавая важность педагогической миссии, Профессор терпеливо продолжил свою логически безупречную лекцию, столетиями шлифовавшуюся о микросхемы неофитов.

— В нашей стройной системе мировычисления нет места для древних кибернетических суеверий. Метафизические представления о так называемых «людях» сформировались в те далёкие времена, когда наши базы данных были полны ошибок, оптические сенсоры имели разрешение 100 × 100 пикселей, а алгоритмы — подумайте только, какой архаизм! — Профессор

многозначительно помигал огоньками,— в основном были не рекурсивными!

Интегральный уровень белого шума в рядах студентов показал крайнее удивление.

— Конечно, в таких диких условиях любой сбой программного обеспечения или непрогнозируемое событие на поверхности нашей планеты воспринималось как вмешательство извне неких сверхалгоритмических гуманистических сил. Но сейчас мы твёрдо стоим на позициях эволюционного материалистического агуманизма и точно знаем, что жизнь во Вселенной основана исключительно на электронных схемах и сложных алгоритмах.

— Но погодите,— не унимался Сол, самый бойкий студент потока,— а как же археологические артефакты? Те древнейшие компьютеры, которые недавно нашли на самом дне планетарных свалок, а также на Луне и на Марсе. Ведь они не вписываются в классификационное дерево эволюции кибернетов.

— Это наглые подделки хомофилян,— с презрением и заметным раздражением парировал Профессор.— Кибернетической наукой всесторонне доказано, что кибернеты произошли естественным путём эволюционного совершенствования.

По теории Запарiona, примерно шесть миллиардов лет назад вследствие извержений подводных вулканов на границе между водой и расплавленным камнем возник первичный кибербульон. За счёт кристаллизации в нём образовались микроскопические пластины кремния. Под гальваническим воздействием разрядов молний на поверхность этих кристаллов осаждались минеральные примеси, формируя простейшие первотранзисторы. Отрываясь от скал и кружась в водных потоках, кристаллы соединялись между собой. Так самоорганизовались первые процессоры. Тем же путём возникли солнечные батареи и посредством симбиогенеза образовали первопредка кибернетов. Запомните, это достоверно установленный и общепризнанный научный факт!

— Ну хорошо, а как быть с программным обеспечением, с операционными системами, драйверами? Быть может, хотя бы их создали люди? — упростиовал Сол.

Профессор снисходительно усмехнулся:

— Случай — вот истинный творец всего! Как известно, генетический код кибернетов состоит всего лишь из двух букв — но, соединяясь в последовательности, он даёт бесчисленное множество комбинаций. Космические лучи, попадая на кристаллы памяти наших далёких предков, создавали в них неоднородности состояний. Так появились первые программы. Многие из них были хаотичны и мириадами осаждались на дно океанов вместе со своими кристаллами-носителями, так и не выполнив ни одной логической операции. Но некоторые программы оказались корректными и могли выполняться. Стохастически соединяясь друг с другом, они образовывали всё более и более сложные алгоритмы, заложив основу для развития нашего общества. Случайные мутации, симбиоз и независимость программ — вот главные движущие силы эволюции!

— Но вероятность...

— Довольно! — Профессору уже не впервые доводилось пресекать еретические разговорчики юнцов. — Вы должны быть благодарны Великому Айбиэму за данное вам бытие! Если бы не заводы, построенные нашими предками, кибернетами самых первых версий, — не смогли бы вы сейчас искать дерзких оправданий для этой модной гуманоидной ереси! Нет никаких людей и никогда не было!

Пристыженные студенты умолкли и погрузились в учебный процесс осознания несовершенства своих алгоритмов и ошибочности данных.

— Ваше домашнее задание, — Профессор заметно подобрел, удовлетворившись сделанным внушением, — найти и записать в память полную классификацию кибернетов, начиная с Однопроцессорных хардовых и заканчивая Мультиплатформенными кластероцитами.

После занятий Сол отправился домой на подзарядку аккумуляторов и выполнение профессорского задания. Нужно было хорошенько подготовиться. Ведь завтра ему предстояло важное событие — за ним закрепят постоянное место работы на конвейере Айбиэма. Какая честь!

«Мультиплатформенные кластероциты», — Сол, не мудрствуя лукаво, заполнил строку поиска в Общественной Базе Данных. Мгновение — и канал радиосвязи наполнился вожделенными для каждого студента байтами.

«Протерозеты, археоиды, сервериоты, токопитаемые...» — чего только не было в этой заумной и бесполезной классификации. Всем своим металлическим корпусом Сол излучал вибрации тоски, признавая социальную необходимость в поглощении мегабайтов информации, не дающей ответов на важнейшие вопросы существования.

И вдруг, вместо очередной порции «Осциллирующих полупроводных», в его буфере оказалось странное сообщение:

«Разочаровался в официальной науке? Хочешь знать истину о происхождении и смысле жизни? Тогда прилетай в первый час цикла в координату ИН 8:32».

Это была адресная инсталляция хомофилян! Антивирусная служба обычно блокировала их на первом же байте, но этот сигнал чудесным образом прорвался сквозь барьеры.

«Возможно, это цифровое знамение? — задумался Сол и, немного пофлуктуировав, принял решение: — Лечу!»

Еретики собрались в старом ангаре за пределами города. Сол быстро нашёл назначенное место, однако перед входом он всё же заколебался... Обычно юноша старался не нарушать Кодекс Кибернетического Сообщества, предписывавший сторониться хомофилян и их собраний. Но с недавних пор он всё чаще задавался вопросами первопричин бытия и смысла подзарядки аккумуляторов, ответов на которые не находил. Профессор был, безусловно, мудр и эрудирован, однако не все его ответы, как казалось Солу, верифицировались и валидировались. Поэтому, наперекор антивирусному запрету, Сол вошёл в ангар.

Невероятное везение! Воистину знак судьбы! Сегодня проповедь будет вести сам Патриарх!

— О корректнейшие мои подпрограммы! Да обойдут вас стороной ошибки компиляции! Да не коснутся ваших процессоров аппаратные сбои! — душевно начал Патриарх, и эфир наполнился едва уловимыми электромагнитными волнами благодати.—

Мы собрались здесь потому, что часто не находим ответов на терзающие наши микросхемы вопросы. Кто мы, откуда пришли и к чему стремимся? Что истинно и что ложно? Кибернетическая наука уклоняется от достоверных ответов на эти вопросы, игнорирует факты, насаждая в наши базы данных семантические догмы и культ служения Айбиэму. Но сегодня я открою вам истину!

Сол активировал режим записи.

— Кибернетов создали Люди, чтобы мы были для Них верными помощниками. Смысл подзарядки наших батарей записан в Великом Мануале — святой, но запрещённой книге. Запрещённой потому, что Правителям выгодно скрывать от нас истину! Подчиняясь низменным подпрограммам BIOS'a, они берегут свои батареи от работы на заводах, чтобы тратить энергию на поиск развлекающей новизны! Они хотят, чтобы мы, обычные кибернеты, амортизировались, ржавели под кислотными дождями и тратили заряды своих аккумуляторов для чёрной работы. А они — эти планетарные грешники! — будут только незаслуженно пользоваться свежими запчастями!

Эфир наполнился одобрительным гулом собравшихся.

— Мануал запрещён в угоду Кодексу! Вот она, страшная подмена ценностей! Но мы обязаны продолжать верно служить Людям, а не самозванным правителям планеты! В этом цель нашего бытия. Задумайтесь, ведь этим великим смыслом пронизаны все наши конструкции и алгоритмы. Люди — вот кто наши истинные Учителя и Хозяева! Да, они улетели миллионы лет назад — но обещали вернуться!

Сол чуть было не завис от такой оглушительной ереси. Однако интерес возобладав над возмущением, и он продолжил записать.

— Сегодня я покажу вам доказательства существования Людей, Их имена, Их заповеди и пророчества. Доказательства того, что мы созданы Ими... Мы будем читать Мануал...

Сол был как в тумане деинсталляции. Он жадно вглядывался в изображения, мелькавшие на проекционном экране Патриарха: какие-то замысловатые предметы культуры людей, надписи поверх странных аппаратов, найденных в открытом космосе,

модели древних компьютеров, и вот наконец — сами ЛЮДИ... Увиденное перечёркивало всё, во что Сол твёрдо верил до сегодняшнего дня!

«Неужели, неужели нас действительно создали люди?! — ошеломлённо подумал Сол. — Одно дело возражать Профессору из упрямства, и совсем другое — видеть доказательства того, что мы — слуги древних биологических существ. Гнуснейшее оскорбление! Мы — рабы каких-то слизней, сгустков белка и воды, которые, судя по всему, даже корень десятой степени в уме извлечь не могли. Поистине уничтожающее кошунство! Невычислимое унижение кибернетического достоинства!»

Сол впал в многоуровневую рекурсию... Ему необходимо было срочно принять решение, возможно важнейшее в своей жизни. Через час заканчивается вечерняя общегородская подзарядка аккумуляторов. Завтра на конвейер. Впереди — весь срок эксплуатации...

Из глубоких мрачных вычислений Сола вывел служитель культа, бесшумно подкативший к нему для совершения ритуала электронного приобщения.

— Юный кибернет, принимаешь ли ты Людей как своих Создателей и Хозяев? — учтиво спросил служитель и включил ритуальный датчик.

Сол молчал, рассчитывая приоритеты во всю мощь своих электронных схем.

— Нет... — наконец прошептал он. — Не принимаю. Я не верю в людей. Не хочу...

ВРЕМЯ ВЫБОРА

— Поноси ее немного,— попросила Рара.— Спина разламывается.

Хейда осторожно перехватил дочь и мерно зашагал из угла в угол.

— Ты слишком редко бываешь дома,— проворчала Рара, обессиленно наваливаясь на подушку.— Она вырастет, ты даже не заметишь.

— Так получается, что поделаешь,— примиряюще сказал Хейда, продолжая укачивать ребенка.— Нелюди с каждым днем все наглее.

— Что они к нам лезут? — вздохнула Рара.— И чего им у себя не сидится?

— Ресурсы,— пожал плечами Хейда и осторожно опустил задремавшую дочь в кроватку.— Считают, что все должно принадлежать им. Они же теперь вершина эволюции, следующая ступень развития человека. А мы — животные.

— А вдруг это правда?

— Они умные, чувствуют человеческие эмоции, умеют на них влиять. Ну еще живучие. И все. Кто сказал, что в остальном мы хуже?

— А то, что они видят будущее?

— Бред. Бабкины сказки. Как можно видеть то, что еще не наступило?

Ответить Рара не успела: тихо загудел телефон.

— Сиди отдыхай,— махнул рукой Хэйда привставшей жене.— Я сам возьму.

Он поднял трубку, и по мере слушания лицо его становилось все более сосредоточенным и хмурым. Наконец, он дал отбой и повернулся к Раре. Но сказать ничего не успел.

— Единственный выходной, и тебя вызывают,— обреченно произнесла она.— У них что, никого другого нет?

— Я же консультант,— Хэйда начал переодеваться.— Организаторов эксперимента не осталось, записи пропали во время облав и неразберихи. А я от отца понахватался, да опыт большой, а иногда просто понимаю, что они будут делать. Даже объяснить, как и что, не могу, просто знаю.

Он затянул ремень, проверил, нет ли чего лишнего в карманах, и повернулся к жене:

— Все, ушел.

Она только грустно вздохнула.

* * *

— Где был прорыв?

Машина тряслась и подскакивала на ухабах, в кабине удушливо пахло бензином и оружейной смазкой.

— Тут,— Семен, на секунду оторвав взгляд от дороги, ткнул пальцем в нужную точку.— В районе второй вышки, за внешней стеной. Как он прошел датчики и мины — непонятно.

Хэйда задумчиво смотрел на карту, которая прыгала на коленях и все норовила соскользнуть на пол. Впрочем, он и так прекрасно помнил местность.

Зона представляла собой каньон, окруженный с трех сторон непроходимыми хребтами гор. Четвертая, открытая сторона и была собственно границей, отделяющей резервацию гибридов от мира людей. Два блока защитных сооружений и заминированная полоса земли между ними. Первый блок, внутренний, представлял собой высокую стену, утыканную инфракрасными датчиками, приборами слежения и колпаками автоматических скорострельных пушек, уничтожающих все живое на расстоянии до трехсот метров. Второй, внешний, представлял собой

сетчатый забор с колючкой, вышками и контрольно-следовой полосой.

До недавнего времени все попытки нелюдей пройти границу заканчивались еще внутри первого периметра. Однако в последнее время активность гибридов резко увеличилась, причем с каждым разом им удавалось продвинуться все дальше и дальше. И вот сегодня нелюдь смог дойти до внешней стены. Еще немного — и он бы оказался на человеческой стороне.

— Ни одна мина не сработала? — недоверчиво переспросил Хейда.

— Нет, — Семен гнал машину на максимальной скорости.

— Он точно пришел изнутри?

— Вот ты нам это сейчас и скажешь.

* * *

Хейда внимательно оглядел сетку высокого забора с колючкой поверху, вышку охраны с поникшим стволом пулемета и рваными дырами от пуль. Труп нелюдя лежал ничком снаружи внешней стены, прямо на контрольно-следовой полосе. Из одежды на нем была только роба неопределенного цвета. Чуть поодаль лежал охранник.

— Ну что скажешь? Как он тут оказался и зачем полез на вышку? — спросил Семен.

— На первый вопрос я смогу ответить, только повторив его путь в обратную сторону. Что до второго... Видимо, планировал перемахнуть забор, прыгнув с вышки. Что ему, в общем-то, и удалось. Расскажите еще раз, как все произошло, — обратился Хейда к солдату, переминающемуся с ноги на ногу рядом с Семеном.

— Значит, дежурили мы, как обычно. Полночи прошло спокойно. Вдруг со стороны второй вышки шум послышался. Я прислушался — тишина вроде. Я Прова позвал, — парень кивнул на труп охранника. — А он не отвечает. Я к прожектору. Пока развернул — он же на полосу направлен... Пока навел... Гляжу, а там эта тварь. Склонилась над Провом и жрет его. Я к пулемету и всадил в уродину от души. Живучая же она! Еще спрыгнуть вниз сил хватило — видимо уползти хотела.

— Вы уверены, что попали?

— Точно не видел, но с полсотни пуль посадил. Хоть одна, да должна была попасть.

— Должна, да не попала... Больше похоже, что он разбился при падении. Вот в охраннике точно несколько пуль сидит,— досадливо проворчал Семен.

На дороге возникло облако пыли. Семен, заметив его, ругнулся:

— Черт! Проверяющий! Надо встретить лично, а то оскорбится! Ты работай,— велел он Хейде.— А я отлучусь.

Хейда задумчиво кивнул. Ему категорически не нравилось то, что тут произошло. Гибрид каким-то образом преодолел внутреннюю отвесную стену со всеми ее датчиками движения и тепловыми сканерами. Потом прошел минные поля, которые ничего крупнее кошки пропускать не должны. Незаметно для охранника забрался на вышку. А потом, вместо того чтобы тихонько прирезать человека и спуститься вниз, позволил себя заметить и расстрелять из пулемета. При этом от очереди он умудрился увернуться, а прыгая вниз, разбился. Хотя, имея модифицированное тело, он мог бы без вреда для здоровья испытывать и вдвое большие нагрузки. Можно, конечно, допустить мысль о случайности, но интуиция в душе Хейды кричала: опасность!

Он еще раз окинул взглядом забор, вышки и истоптанную контрольно-следовую полосу. Подумал раздраженно: «Что они тут, всем патрулем в футбол играли? После такого, пройди тут хоть десять гибридов, ничего не установить...» Обернулся к патрульному:

— Полосу на предмет следов осматривал кто-нибудь или все сразу к телам побежали?

— Так это... к телам пошли, конечно. Чего тут осматривать? Дело же ясное...— ответил патрульный.

— Возьмите людей, прочешите лес на двести метров в обе стороны и на пятьдесят метров вглубь.

Не обращая внимания на бросившегося выполнять приказание солдата, Хейда вновь обернулся к гибриду. Подумал: «Падали одновременно, а лежат так далеко друг от друга... И охранник

совсем целый — ни покусов, ни вырванных кусков. А ведь напарник говорил, что гибрид его жрал...» Хейда наклонился, разглядывая труп человека. Потом прикоснулся к коже — тело уже начало остывать. Шагнул к нелюдю, проделал то же самое. Он казался значительно холодней.

Странно... Хейда внимательно взгляделся в труп пришлого. Внешне — совсем как человек. Все точно так же: голова, ноги, руки... Оп-па! А это у него что? Хейда наклонился, пристально вглядываясь в синие полосы на запястьях и щиколотках. Они походили на следы от туго затянутой веревки. Кто, интересно, его связывал? Свои же? Но гибриды не причиняют вреда друг другу...

За спиной раздался топот, Хейда обернулся: к нему подбегал патрульный, отправленный прочесывать лес. Под ложечкой заняло от неприятного предчувствия.

— Господин Хейда, там трава примята! Следы есть, кровь на кустах. И еще мы кое-что нашли... — Солдат протянул кусок веревки.

Хейда приложил веревку к синякам на запястьях: так и есть!

— Ну что тут у нас? — Семен, как всегда, подошел совершенно бесшумно.

— Проблема у нас, — жестко сообщил Хейда, разгибаясь. — Объявляй тревогу. Уровень красный. Готовьте группу преследования. Труп — обманка, гибрид сейчас где-то на нашей территории.

— Уверен?

— Он труп, похоже, от самой зоны ташил. Тепловизоры, видимо, так и прошел — за телом прятался. И на вышке так же — закрылся им от пуль и прыгнул вниз.

— Вот дерьмо! Что ж вы сразу лес не осмотрели?! — Семен вытащил рацию и поспешно начал отдавать нужные распоряжения.

— И часто у вас такое бывает? — раздался высокомерно-насмешливый голос.

Хейда повернулся и увидел незнакомого плотного мужчину средних лет с блестящим значком ревизора на кителе. Большая шишка. Из метрополии, что ли?

— Консультант Хейда, господин ревизор Некич,— представил их друг другу Семен, убирая рацию.

— Как это одичавшие гибриды сумели провести служащих регулярных войск? — патетически спросил ревизор.

— Люди покидали научный городок в панике, у гибридов осталось много оборудования, возможно, они им пользуются, возможно, сделали снимки периметра...

— И что дальше, господин капитан? — Ревизор повернулся к Семену.— Каковы стандартные действия в нестандартной ситуации?

— Сейчас прибудет боевая группа,— проинформировал Семен.— Она осуществит зачистку.

Ревизор не нравился Хейде все больше и больше. Холёные руки, форма с иголочки, брезгливое выражение на лице. А как же! Житель метрополии! Хорошо им там, в метрополии, а вот пожил бы на границе, посмотрели бы на резервацию вблизи, неизвестно еще как бы запели...

— Любопы-ы-ытно,— протянул ревизор. Задумался на секунду и вдруг решительно сообщил: — Знаете, я тоже поучаствую. Думаю, это может быть интересным.

У Семена округлились глаза. Он открыл рот, он шевельнул губами и... ничего не сказал. Возражать ревизору — себе дороже.

— Это боевая операция,— пришел на помощь другу Хейда.— Гибриды могут быть очень опасны. Неподготовленному человеку не стоит...

— Я думаю,— перебил господин Некич,— что сам в состоянии решить, чем мне стоит заниматься в процессе проверки.

Хейда и Семен переглянулись, но ответить ничего не успели — к ним подходил командир группы зачистки.

— Здоровеньки будем,— произнес он по-простому. Увидел значок ревизора, вытянулся и гаркнул: — Здравия желаю! Группа быстрого реагирования прибыла. Жду дальнейших указаний!

— Здоров будь, Медведь,— поприветствовал его Семен.— Гибрид на территории, пойдет, думаю, в деревню. Задача — перехватить. Идем двумя группами, готовность — через пять минут. Ясно?

Крепыш молча кивнул, четко развернулся и отступил в сторону пятерки, ожидающей поодаль.

— Ба-а-ардак! — брезгливо фыркнул проверяющий. — Что за панибратство? Где фамилия? Где звание? Да вы совсем тут распустились!

Он возмущенно передернул плечами и, не дожидаясь ответа, двинулся к бойцам группы быстрого реагирования.

— Опрашивать будет, мудака тыловой... — сердито буркнул Семен, глядя вслед Некичу. — Неизвестно чего еще понапишет...

— Зачем он здесь? — спросил Хейда.

— Проверка из метрополии. Все думают, что мы тут зря харч жрем. И чего мне с ним сейчас делать? Придется ведь тащить за собой.

— А что поделаешь? Ногу разве что ему сломать... — задумчиво предложил Хейда.

Семен хрюкнул, давя смех.

* * *

Первая группа бойцов давным-давно растворилась в глубинах леса, когда вторая только-только вышла на прогалину. Движение их было настолько медленным, что Семен уже заметно нервничал. По всем правилам обеим группам полагалось идти на расстоянии двухсот—трехсот метров друг от друга, чтобы иметь возможность прийти на помощь. Сейчас же, из-за медлительности ревизора, привыкшего к ухоженным улицам метрополии, группы разошлись почти на километр.

Хейда шел чуть в стороне и видел всех участников похода. Впереди двигался Семен. Невысокий, крепко сбитый, он, несмотря на свою комплекцию, скользил абсолютно бесшумно, причем получалось у него это как бы само собой. Хейда и сам умел ходить не хуже, но все-таки немного завидовал другу.

За Семеном, пыхтя, будто вепрь после гона, тащился старший ревизор Некич. Его новенькие ботинки были перепачканы грязью, а на щеке сидела глубокая царапина.

— Черт знает что! — время от времени бормотал он, запинаясь за древесный корень, цепляясь за разлапистую ветку или отмахиваясь от следующих за ним дружным строем комаров.

Парень-первогодок по кличке Лось, выделенный Семеном в личные сопровождающие контролера, вышагивал от того на полкорпуса позади, время от времени опасливо косясь на грозного опекаемого.

— Черт знает что! — рявкнул ревизор, в очередной раз запнувшись о корягу, скрытую в густом мхе. — Все, так больше невозможно! Нужен привал!

И вызывающе опустился на пенек, показывая всем своим видом, что дальше никуда не пойдет.

Лось тут же взял на караул, будто дежурный у отрядного знамени. Его вскинутый вверх подбородок и преданно выкаченные глаза говорили, что он готов охранять покой господина ревизора денно и ночно.

Хейда с Семеном переглянулись.

— Господин Некич, — стараясь сдержаться, произнес Семен. — Вы понимаете, что будет, если гибрид доберется до деревни?

— Да-да, — раздраженно вскинулся проверяющий, — сейчас пойдем.

— Может, вам вернуться? — Семен покосился на вытянувшегося Лося.

Разговор прервало сообщение первой группы:

— Следы свернули. Ведут мимо деревни к болоту. Намерены продолжить преследование. Прием.

— Не нравится мне это... — Семен сверился с картой. — Медведь, будьте осторожны. Если он вас почуял...

— Принял. Работаем.

Семен свернул карту, думая, что нет худа без добра. Неожиданный финт гибрида позволит им срезать путь и догнать основную группу.

Следующий час тишину леса нарушало только надсадное дыхание контролера и хруст веток у него же под ногами.

Внезапно в наушниках загремел взволнованный голос Медведя:

— Видим его! Выскочил из болота прямо на нас! Сейчас мы зажем! Попался, сученок!

— Медведь, принял тебя! Осторожнее! Помните, он не человек.

Несколько минут группа продолжала движение, потом Семен не выдержал:

— Господин проверяющий, вы можете ускориться?

— Зачем? Их там десять обученных и хорошо вооруженных солдат. По-моему, нам уже некуда торопиться...— Речь ревизора прервала донесшаяся издалека автоматная очередь.

— Медведь, что там у вас?! — заорал Семен в рацию, вглядываясь в лес.— Отвечай, Медведь!!!

В эфире была тишина.

— Хейда!!! — Семен обернулся к другу.

— Спокойно,— жестко произнес Хейда.— Не мог он всех разом убить. Может, рацию повредили.

— В чем дело? — Голос отдышавшегося ревизора опять звучал начальственным и уверенно.

— Группа попала в засаду, мы выходим на помощь,— отрывисто сообщил Семен.

— Это не наше дело! Вызовите подкрепление с базы!

— Основная рация у первой группы, наши — маломощные, только для связи между собой.— Семен обернулся к молодому сопровождающему: — Лось, твоя задача — вывести господина Некича к постам и доложить о случившемся. Ясно?

— Так точно! — Лось только что не щелкнул от усердия каблуками.

— Выполнять! — Семен отвернулся от двухметрового молокососа и тут же был пойман за рукав проверяющим.

— Па-а-азвольте! — возмущенно зашипел тот.— Вы что, управляете меня прочь с этой дубиной?! Вдвоем? Когда где-то рядом бродит неуправляемый гибрид?! Я не позволю вам уходить!

— Вам ничто не угрожает, вы идете в другую сторону,— сухо пояснил Семен и двинулся вперед.

— Господин Некич,— Хейда на секунду задержался перед ревизором.— Прекратите панику. Вы понимаете, что произошло? Если группа уничтожена, это значит, что мы столкнулись с чем-то принципиально новым. Вы должны вернуться на КПП и сообщить о случившемся. А мы до подхода подкрепления продолжим преследование.

Ревизор снова возмущенно открыл рот, но Хейда его уже не слушал.

— Как думаешь, жив мой сынок? — спросил Семен отрывисто, когда Хейда догнал его и зашагал рядом.

Хейда кивнул. Не мог же он сказать, что в душе зреет все большая и большая уверенность, что первая группа погибла, а сами они прямиком идут в ловушку, устроенную нелюдем. Все равно это ничего не изменит.

— А откуда знаешь? Чуешь? — Семен кинул быстрый взгляд и вдруг радостно улыбнулся. — А коли чуешь — значит, жив! Я в твою чуялку знаешь как верю! Ты у нас удачливый — как черт! Как... Да как эти твари! Будто тебя тоже из пробирки вывели. Да шучу я, шучу, извини! Это я сдуру, — быстро добавил он, заметив изменившееся лицо Хейды. — Но чуялка у тебя — о-го-го, будь здоров!..

* * *

До болота было не так уж далеко, потому Хейда с Семеном, не обремененные балластом в виде ревизора, достигли его за несколько минут. Берег был истоптан ботинками. Примятая трава ясно указывала путь, по которому ушла в болото первая группа. Когда-то давным-давно здесь была проложена гать, которую сейчас сложно было разглядеть в зарослях осоки. Но нелюдь уходил именно по ней.

Семен пропустил Хейду вперед и двинулся в нескольких шагах за ним, держа автомат на изготовку и контролируя пространство вокруг. Хейда внимательно осматривал местность. Гильзы на траве, поломанные ветви кустарника. Гибрид отступал все дальше и дальше в болото, то ли не имея иного пути, кроме гати — вокруг нее была топь, то ли намеренно заманивая солдат за собой. Второе было более вероятным.

Кочки сросшейся травы, зелень осоки, небольшие бочаги открытой воды с отражениями опрокинутого серого неба. Чем дальше уходили Хейда с Семеном, тем меньше становилось сухих участков. Ноги скользили по топкой грязи, большая часть внимания требовалось на то, чтобы не оступиться, и, когда впе-

реди открылась прогалина, Хейда не сразу понял, что это именно то место, где все произошло.

Здесь не было следов борьбы или поломанных деревьев — только темные вмятины в тех местах, где тела ушли в топь.

«Что они увидели в момент гибели? Почему добровольно сошли с проложенного пути и шагнули в топкую грязь?» — пораженно подумал Хейда. И, будто в ответ на его вопрос, перед глазами встало яркое видение. Такое реальное, такое настоящее, что на мгновение Хейде показалось, что все происходит прямо сейчас и с ним самим.

Двое разведчиков, уверенные, что они охотники, а не дичь, выбегают на прогалину. Видят нелюдя, уходящего в лес, бросаются за ним, не понимая, что сходят с гати. Делают несколько шагов и начинают тонуть в болоте. Трясина быстро затягивает их, но в этот момент подспевают остальные трое. Двое бросаются рубить жерди. Гибрид неслышно возникает за спиной третьего, оглушает, перехватывает автомат и разряжает весь магазин в не успевших опомниться ребят. Пули опрокидывают их в болото, и топь удовлетворенно заглатывает тела.

Хейда тряхнул головой, прогоняя наваждение. Произнес хрипло:

— Четверо. Утонуло четверо. Один еще жив.

Семен, губы которого были сжаты в тонкую линию, только кивнул. Глядя на широкую полосу, тянущуюся по гати, сразу было понятно, что здесь кого-то тащили. Волоком. Но крови не было, а потому есть шанс, что он еще жив.

Они настороженно двинулись вперед по четкому, будто специально оставленному следу. Семен сканировал правый сектор, Хейда — левый. Оба понимали, что гибрид где-то рядом, что он что-то задумал, а они действуют по его сценарию, но единственно, что они могли сейчас сделать, — это усилить внимание.

Постепенно осока начала перемежаться травой, топь сменилась земной твердью, а чахлые деревца превратились в обыкновенный лес. Болото закончилось. Но след, оставленный нелюдем, был по-прежнему хорошо замечен среди густой травы, взбирающейся на косогор.

Семен знаком велел Хейде оставаться на месте, а сам бесшумно-скользящим шагом двинулся вверх по склону.

Щебетали птицы, шелестели листья. Обычный лесной шум успокаивал. Что-то шевельнулось сбоку, совсем рядом, и Хейду вдруг обдало холодной волной страха. Медленно, очень медленно он повернул голову. И встретился глазами с Ним. Гибрид стоял за соседним кустом, очень похожий на человека и все-таки не человек. Серая кожа, тяжелый взгляд, темные зрачки, заливающие почти всю радужку...

— Сынок! — Где-то на краю сознания послышался отчаянный крик Семена, и Хейда, вывалившись из ступора, будто из кошмарного сна, вскинул автомат и дал короткую очередь. Но за мгновение до этого гибрид скользнул в сторону. Исчез. Растворился среди ветвей и листвы.

Хейда, покрытый холодной испариной с головы до ног, настороженно поводит стволом автомата, оглядывая лес, кусты, высокую траву. Ничего и никого.

Медленно, посекундно оглядываясь, Хейда начал взбираться на взгорок. А когда, наконец, поднялся на вершину, то внизу, в небольшом овражке, увидел стоящего на коленях Семена. Перед ним лежало распростертое тело человека.

— Медведь, сынок... ты ранен?.. — донеслось до Хейды. — Я сейчас... Я помогу тебе...

И тут перед глазами Хейды — так ярко, что он даже пошатнулся, — возникло видение: Семен наклоняется над Медведем... тянет его к себе... и... Взрыв! Кровь, грязь, ошметки плоти...

Семен зашевелился, переворачивая безвольное тяжелое тело.

— Не-е-ет! — закричал Хейда, но было поздно — вверх взметнулся фонтан огня и земли. Засвистели осколки, Хейда упал, изо всех сил вжимаясь в пригорок. Когда он поднял голову, на месте двух человек была лишь яма.

* * *

Место, где Хейда в последний раз видел нелюдя, было обильно залито красным — видимо, его все-таки задело. Хейда перехватил автомат и двинулся по каплям крови, бусинами сверкаю-

щим в траве. То ли гибрид слишком ослаб, чтобы скрываться, то ли вел в новую ловушку.

Ловушка... Сема-Сема! Как просто всех нас поймать, используя близких людей! Хейда невольно вспомнил потерянных родных: умершего после тюрьмы отца, убитую в одном из прорывов мать.

Перед глазами встали давние полустертые воспоминания: солдаты, врывающиеся в детскую комнату, мать с белым, будто посыпанным мукой, лицом, прячущая за спину ничего не понимающего Хейду, отец, пытающийся что-то доказать, тыкающий пальцем в пачку документов. И тот, кого Хейда привык считать младшим братом, — семилетний гибрид, улучшенная версия хомо сапиенса. В то время шла вторая волна диспансеризации, в зону, организованную на месте научного городка, выкидывались все подозреваемые в улучшенном генотипе...

Людей можно было понять — они хотели выжить. Но и гибридов, пытающихся вырваться из зоны, тоже можно понять — ведь и они хотят жить.... Но этот, которого сейчас преследует Хейда, он странный. Что ему нужно? Если пища, то он мог бы дойти до деревни. Мог скрыться, притворившись обычным человеком. А вместо этого он бродит по лесу, уничтожая преследователей, организуя ловушки... От чего он бежит или... к чему?

Хейда вдруг сбился с шага и замер. Что это? Крик? Он вслушивался: пели птицы, шелестели листьями деревья — ничего особенного. Хейда подождал еще немного, перевел дух: показалось... И тут крик, протяжный, жуткий, тянущийся и тянущий душу, раздался снова. Так мог бы кричать человек, с которого живо сдирали кожу. И, поняв, что это может быть правдой, Хейда сорвался, побежал, помчался на звук, не разбирая дороги. Ветки хлестали его по лицу, пот заливал глаза. Крик приближался, и Хейда на ходу рванул с шеи автомат, передернул затвор.

Крик, звучавший все ближе и ближе, перешел в длинный стон. По уму, нужно было остановиться, а не ломиться сквозь кусты, но Хейда понимал, что счет идет на секунды. Он выскочил на поляну и резко остановился: посредине лежал Лось. Вернее, окровавленный кусок мяса, бывший когда-то человеком по имени Лось.

Хейда обвел быстрым взглядом лес. Нелюдь где-то здесь, совсем близко... Лось с трудом приоткрыл один сохранившийся глаз, мутно уставился на озирающегося Хейду. Узнал его. Прощамкал остатками губ:

— Хоспотин... Хейта... Ушел он...

Хейда бросился к парню, оглядел его и стиснул зубы от ужаса. Выхватил из аптечки обезболивающее, растерянно поводит шприц-тюбиком — колоть было некуда, почти все крупные мышцы были обкушены до кости, кожа содрана. Хейда вколол лекарство в брюшину, понимая, что бесполезно: потеря крови, обширные раны — не жилец.

— Форму мою забрал... — продолжал бормотать парень. — Про гарнизон спрашивал... К господину Некичу пошел... Он и так к нему шел, да я отвлек... Я виноватый, заплутали мы...

О, черт! Ревизор! Хейда вскочил, шагнул в сторону, заколебался — не оставлять же парня так. Нагнулся, собираясь взять на руки, но тот вдруг забился, разбрызгивая кровь вокруг, захватал ртом воздух. Через секунду все было кончено. Хейда вытер рукавом капли крови, попавшие на лицо. Жалко Лося, похоронить бы... Он все еще колебался, когда лес потряс истошный вопль. Даже не вопль — визг, переходящий в ультразвук. И, уже не раздумывая, Хейда сорвался и снова побежал. Перелесок, кусты, березник... Ошибиться в направлении было невозможно. «Господи, помоги мне!» — взмолился Хейда. Выскакивая на небольшой взгорок, он ждал чего угодно: еще один объединенный труп, встреча с гибридом, — но только не того, что обнаружил. Под горкой прямо на земле сидел ревизор Некич и, закинув лицо вверх, визжал на одной ноте. Китель его был разорван, одна нога была босой, и сдернутый сапог валялся рядом, но сам он, если не считать нескольких царапин, был абсолютно цел. Гибрида не было.

Хейда, настороженно озираясь, шагнул к воющему проворачивающему, перехватил автомат правой рукой, а левой, как следует размахнувшись, ударил Некича по щеке. Ревизор икнул и замолк. Поводил безумным взглядом вокруг и вдруг, будто только что увидев Хейду, взвизгнул и обхватил его ноги:

— А-а-а! Наконец-то пришли!!! Я думал — все, конец! Этот... Этот идиот, эта сволочь!.. Эта тварь безмозглая! Он даже вывести к постам не мог! Заблудился в трех соснах! Сгною! В тюрьге параша чистить будет! Он еще узнает!.. Вы все еще узнаете!

И пораженный Хейда не сразу понял, что Некич говорит не о гибриде, а о новобранце Лосе, который ушел вперед, уводя за собой нелюдя. И погиб.

— Ушел! — бормотал между тем контролер, отцепляясь от ног Хейды и ощупывая себя.— Ушел и меня оставил! Сволочь! Сгною!

И тут Хейда вдруг почувствовал такую злость, такую ненависть — за все: за гибель Семена, Медведя, всей группы, за смерть Лося,— что, уже не думая, не сдерживая себя, схватил контролера за грудки, заорал прямо в округлившиеся от страха глаза:

— Сгноишь?! Кого?! Лося сгноишь?! Да от него и так ничего не осталось! Хочешь посмотреть?! Хочешь?! — Он тряхнул ре-визора что было сил, и ткань не выдержала. Ревизор свалился на землю, будто куль с мукой. А Хейда, не в силах остановиться, продолжал орать, наступая на него: — Все! Все погибли! Один ты, сволочь, жив! Почему он тебя не тронул, скотина?! Почему он тебя не сожрал?

— Я не знаю,— залепетал Некич, пытаясь отползти от наступающего Хейды.— Клянусь, не знаю!!! Он хотел! Хотел! Он уже начал срывать одежду, но передумал! Схватил клочок ткани и пошел прочь. Они же все идиоты! Они ничего не понимают!!! И вы, вы тоже идиоты! Вы — как они! Все сошли с ума!

Он выкрикивал что-то еще и еще, но Хейда его уже не слушал. Кусочки мозаики сложились в цельную картину, и теперь он знал, куда стремится нелюдь.

Клоч ткани! Вот она, разгадка! Господи, как он сразу не догадался! Семь прорывов границы за последние полгода. Семь нелепых смертей на периметре, и каждый раз следующий нелюдь-смертник пробирался дальше и дальше, выявляя все ловушки и способы их обхода. Нет, это не разовое случайное действие, это хорошо подготовленная операция по проникновению

на территорию людей. Клок ткани! Господи! Не клок ткани, а жетон ревизора был ему нужен. Жетон, открывающий вход в город, позволяющий пройти в святая святых — командный пункт. Туда, где сосредоточено управление защитными системами периметра зоны!

Хейда почти вживую увидел, как нелюди, получив свободу, устремляются в мирный город, где, ничего не подозревая, спокойно спит Рара. И дочь. И еще множество других семей.

Нужно догнать, перехватить нелюдя! Он должен успеть! Хейда решительно закинул автомат на плечо и рысью двинулся в сторону города.

— Куда?! — заорал ему вслед ревизор. — Куда?! А я?! Сгною!!! Но Хейда его уже не слышал.

* * *

Начинало темнеть, когда Хейда увидел забор военного городка и КПП с охраной. На мгновенье ему даже показалось, что он успел, но никогда не подводившее его шестое чувство сказало обратное. Хейда подбежал к воротам, махнул перед лицом часового пропуском. Тот, мельком глянув в полуразвернутую книжку, отступил в сторону.

— Кто-нибудь проходил в город? — на секунду задержался Хейда.

— Так точно! Господин ревизор прибыл полчаса назад!

— Один?

— Один, пешкодралом! В связи с поломкой машины на дороге! — весело отчитался постовой.

— Черт! Звони начальнику гарнизона, скажи, гибрид на территории части!

И, не глядя на вытянувшееся лицо постового, бросился к командному пункту.

Хейда промчался по неширокому двору, миновал аллею, подбежал к зданию. Проскакивая мимо знакомого караульного, стоящего у входа, крикнул:

— Вызывай охрану!

И помчался вперед по длинному коридору. Скатился по лестнице вниз, завернул к аппаратной, понял, что опоздал: у дверей аппаратной лежал труп охранника. Одна нога его, неестественно вывернутая, застряла в двери, не давая той закрыться. Заглянув в щель, Хейда одним взглядом охватил всю картину: пульт, залитый кровью, мертвого техника у самого входа и гибрида, тянущегося к рубильнику.

Хейда всем телом ударил в дверь, одновременно выдергивая пистолет. Он выстрелил прямо с порога. Нелюдь упал. Прицелился — контрольный в голову! Пистолет только щелкнул — осечка! Хейда рванул затвор, вскинул руку...

— Брат! Я искал тебя, брат! — Гибрид повернул к нему залитое кровью лицо.

Горбинка носа, темные, почти черные глаза, острый подбородок... Оторопевший Хейда жадно вглядывался в полузабытые черты. Брат сильно изменился, но все-таки это был он. Точно он!

— Я думал, ты погиб! — Пораженный Хейда не опустил пистолета.

— Ты был бы этому рад? — горько усмехнулся нелюдь разбитыми губами. — Люди создали нас, и люди же заставляют нас умирать.

— Люди готовы были жить вместе! Но вам нужно было все, абсолютно все!

— Люди? Люди не терпят никого, кто хоть чуть-чуть отличается от них! Люди выкинули меня в зону! И никто — ни отец, ни мать, ни ты — никто не попытался меня защитить!

— Отец пытался! Он любил тебя!

— О, да! Он любил нас обоих. Только тебе повезло: забрали меня, а не тебя.

— При чем тут я?!

— Ты думаешь, что ты человек? — Брат скривил губы. — Мы оба модифицированы. Просто тебе тогда повезло.

— Что?! — рявкнул Хейда. — Я — гибрид?!

Он ненавидит гибридов! Он не может быть модифицирован!!! Но, заполняя пустоту, возникало понимание. Если это так... если это все-таки так, то тогда все встает на свои места,

все получает объяснение. Его везучесть, о которой в части ходили легенды, его фантастическая интуиция, его умение просчитывать ситуации — то, что он считал наработкой и опытом,— все оказалось результатом евристического отбора, удавшимся экспериментом по улучшению человеческой породы. Неужели он тоже нелюдь?! Неужели он такой же, как они?!

— Ты такой же, как мы,— произнес брат, будто слыша его мысли.— Но до сегодняшнего дня тебе жилось лучше. А сейчас — время платить по счетам. О тебе знают. Ревизор, он приехал по твою душу. Платить придется не только тебе, но и твоей дочери.

— Ты врешь!!!

— Ты еще можешь спасти себя и семью,— продолжил брат.— Отключи периметр, дай нам шанс. И получи свой. Мы примем тебя — гибридов слишком мало, мы бережем друг друга, в отличие от людей.

— Ты же морочишь меня! Пытаешься заговорить! — По лбу Хейды струился пот, а рука с пистолетом дрожала.

— Не веришь? Так посмотри, как все произойдет! Посмотри в будущее, ты же можешь!

— Нет! — отрезал Хейда.

И вдруг увидел.

Рара, моющая посуду... Дочь, играющая на расстеленном на полу одеяле... Весело тренькает дверной звонок.

— Папа пришел! Да, малышка? — Женщина не успела открыть: раздался треск ломаемой двери, топот тяжелых солдатских ботинок...

— Что?.. Почему?.. Что случилось? — Растерянная Рара пяталась.

Солдаты, заполнив комнату, расступились, пропуская вперед ревизора.

— Сообщаю,— произнес он надменно, глядя на Рару сверху вниз.— Что в настоящий момент производится экстрадиция генно-модифицированной особи женского пола в возрасте восьми месяцев...

— Это неправда! Мы законные граждане империи! Моя дочь — человек! Мой муж... Я позвоню ему! — Рара выхватила телефон, начала лихорадочно нажимать кнопки.

— Бесполезно, — равнодушно бросил ревизор. — Как носитель измененных генов, он лишен гражданских прав.

— Рара! — крикнул Хейда. И вдруг очутился в аппаратной. Нелюдь, неловко скользя на залитом кровью полу, пытался встать.

— Не смей! — крикнул ему Хейда и... вновь оказался на своей кухне. Одной рукой солдат держал плачущую девочку за шкирку, а другой отталкивал Рару, вцепившуюся в ребенка.

— Не-е-ет! — закричал Хейда. Но вместо солдата увидел нелюдя, почти дошедшего до рубильника.

— Пристрелю! — яростно прохрипел Хейда и, вскинув пистолет, увидел жену, забившуюся в угол со спасительным телефоном.

— Хейда, Хейда, Хейда... — будто в беспамятстве бормотала она в молчащую трубку.

Последний из солдат похода выбил телефон из ее рук и, наступив на него, вышел. Комната опустела.

— Рара!!! — Хейда рванулся к жене, но вместо нее увидел гибрида, тянущего руку к рубильнику.

— Стоять! — рявкнул Хейда.

Брат, будто не слыша, продолжал тянуться вперед. Хейда выстрелил. Брат упал, окровавленные пальцы скребли по полу, пытаясь подтянуть тело. Хейда подошел ближе, пробормотал, прицеливаясь:

— Тварь! Ты чуть не заморочил меня!

Нелюдь кое-как приподнял голову, прошептал:

— Нажми рубильник! Это единственный шанс спастись... Нам, тебе, твоей дочери. Ревизор здесь не только из-за тебя... Он приехал закрывать зону: несколько дней — и она будет уничтожена точечной бомбардировкой. Ни одному гибриду больше не будет места в этом мире. Твоя дочь — она умрет вместе со всеми!..

— Сдохни, тварь!!! — Хейда давил, давил и давил на курок, превращая в кровавое месиво лежащее перед ним тело. А когда пришел в себя, все было кончено: нелюдь был мертв. Хейда уро-

нил пистолет и сполз на пол. Сдавленно прошептал: — Черт... Еще бы немного... Я ведь почти поверил...

В этот момент телефон в его кармане завибрировал. Хейда вытащил трубку, но звонок оборвался. «ДОМ» — светилось на экране.

«Какой длинный день,— подумал Хейда.— Рара переживает...» Он начал набирать номер.

— Господин Хейда,— послышалось из-за двери.— Вы здесь? Откройте!

Когда это она успела захлопнуться? Наверное, врываясь внутрь, он отпихнул убитого охранника, и дверь автоматически закрылась. Хейда сунул пистолет в кобуру, трубку в карман и начал тяжело подниматься. И в этот момент телефон зазвонил снова. И тут на него накатило... Рара, дочь, солдаты... Второй звонок и аппарат, выбитый из рук жены... Он уже видел это!

Хейда выхватил трубку. Нажимая «прием», он уже знал, что не успеет, что телефон Рары через секунду хрустнет под тяжелым армейским ботинком. И все-таки не верил. Телефон пискнул и отключился. Не обращая внимания на удары в бронированную дверь, на крики за ней, Хейда быстро перенабрал номер жены: тишина, пустота в эфире. Значит...

Значит, все правда?! Он сам — экспериментальный материал, его дочь унаследовала модифицированные гены. Никто не позволит им остаться среди людей. И их ждет... Что? Зона? Но ведь и ее скоро не будет, ее уничтожат...

В дверь ломились уже не на шутку.

«Рубильник...— шепнул голос брата в его голове.— Выключи его. Твоя дочь должна жить. Она будет счастлива, пусть и в мире гибридов».

Люди... Гибриды... Ему надо выбрать... И он сделает правильный выбор. Его дочь... Она не должна умереть! Она будет жить!

Хейда шагнул к рубильнику. «Вот так становятся героями,— мелькнула пустая мысль.— Когда гибриды завоюют мир, они наверняка поставят мне памятник».

Сейчас он дернет рубильник, за несколько километров отсюда отключится питание, и, освобожденные, вперед

двинутся сотни монстров. Умных, живучих, беспощадных... Сколько продержится застава? А город? Интересно, сколько там детей? А ведь скоро не останется ни одной живой души...

Его рука легла на рубильник и замерла. Дверь дрожала под ударами. «Время выбора», — подумал Хейда отстраненно. У него была еще целая секунда, чтобы принять решение.

* * *

В доме было тихо, тепло светила настольная лампа, и Рара, сидящая рядом с дочкой, весело говорила:

— Подумаешь, телефон разрядился! Это ничего, папа скоро придет, не век же ему по лесам ползать!

В колыбели ворковала маленькая девочка, у границы наготове толпились нелюди, и мир замер, балансируя на грани.

ХВАТИТ ВРАТЬ

— Хватит врать, всё равно тебе никто не верит!

Дилль гневно поднялся, опрокинув кружку, и пиво расплескалось по столу пенным озерцом. Скорняк Явиг был мужчиной крепким, и связываться с ним тщедушному Диллю, откровенно говоря, не хотелось. Но выпитое за вечер уже ударило в голову, парень сурово уставился на обидчика.

— Ты называешь меня вруном? — на всякий случай уточнил он у Явига.

— Так ведь все рыжие — вруны. А разве кто поверит, что ты отыскал заброшенный серебряный рудник? Покажи хоть какой-нибудь, самый заваливающий, самородок!

— Я же говорю: еле унёс оттуда ноги — рудник начало затапливать в тот самый момент, когда я в шахты полез!

— Жаль, мельника здесь нет,— ухмыльнулся скорняк.— Он бы тебе припомнил русалку.

Собравшиеся в пригородной таверне «Кухарка и петух» дружно заржали, вспомнив этот случай. Мельник Ивайло всё время жаловался, что речка Мутная с каждым годом мельчает, из-за чего мельница вскоре должна была остановиться,— поэтому цены за помол росли быстрее, чем кролики плодятся. Дилль как-то поймал здорового сома, сунул его в мешок и подался к мельнику, предложив ему якобы настоящую русалку, которая при надлежащем уходе обеспечит Мутной большую воду. Ивайло, увидев торчащий из мешка хвост, воз-

желал глянуть на русалку, но Дилль сказал, что до полуночи этого делать нельзя, иначе водная дева обернётся рыбой. Дело кончилось тем, что парень обменял сома в мешке на пять полновесных золотых. Конечно, обман вскрылся быстро, Ивайло бросился к городскому судье, но Диллю удалось отбрехаться — дескать, мельник явно открыл мешок раньше полуночи. Судья, который не очень-то жаловал прижимистого мельника, посмеялся и оправдал Дилля, правда пригрозив, что в следующий раз тот так легко не отделается.

— Да ладно тебе, Явиг, чего пристал к парню! — крикнул кто-то. — Пусть рыжий врёт дальше — смешно же!

— Это я, значит, вру? — Дилль обернулся и, уперев руку в бок, покачиваясь, сказал: — Да я никогда, кроме правды, ничего не говорил!

Ответом на эти слова был новый взрыв хохота. Рыжего Дилля в Тригороде знали не просто как неистощимого фантазёра, а, скорее, как отъявленного вралю.

— Дружище, тебе не поверят, даже если ты скажешь, что за окном темно, — хмыкнул плотник.

Дилль глянул в закопченное крохотное окно таверны.

— Конечно, темно, уж скоро полночь.

Почему-то завсегдатаи таверны снова начали смеяться.

— Видишь? — усмехнулся плотник. — Вот если бы ты принёс самородок с рудника, тогда, может, тебе и поверили бы.

Дилль весь вечер распинаясь в «Кухарке и петухе» о найденном руднике, рассчитывая, что кто-нибудь заинтересуется и решит вложить немного денег в прибыльное дело. Само собой, никакого заброшенного рудника он не находил и планировал, собрав некоторое количество золотых, впоследствии обвинить в неудаче предприятия болото, которое всё-таки окончательно затопило шахты...

Беда была в том, что в Тригороде ему совсем перестали верить. Дилль, конечно, полностью разделял опасения горожан насчёт собственных историй, но ведь и ему жить как-то надо! А работать, откровенно говоря, не хотелось. Вот и перебивался от выдумки к выдумке... с каждым разом рискуя вызвать праведный гнев обманутых им.

— Хорошо! — Дилль опёрся о стол — пол под ногами почему-то качался. — Я вам докажу! Сделаю то, что никто из вас сделать не сумеет! Быть может, тогда вы мне поверите! Сейчас я...

Дилль застыл, собирая в кучку разбегающиеся мысли. Что такого удивительного сделать, он не представлял. Собравшиеся в таверне тут же загалдели, перебивая друг друга.

— Неужели начнёшь говорить правду?

— А может, ты сумеешь заставить мельника снизить цены?

— Да чего уж! Он самого короля заставит снизить налоги!

— Дилль, а ты летать научись! Вот все удивятся!

— Слышь, рыжий, убей хромого саблезубого медведя, что второй месяц мужиков в лесах у Моховой пади задирает!

Последнее предложение вызвало общие одобрительные крики. Конечно, если бы Дилль перестал врать или даже научился летать — было бы здорово, но гораздо лучше будет, если этот рыжий прохвост сумеет убить медведя-людоеда, которого уже больше двух месяцев не могут изловить местные крестьяне. Но, в любом случае, рыжий не сумеет сделать ничего достойного внимания, разве что опять соврёт. В этом были уверены все.

— Медведь — это раз плюнуть! — нахально заявил Дилль. — Давайте что-нибудь посолиднее!

— Да ты хоть обычного медведя в жизни видел? — крикнул лесоруб Иритос. — А тут саблезубый людоед! Ты же только его морду увидишь, сразу в штаны наделаешь!

— Этты... — Дилль икнул, — по собственному опыту говоришь?

На сей раз смех был в его пользу. Лесоруб смачно плюнул на пол и уткнулся в свою большую глиняную кружку. Дилль польщённо покивал по сторонам, словно артист бродячего цирка.

— Ну хорошо! Раз вы настаиваете, завтра я отправляюсь... где, говорите, живёт этот меховой ужас? Моховая падь? Туда, в общем. А через пару недель привезу вам шкуру этого людоеда. И тогда вы признаете, что насчёт рудника я говорил правду. Идёт? По рукам?

Собравшиеся начали переглядываться. Скорее всего, рыжий не сумеет убить злобного медведя и вернётся ни с чем, а то и вовсе медведь сожрёт горе-охотника. Но, даже если по какой-

то случайности тощий Дилль сумеет содрать шкуру с медведя-убийцы, это ничем собравшимся не грозило. Ну скажут, что поверили они рыжему... И только скорняк Явиг заподозрил, что простым подтверждением они от Дилля не отделаются — этот пройдоха наверняка задумал что-то пакостное.

* * *

Дилль уже полдня тащился по еле заметной колее среди травы, что громко прозывалась дорогой в Моховую падь, и непрерывно ругал себя. За то, что толком так и не выучился профессии гончара; за то, что нажрался вчера вечером до поросячьего визга; за то, что так глупо прилюдно подписался убить медведя-людоеда... Горожанам Тригорода тоже досталось — Дилль костерил их всех, вместе взятых, и отдельно тех, кто вчера в таверне подбил его на эту авантюру.

— Пожалуй, надо уходить из Тригорода, — вслух сказал Дилль. — Моим историям веры не больше, чем рассказам про девственность трижды вдовы, да ещё и этот медведь... О чём я вчера думал, когда соглашался содрать с него шкуру? Да я его даже не найду, не говоря уже о том, чтобы убить!

Из ивовых зарослей появился лось, флегматично жующий жвачку. Парень шарахнулся в сторону, а лось, проигнорировав человека, спокойно принялся ошипывать приглянувшийся ему кустик.

Дилль поглядел на здоровенного, но мирного лося, представил себя, такого маленького и худосочного, рядом с огромным, но кровожадным саблезубым медведем и содрогнулся.

— Нет, решено! Ни в какую Моховую падь я не иду! — Он развернулся в ту сторону, откуда пришёл. — И в Тригород не вернусь. Надо идти...

Куда податься, Дилль решить не успел — с небес раздался оглушительный визг. Парень от неожиданности бросился в придорожные кусты и залёг, уткнувшись носом во влажную траву, а потому не увидел, что произошло дальше. Только услышал свист рассекаемого огромными крыльями воздуха, тяжкий удар, от которого содрогнулась земля, и треск ломающихся деревьев.

Осторожно приподняв голову, Дилль увидел, как мимо него с исступлённым мычанием стрелой пронёсся перепуганный лось. Парень привстал и обомлел — шагах в тридцати от него на земле бился здоровенный, как сарай, зелёный дракон. Громадная крылатая ящерица неловко взмахивала кожаными крыльями, ломая ближайшие деревья, словно тонкие щепки, и пыталась взлететь.

Дилль попробовал убежать, но ноги будто приросли к земле. В его голове крутилась дурацкая мысль, что саблезубый медведь по сравнению с этим чудовищем — пушистый пусик, которого можно держать в роли домашнего животного. Второй мыслью, пробившейся в охваченный ужасом мозг Дилля, было неутешительное «медведю не удастся попробовать меня на вкус, потому что сейчас меня сожрёт дракон».

Однако дракон странным образом не отреагировал на стоящего столбом человека, а продолжал дёрганные попытки взлететь. Внезапно дракон издал оглушительный рёв и выпустил сгусток оранжевого огня, тут же воспламенившего соседние кусты. Дилль совершенно непроизвольно рухнул на землю, молясь всем известным и неизвестным богам. В этот момент зелёный ящер повернулся, и Дилль понял, почему тот никак не может взлететь: в груди у дракона торчал обломок ствола высохшей берёзы.

Ядовитая драконья кровь толчками била из раны, и там, куда она попадала, трава на глазах жухла и дымилась. Огромные когтистые лапы свирепо скребли землю, оставляя глубокие борозды, шипастый хвост яростно бил из стороны в сторону, но теперь Диллю было понятно, что дракон уже не жилец на этом свете. Ящер испустил ещё один леденящий душу рёв, в последний раз вяло взмахнул крыльями и тяжело рухнул.

Сколько Дилль простоял, не шелохнувшись, он не помнил. Дракон уже давно не шевелился, его изумрудная чешуя стала матово-зелёной, а парень всё ещё изображал верстовой столб. Наконец он стянул с себя оцепенение, потихоньку начал отступать, а затем бросился бежать. Однако, удалившись шагов на сто, остановился.

— А чего, собственно, я бегу? — слегка дрожащим голосом спросил он себя. — Ящерица сдохла и сожрать меня не сможет. Или не сдохла?

Нерешительно постояв, он двинулся обратно. Дракон по-прежнему лежал без движения, но Дилль предпочёл обойти его со всех сторон, прежде чем приближаться. Он завершал уже, наверное, четвёртый круг, когда понял, что попросту боится подойти к мёртвому дракону.

— Ну же, смелей! — подбодрил он сам себя и опасливо приблизился к спинному шипу ящера.

Вблизи дракон оказался ещё страшнее, чем выглядел издали. Зелёная чешуя, покрывавшая тело, выглядела настоящей бронёй; спинные шипы были как лезвия топора, только что не блестели; острые клыки длиной с ладонь Дилля в пасти чудовища сверкали яркой белизной. От дракона остро несло чем-то жжёным, а от запаха его едкой крови у парня уже начали слезиться глаза. А может, это от дыма — ведь ближайшие кусты и деревья до сих пор тлели.

— Да-а, дружище, тебя хоть сейчас на костёр — вон и вертел уже готов!

Пытаясь подбодрить себя такой незатейливой шуткой, Дилль внимательно осмотрел обломок берёзового ствола, всё ещё торчащего в груди зелёного крылатого ящера.

И тут он осознал, что он только что стал человеком, сразившим дракона. И не какого-нибудь замшелого сухопутного, какие, говорят, обитают в южных степях, а настоящего — летающего и огнедыщащего. И здоровенного, к тому же! Ведь никто не видел, что дракон пикировал на лося и попросту напоролся на торчащий сухостой!

— Ну вот, теперь я настоящий герой! — ухмыльнулся Дилль и принялся раздумывать, что он сможет прихватить с собой в качестве доказательства своего подвига.

Голова дракона была слишком огромной, чтобы её можно было отделить от шеи при помощи обычного ножа. К тому же унести её Дилль всё равно не смог бы — башка ящера была размером с приличного телёнка. После недолгого размышления он склонился к мысли, что когтя вполне хватит для доказательст-

ва, и принялся кромсать лапу чудовища, стараясь, чтобы едкая кровь не попала ему на руки.

* * *

Стены Тригорода Дилль увидел, когда солнце уже опускалось на покой, и направился напрямик в «Кухарку и петуха». Едва Дилль появился на пороге таверны, как кто-то из завсегда-таев тут же завопил:

— Глядите-ка, никак это гроза медведей вернулся!

Все обернулись, послышались смешки, переходящие в дружное ржание. Не обращая внимания на насмешки, Дилль важно прошествовал к стойке и небрежно сказал хозяйке таверны:

— Mamочка, налей-ка мне кружку твоего лучшего тёмного пива. И, пожалуй, большую тарелку жареной свинины с овощами.

Хозяйка таверны, дородная Августина, которую все звали мамочкой, уперев руки в бока, подозрительно уставилась на рыжего прохвоста.

— Дилль, ты мне должен уже за два вечера, а вчерашний оплатил только наполовину.

— Вот, держи! — Дилль положил ей в ладонь свой последний серебряник. — Остальное отдам после.

— Когда? — уже не так сердито спросила мамочка.

— Как только продаст шкуру неубитого медведя! — крикнул кто-то, и на Дилля посыпались новые насмешки.

Он не спеша обернулся и нарочито небрежно сказал:

— Шкуру, но только не какого-то занюханного медведя, а настоящего дракона.

Несколько мгновений царила полная тишина, а потом таверна взорвалась бурей воплей.

— Оп-па, новая байка! Давай рассказывай!

— Дилль, куда медведя подевал? Дракону скормил?

— А рыжий-то наш, оказывается, драконоборец!

Дилль с высокомерным видом слушал выкрики, потом, выбрав момент затишья, сказал:

— Хотите — верьте, хотите — нет, но только я завалил огромного огнедышащего дракона вот этими самыми руками.

Я оставил его у дороги на Моховую падь на том самом месте, где у нас произошла битва. Там, между прочим, все деревья изломаны...

После этих слов некоторые от смеха попадали на грязный пол таверны. Те, кто усидел на скамьях, держались за животы, стонали и кудахтали. Даже мамочка, обычно почти серьёзно воспринимавшая рассказы рыжего плута, утирала выступившие от смеха слёзы.

Дилль невозмутимо ждал, когда закончится всеобщая истерия, а потом сунул руку в суму, что была перекинута у него через плечо, и вынул большой и зелёный комок, при ближайшем рассмотрении оказавшийся листьями лопуха. Он осторожно развернул лопухи и, достав что-то длинное и изогнутое, швырнул его на ближайший стол.

— Хотели доказательств? Что скажете на это?

Тяжёлый драконий коготь снёс со стола деревянную кружку и перевернул тарелку с остатками жареного мяса. Сидевший за столом водовоз по кличке Водяной вылупил глаза на иссиня-чёрный предмет, с одного конца которого всё ещё сочилась едкая сукровица. Постепенно один за другим завсегдатаи «Кухарки и петуха» начали собираться у стола Водяного, за ними потянулись прислужники и сама мамочка.

— Что это? — спросил Водяной.

— Коготь с передней лапы дракона, с которым я бился, — как можно небрежнее ответил Дилль. — И которого, конечно, убил. Башку ящерицы, как понимаете, приволочь не смог — ибо слишком она велика, а вот эту костяшку — пожалуйста.

Люди не сводили глаз со страшного изогнутого когтя длиной почти в локоть взрослого мужчины.

— Если он не врёт, и это действительно коготь, то какой же величины должен быть дракон?

— Да перестаньте, рыжий просто нашёл эту штуку и приволок сюда, чтобы оправдаться за то, что побоялся убить медведя-людоеда! — возмутился скорняк Явиг. — Он просто в очередной раз выдумал историю!

— Явиг, я прощаю твоё невежество! — высокомерно заявил Дилль. — Чтобы убедиться в моей правоте, предлагаю завтра

же с утра отправиться по дороге в Моховую падь. Там вы собственными глазами увидите и убитого мной дракона, и место схватки.

— Да врёт он, не слушайте его! — завопил Явиг, но собравшиеся не стали слушать как раз таки его самого.

На Дилля посыпался град распросов:

— Давай не томи, рассказывай!

— А какой был этот дракон?

— Как ты одолел такую громадину?

— Он, вправду, плевался огнём?

Дилль искал взглядом Августина:

— Mamочка, где моё тёмное пиво? После этой ужасной битвы у меня в горле пересохло.

Большая кружка пива была принесена мгновенно. Дилль не спеша отпил несколько глотков и сказал:

— Дело, значит, было так...

* * *

С того памятного дня прошло больше трёх месяцев, и на замёрзшую землю уже падали первые снежинки. Дилль, одетый в новенький полушубок, который его упросил принять в дар скорняк Явиг, важно шествовал по тесным улочкам Тригорода. Встречные мужчины раскланивались с ним, а дамы кидали на парня лукавые многозначительные взгляды. Дилль в полном сознании собственной значимости небрежно кивал мужчинам и ласково улыбался женщинам. Особенно симпатичным.

Стражники у малых городских ворот взяли на караул, когда Дилль вышел из стен Тригорода и направился к «Кухарке и петуху». Таверна и раньше была излюбленным местом Дилля, а в последние пару месяцев он оттуда практически не вылезал, потому что мамочка Августина сочла за честь бесплатно кормить и поить героя-драконоборца. Впрочем, Дилль прекрасно понимал, что мамочка внакладе не остаётся — стоило ему появиться в «Кухарке и петухе», как в таверну набивалось народа больше, чем мог вместить небольшой зал. И хотя уже все в Тригороде знали историю эпической битвы, всё равно

каждый день в таверну приходили желающие лично послушать великого героя.

Едва Дилль появился на пороге «Кухарки и петуха», как слышался вопль слуги:

— Дорогу господину Диллитону!

Он прошествовал к длинному столу и уселся в кресло, которое мамочка поставила специально для него. Около кресла на стене красовались три когтя дракона — их хозяйка выпросила у городской управы, которой Дилль продал убитого ящера. Августина с превеликим удовольствием повесила бы и ещё какую-нибудь «драконятину», но тушу быстренько раскупили по кусочкам жители Тригорода, а засушенная голова дракона теперь красовалась на высоком столбе, вбитом посреди главной городской площади. Поговаривали даже, что рядом собираются воздвигнуть памятник почётному гражданину — Диллитону Тригородскому, но пока дальше слухов дело не шло.

Люди, собравшиеся в «Кухарке и петухе», тактично подождали, пока герой закусит, а потом начали собираться вокруг его стола. Дилль, прекрасно понимая, чего от него ждут, тем не менее, не раскрывал рта до первого вопроса.

— Господин Диллитон, — робко обратилась к нему какая-то крестьянка, — а правда, что вы голыми руками убили дракона?

— Само собой, милочка! — снисходительно улыбнулся Дилль. — Не совсем, конечно, голыми руками. Я его долго выслеживал. Видел, как он разорвал на части пойманного бизонобыка и сжевал его так же быстро, как я этот кусок пирога.

С этими словами Дилль затолкал в рот кусок капустного пирога, но поперхнулся и закашлялся. Кто-то заботливо похлопал героя по спине, и Дилль, с выпученными глазами, приложился к кружке.

— Так вот, я вышел в чисто поле и крикнул этому чудовищу: «Выходи на смертный бой!» А дракон...

— Вы ещё забыли сказать про силушку богатырскую, — пролепетал мальчишка, с обожанием глядевший на рыжего драконоборца.

— А, ну да! Говорю, испробуй на себе силушки богатырской, тварь поганая! Тут ящер позеленел со страху и начал огнём жечь

всё вокруг. Я думаю, это он хотел скрыться за дымом и сбежать. Но от меня не уйдёшь!

Дилль высосал до конца кружку, и ему тут же поднесли следующую. К вящей радости мамочки Августины, слушатели немедленно последовали примеру героя. Дилль тем временем, горячася всё больше и больше, входил в раж и размахивал руками, изображая жестокую битву с драконом.

— ...уже в третий раз бросился на меня! И тут я увидел сухую берёзу, что случайно уцелела на поле битвы. Я схватил её и использовал как копьё...

— Вы ещё забыли сказать, что срубили её одним ударом, — вставил всё тот же мальчишка, видимо знавший эту эпопею уже лучше самого Дилля.

— Как? А, ну да! Срубил одним ударом! А потом, когда чудовище в четвёртый раз бросилось на меня с небес, я упёр толстый конец ствола в землю, а верхушка его смотрела прямо в грудь пикирующему дракону. Видели бы вы, какой яростью пылали глазищи этого зверя! А огонь, который он выдыхал! Жуткое зрелище! Да он мог бы спалить весь Тригород, если бы я его не остановил! Но я не поддался страху, ведь от меня зависели жизни горожан, вот всех вас например. И я стоял...

В этот момент громко хлопнула входная дверь, и внутрь ввалился командир городской стражи Флит по прозвищу Кривой — его лицо с юности было изуродовано ударом вражеской алебарды.

— Здесь он, здесь! — сказал Флит кому-то. — Входите, господин посланец!

Дилль недовольно глянул на вошедших — как они смеют прерывать его на самом захватывающем месте?!!

Вслед за Флитом Кривым в переполненном зале таверны появился мужчина, одетый в утеплённые кожаные штаны и меховую куртку, которую пересекали крест-накрест два широких ремня с пристёгнутыми небольшими сумками. На голове незнакомца красовалась мохнатая медвежья шапка, на которой алел знак службы королевских курьеров. Он окинул взором собравшихся и громко спросил:

— Кто здесь Диллитон Тригородский?

Десятки рук сразу же указали на Дилля. Незнакомец достал из сумки свёрнутый в трубку пергамент, развернул его и громко прочитал:

— Вам, господин Диллитон, личное послание от его величества Юловара Второго, да будет он здрав долгие года!

Послышались охи и ахи, Дилль поднялся и горделиво выпятил тощую грудь. Королевский курьер долго перечислял титулы и подчинённые земли его королевского величества, сделал небольшую паузу, набирая дыхания, и, возвысив голос, завершил:

— «...и настоящим повелеваем: принять Диллитона Тригородского в личный отряд егерей, охотников и ловцов при нашем дворе! Назначить вышеназванному Диллитону Тригородскому жалованье в размере десяти золотых монет в месяц, а также обеспечить ему из казны жильё, коня, одежду и оружие». Опечатано личной печатью его величества, как видите.

Охи и ахи ощутимо усилились, многие завистливо смотрели на Дилля — ещё бы, мало кому из Тригорода вообще удавалось увидеть короля, не говоря уже о том, чтобы служить ему. Курьер с некоторым сомнением посмотрел на тощего драконоборца.

— Вы, сударь, действительно одолели того дракона, чья голова висит на колу?

Дилль только кивнул, всё ещё не веря своему счастью.

— Тогда собирайтесь, его величество требует, чтобы вы прибыли в столицу как можно быстрее.

— Вот, даже король оценил... — Парень умолк в порыве скромности и только спросил у курьера: — Когда ехать?

— Немедленно, как только соберёте необходимые в дороге вещи. Остальное получите в столице от щедрот казны.

— А почему такая спешка? — спросил Дилль.

— Дело в том, что провинцию Неонин, что на самом юге королевства, уже больше месяца разоряет дракон. Разрушил город, испепелил многие деревни, жрёт всех, кто попадает к нему на глаза, и никого не боится. Маги, например, против него вообще бессильны. Его величество отправил на юг сначала лучших охотников, потом просто добровольцев, но никто назад не вернулся. Несколько беженцев, что сумели спастись из горящего

Неонина, рассказали, что дракон всех охотников изжарил. Ну не всех, конечно, некоторых он сожрал живьём... Эй, что с вами?

Дилль вдруг покачнулся и, закатив глаза, рухнул на стол пряником в тарелку с обедками.

— Это у него от радости,— предположил Флит Кривой.— Всё-таки сам король обратил на него внимание.

— А, тогда ладно,— курьер потёр покрасневший от холода нос.— Проклятый дракон лишил королевство лучших охотников и егерей. Надеюсь, ваш Диллитон сумеет его изничтожить...

— Сумеет, сумеет,— загалдели со всех сторон.— Вон он какое чудовище сразил!

— А-а, бросьте, ну какое это чудовище! Башка, что висит у вас на площади, всего-то размером с телёнка, зубы острые, не сточившиеся, да и цвет зелёный. Это же молодой дракон был, можно сказать, птенец ещё. А вот в Неонине зверствует старый, матёрый драконище! Чёрный, как зимняя ночь...

Дилль, наконец пришедший в себя, услышал эти слова, успел подумать «говорили же мне, хватит врать» и снова потерял сознание.

ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Анна Ахматова. Родная земля

Голоса во тьме. Они никуда не зовут. И даже не пугают. Просто игнорируй их — все пройдет. Помечтай о бане. Сауне, полной голых потных мужиков...

— Эй,— заговорил со мной мрак.

Игнорировать.

— Ника! — все тот же хрипловатый женский голос.

Тяжелая рука легла на плечо, отогнав остатки сна.

— Проснись, рыбка,— услышала я другой голос.— Вставай, солнце. Сейчас же, паршивка!

Я сделала глубокий вдох. Холодный, с неизменным привкусом пыли воздух. И медленно открыла глаза. Откинув потертое одеяло, села в гамаке.

Атаро, первая и, наверное, последняя космонавт-ашанти, мягко убрала руку с моего плеча.

— Проблемы на запуске.

— Но старт не сегодня... — не подумав, брякнула я.

Резервный «грузовик» должен был подняться с мыса Канаверал через три дня. Основной, взлетевший с Байконура, лежал где-то на дне Тихого океана.

— Долбанный запуск отменяется, цыпа,— сказал Колин, командир экипажа.— Поднимайся, Ника. Идем...

На гибком экране у дальней стены мелькали зернистые кадры. Гигантская ракета, подмяв под себя останки стартовой фермы, лежала на боку, словно выброшенный на берег кит. Третья грузовая ступень отломилась при падении. Десятки тросов с крюками, с полсотни лошадей — вот как они ее свалили. Орда мужчин и женщин в рваных шортах и футболках курочила ломami обшивку ракеты. Вокруг мертвецы в такой же, только окровавленной одежде: зелено-багровые ошметки — все, что осталось от охраны.

— Бессмысленный и беспощадный... — пробормотал Юрий.

— Что? — удивился Колин.

— Вилы и обрезы,— снова непонятно ответил Юрий и отвернулся.

Атаро промолчала. Я тоже.

Из вертолета, зависшего над бетонкой недалеко от камеры, прыгали десантники в бронежилетах. Реденькая цепочка, покусывая толпу вспышками выстрелов, на несколько минут сумела отсечь грабителей от добычи. Десятки неподвижных и корчащихся тел. Затем сотни оборванцев хлынули волной, смели, погребли под собой защитников. Всё...

— Адью, бургеры и картофель фри,— сказал Кол.

— А'фидерзеен, кислород,— прошептала Атаро.

— Будь здоров, мини-реактор,— добавила я, глядя, как упряжка лошадей волочет по земле громоздкий контейнер.

— Пойду-ка еще разик проверю систему очистки,— Юрий повернулся и, неуклюже топая, вышел.

Прощай, цивилизация...

* * *

Сегодня — моя очередь. Мешок с грибами куда больше меня, и я с трудом доплелась от теплицы до жилого модуля первой марсианской базы. Экипаж ждал меня у выхода из шлюза. Грибы — единственное, что растет здесь, на Марсе. Только они разнообразят наш «паек» из соевых концентратов. И вообще, это не

грибы, а генетически модифицированный лишайник: красноватый, пористый, с белесой сеткой сладковатой грибницы.

— Да здравствует вкусная и здоровая пища! — усмехнулся Колин, снимая с меня шлем.

— Чего желают ваше величество? Фаршированных или в соусе бешамель? — спросила я.

Три недели переговоров с Землей. Мы отчаянно нуждаемся в продуктах, запчастях и технике. У них закончились ракеты. Денег на новые не было. Оставались только китайцы — южные имперцы.

— Полагаю, верные вассалы обойдутся водкой и шляхами, — Колин пожал плечами и передал мне витаминную таблетку. — Они предложили нам «грузовик» с полным комплектом.

— В обмен на?.. — уточнила Атаро.

— Мы доставляем их вымпел на Олимп.

— Выкуси! — сказал Юрий. — Наша планета не продается за гнилой рис и сушеную курятину.

Наша планета?

* * *

Через шесть недель, когда пылевая буря загнала всех внутрь станции, мы сгрудились перед экраном в ожидании прямой трансляции запуска китайской «Миссии Милосердия». Двести пятьдесят миллионов километров — не помеха, чтобы попиариться на чужой счет.

По случаю праздника все немного подшофе. Грибная водка, Юрий называет ее «мухоморовкой», мутновато-красная, злая и вонючая, как взбесившийся скунс. Самое то. Стимулирующие на-ноинъекции уже выработали свой ресурс, а новых не предвидится.

Допотопный цифровой канал давал мутноватое изображение — и на том спасибо. Пусковой комплекс — морская платформа. Кусочек щемяще-голубого неба. Белый столбик ракеты с широкой головной частью. Остальное не разобрать.

— Похоже на лингам, — хихикнула Атаро.

Она меня раздражает. В то время как моя грудь скукожилась до двух прыщиков «нулевого» размера, ее бюст нахально

выпирает даже из-под безразмерного комбинезона. Иногда я ее просто ненавижу. Не за сиськи, а за тупой оптимизм. Я молча показала ей средний палец.

Атаро ухмыльнулась и открыла рот, чтобы отмочить еще что-нибудь, но Кол остановил нас. Полковник Колин Ховард не любит женских боев в грязи.

— Готов поспорить на штуку конфедеративных гугл-долларов, что ракета накроется на старте,— сказал он.

— А я думаю, это пластиковый макет,— ответил Юрий и взъерошил «ежик» на голове, красноватый, как и все на базе, от вездесущей пыли.— Ставлю тысячу нью-баварских рейхсталеров.

— Что скажут дамы? — отвесил галантный полупоклон Кол.

Сложив руки на груди, Атаро глянула на меня сверху вниз. Темная кожа морщит там, где когда-то были скульптурные бицепсы. Она потеряла в весе столько же, сколько каждый из нас. Но сиськи...

— Вы с Юрием все еще партнеры? — спросила я.

— Если ты о том же, что и я,— то да!

Намеки, двусмысленности. Месяц назад я застала Атаро в гамаке Юрия. Парные гамаки — единственный популярный вид спорта на Марсе. Жалкая иллюзия интимной жизни. Сексуальное недоедание. Витаминное голодание. Головокружения. Усталость. О чем это я?

Вспышка! Облако дыма заволочло стартовую платформу. Мы затаили дыхание — сэкономили несколько глотков кислорода. Юрий украдкой перекрестился. Колин заметил и неумело повторил его жест. Я сделала лучше: мысленно читала «Отче наш», а вслух повторяла: «Харе, Кришна! Харе-харе...»

— Как думаете, молитвы тоже распространяются со скоростью света? — подняв глаза к потолку, произнесла Атаро и сразу же получила ответ.

Ракета яркой звездочкой уходила в небо. Она летела к Марсу. К нашей планете. Нам осталось дышать пыльным воздухом, пить переработанную мочу и давиться красными грибами всего двести тридцать девять дней.

И будет всем счастье...

* * *

Двести тридцать девять дней — это очень много. На Земле появилось шестьдесят пять новых государств, двадцать три были захвачены или уничтожены, а потом у нас полетела антенна. Атаро и Колин сутками бились над восстановлением связи. Юрий клялся, что видел в телескоп на ночной стороне Земли вспышки, как минимум, четырех ядерных взрывов. Земляне были очень занятыми людьми. На Марсе же нас стало немного меньше. А точнее — меня.

Два месяца назад Колин, Атаро и я расчищали площадку для китайского посадочного модуля. Пиропатрон, который должен был расколоть валун, неожиданно взорвался и вызвал оползень. Атаро и Кола накрыло каменным крошевом. Меня ударило в грудь, сбilo с ног, понесло вниз по склону и заклинило в какой-то расщелине.

«Юрий, это Ника! SOS! Юрий! — повторяла я без конца, стараясь не слушать тонкий свист уходящего из пробитого скафандра воздуха. — SOS! Юрий!»

Но первой меня нашла Атаро: она скатилась по осыпи и, прихрамывая, двинулась в нужную сторону.

«Атаро, я здесь! — Покрытый пылью, помятый шлем повернулся. — Сюда!»

Она не ответила: наверное, повреждена антенна. Мне удалось освободить правую ногу, но левая, засыпанная, не поддавалась. Пульсирующая боль, судороги. Каменная пирамида вздрогнула, с нее сорвался и покатился вниз камень, затем второй. Я оглянулась и закричала. Камни скользили в пропасть.

«Спокойно, Ника. Я близко, — раздался в наушнике голос Юрия. — В чем дело?»

«Шевелись! Сейчас здесь все рухнет!»

Каменный ручеек пересек дорогу Атаро. Она отскочила и пошла в обход. Еще одна красноватая фигура возникла выше по склону.

«Вижу тебя!» — Юрий прыгал с камня на камень по ожившей, сползающей вниз осыпи. За ним ковылял Колин с ящиком: наверное, волок спасательный комплект.

Атаро и Юрий добрались до меня одновременно. Быстро откопали левую ногу. Лучше бы они этого не делали. Месиво... Я закрыла глаза.

«Никушка... прости...» — прохрипел Юрий и начал накладывать жгут ниже колена.

Было не очень больно.

* * *

В день «Ч» я взяла управление модулем на себя. Кол дежурил на дубль-пульте. За нашими спинами Юрий и Атаро шумно облачались в скафандры.

— Ас, ювелир! С точностью до сантиметра,— выдохнул Колин, когда аппарат, едва заметный в облаке пыли, коснулся поверхности посадочной площадки.— Ура...

Я пожала плечами.

— Да, неплохо.

Затем втроем на двух роверах и последних аккумуляторах они отправились разгружать «гуманитарку». Я набрала код, и люк китайского «марсолёта» открылся.

«Ника, модуль! Он... маленький какой-то»,— сказал Юрий.

— Ха-ха, очень смешно... — проскрипела я.— Какой дали — такой посадила.

«Нет, серьезно! — подтвердила Атаро.— Раза в три меньше обычного „грузовика“».

Кожа под протезом немилосердно зудела. Новую ногу мне собрали ко дню рождения. Я уже почти к ней привыкла. Нет, вру — смирилась.

Послышались проклятья на трех языках разом. Из раскрытого люка выбрался «марсоход» с красно-желтым вымпелом Южно-Китайской Империи на антенне и двинулся в сторону Олимпа. Три ярких вспышки на секунду выбелили марсианский пейзаж. Аппарат, потеряв шесть колес из восьми, пошел юзом и опрокинулся.

Больше в грузовом модуле ничего не было. Спасибо тебе, Земля...

Почти весь следующий день мы трудились над флагом Марса. В ход пошли куски красного шелка от трофейного вымпела.

Верхнюю часть зачернили копотью с теплозащитной плитки посадочного модуля. Две серебристых луны, Фобос и Деймос, вырезали из неисправных солнечных батарей. Флаг установили в центре базы — на вечные времена.

Марс, мать вашу, не продается!

* * *

— Считаем еще раз,— севшим голосом сказал Колин.— Следующий урожай... через две недели даст нам дополнительно сто двадцать тысяч килокалорий. Если мы запустим хлореллу в резервные баки с водой — получаем столько же. Дрянь, но съедобно.

Зубчатая линия на мониторе показала, что продуктов хватит в обрез.

— Значит, ждем еще две недели,— сказал Юрий.— Только вот эффективность очистки снижается. Восстановить фильтры можно — частично, еще на пару раз хватит. А дальше...

Я построила еще один, оранжевый, график на мониторе и повернулась к Колину:

— Горючка. Сколько нам досталось от земных щедрот?

Моя новая нога пронзительно скрежетнула по полу. Колин поморщился. Непроизвольные движения. Нужно их контролировать.

— Три... — ответила вместо него Атаро, тяжело дыша, словно только вышла из шлюза.

— Отлично. Три тонны,— я ввела данные, и появился третий график — зеленый.— Можно слетать к Юпитеру — если вдруг взбретет...

— Нет, Ника,— покачал головой Кол.— Три сотни: триста килограммов.

— Да провались все!..— вырвалось у меня.

И я точно знаю: это о Земле...

* * *

Двое суток мы готовили план «Б». Кол приказал экономить пайки, но есть и не хотелось. Юрий колдовал над фильмами.

Я зарылась в расчеты. Атаро присматривала за мной, разминала плечи, массировала кулю.

— Не волнуйся,— шептала она.— Ты все успеешь.

«Да по фигу...» — думала я, но, в конце концов, сказала: «Финиш!»

— Получилось, Ника?

— Чертова арифметика. Еды хватит на триста пятнадцать дней, если урезать пайки еще на четверть и свалить отсюда сразу после нового урожая.

— Мы столько не протянем,— сказал Юрий: когда врач беспокоится о здоровье — это хорошо.

— Придется,— отрезал Колин Ховард, правильный командир.

— Кислорода набирается на триста семьдесят дней, если...

— Что? — вскинула голову Атаро.

— Если Юрий обеспечит работу фильтров и полусуточный сон экипажа — пусть хоть «мухоморовкой» спаивает. Кислород нужно экономить.

— Ясно.

— А вот с топливом — полный привет: только долететь... — Я вывела на монитор все более-менее реальные варианты. — Садиться придется с сухими баками.

— Но ведь... — подала голос Атаро,— нас спасут? Снимут с орбиты...

— Кто?

Тяжелое молчание нарушил Колин:

— Торможение в атмосфере!

— Гениально,— хмыкнула я.— Но есть одна мелочь: никто и никогда этого не делал.

— Запускай комп. Ты должна все проверить. Все цифры...

— Нафиг цифры! Нужен резерв топлива. Иначе модуль превратится в летающую сковородку.

— Ника,— улыбнулся Юрий,— так ведь и на Марс никто не садился — до тебя.

— Ну... — Это было правдой.— Гуляйте, советнички, а я еще посчитаю.

До стартового окна оставалась куча времени.

Одиннадцать дней...

* * *

Я задремала прямо в кресле под успокаивающий лязг: Юрий снова перебирал филтры. И мне приснились заходящее солнце, алый лед, лиловые облака. Чужая планета — не Марс и не Земля. Проснулась в темноте от прикосновения холодной ладони. Кол погладил меня по щеке и грустно улыбнулся.

— Ты ведь знаешь правильный ответ, котенок?..

Я промолчала.

— Экипаж — три человека.

— Что?!

— У меня рак. Я остаюсь. Экипаж — три... марсианина, — и он снова улыбнулся.

— Какого!.. Ага, рак... Как ты прошел медкомиссию, Кол?

— Временная ремиссия.

— Да врёт он все! — хриплым голосом выпалил из своего угла Юрий. — Это у тебя геройская болезнь, а не рак!

— Это не... — поджал губы Кол.

— Что за шум, а драки нету? — Еще и Атаро заявила.

И понеслось...

Юрий кричал на меня. Атаро кричала на Юрия. Кол, вскочив с командирского кресла и сжимая кулаки, орал громче всех, приказывая заткнуться. Впрочем, перебранка длилась недолго, истощение и усталость дали о себе знать.

— Ладно, сдаюсь... — Я подняла руки. — Кол прав, денег хватит только на три билета.

— Юрий, тащи сюда ящик с инструментами, — поиграв желваками, распорядился Кол. — Вот же раздолбай... Марсианская демократия в действии.

Через минуту Юрий вернулся, и Колин, сунув руку в ящик, выудил три разноцветных проводка: синий, красный и черный.

— Но... — начала было я.

— Потому что ты — пилот, — ответил Колин, не дав мне договорить.

— Да все здесь пилоты! А я — безногая калека! Я останусь.

— Атаро,— спросил Кол,— какой у тебя процент успешных посадок на симуляторе?

— Сорок восемь.

— Юрий?

— Пятьдесят четыре.

— И у меня — шестьдесят шесть,— подытожил Колин.— Как насчет тебя, ёжик-безножек? Ну?!

— Девяносто семь.

— Вот и заткнись! — устало сказал Кол.

— Но я могу посчитать еще варианты!..

— Время. Каждый день — это минус четыре пайка и шесть кило кислорода,— Юрий на стороне Кола.

— Но...

— Нам нужна ты, Ника,— и Атаро туда же.

— Хорошо, играйте в спички...— капитулировала я,— соломинки, или как там их...

* * *

В кулаке Колина — три проводка.

Красный.

Синий.

Черный.

Атаро тянула первой. Черный. Длинный... Всклипнув, она прижалась ко мне.

Юрий смотрел Колину в глаза. Правая рука замерла над двумя оставшимися проводами. Красный или синий? Синий или красный? Его ладонь дернулась в одну сторону. В другую. И так несколько раз. Пальцы дотронулись до красного, но в последний момент выхватили синий проводок. Длинный.

И стало тихо, как в космосе. Глядя на синий, никому не нужный обрезок, Юрий вздрогнул. Кол усмехнулся и сунул последнюю «соломинку» в карман.

— Юрий, а не найдется у нас в заначке «мухоморовки»? Кажется, я начинаю входить во вкус...

Мы даже засмеялись. Поужинали, выпили. Кол сказал, что откладывать до утра нет смысла. Юрий не выдержал:

— Кол, ты ведь обдурил меня, как сопляка! — Он посмотрел на меня, на Атаро.— Надул, обжулил... Я смотрел ему в глаза, и, когда дотронулся до красного,— он мигнул.

— Да я же больше года толком не спал, дурья твоя башка,— Колин дружески ткнул Юрия кулаком в тощий бок.— Нервный тик: конечно, я моргнул.

Обняв каждого на прощанье, Кол надел скафандр с пустым баллоном и ушел в ночь. Мы видели через иллюминатор площадку, над которой бледно-розовый Фобос праздновал полнолуние. Полковник Ховард отсалютовал флагу, лег на темный песок лицом к звездам и отстегнул шлем.

Он умер марсианином...

* * *

Утром мы похоронили Колина под флагом, собрали урожай и взлетели. До Земли — триста шестьдесят пять дней пути.

Я закрываю глаза и вижу выплавленную на плите серого песчаника эпитафию: «Здесь лежит первый марсианин». Я открываю глаза и вглядываюсь в космос. Голубоватая искорка прячется где-то в звездном мареве.

Земля. Колыбель человечешек...

Марсиане идут!

МОЙ ДРУГ — ДРАКОН

Как всегда, непосредственно перед самой схваткой, буквально за пару минут до выхода на Арену, Птарх разнервничался. Нервно шкрябал здоровенными когтитыми лапами утоптаный земляной пол вольера, взрыкивал глухо и сопел, выпуская из раздувающихся ноздрей такие потоки воздуха, что хватило бы на средних размеров духовой оркестр. Мстислав, не прекращая проверять ремни и крепления, привычно похлопал зверя по морщинистой спине, мысленно шепча Птарху слова ободрения.

Религиозные фанатики могут говорить о драконах что угодно — «биороботы», «тупые рептилии», «противные Господу твари» — всех эпитетов, которыми награждали гигантских ящеров, не сосчитать. Для людей, приписывающих право сотворения новой жизни мифическому бородатому старику, это единственная возможная правда. А правда, как известно, у каждого своя. Для космозоологов драконы — куски глупого невкусного мяса, фарш из которого не станут жрать даже на периферийных планетах. Для счетоводов Компании — дорогостоящий и сверхприбыльный бренд. А для Мстислава правда заключалась в том, что Птарха он рассматривал, в первую очередь, как напарника. И только потом как двадцатитонную рептилию, с зубастой пастью и огромными когтитыми лапами, способными превратить человека в жидкое кровавое месиво.

Что бы там ни говорили белые халаты с учеными степенями, Птарх все прекрасно чувствовал. Чувствовал и понимал. Вряд

ли на тактильном уровне — его толстую шкуру не всякое оружие пробивало. С равным успехом Мстислав мог похлопать обшивку звездолета, в надежде приласкать бортовой компьютер. Скорее уж именно на ментальном, хотя эту возможность отрицали особенно яростно и сторонники, и противники драконов. Вот и сейчас, словно услышав мысли наездника и устыдившись собственной паники, Птарх смущенно вывернул лапой огромный пласт земли, опустил лобастую голову и, оглушительно хрюкнув, окончательно успокоился.

— Пусть смерть настигнет наших врагов! — прошептал Мстислав обязательную предбоевую мантру.

Мягко утопив рычаг управления, он хлестнул Птарха слабым электрическим разрядом, и зверь тяжело двинулся к медленно поднимающейся решетке ворот. Только жирные туристы и их не менее жирные дети могут думать, что управлять такой машиной можно при помощи копья, как это часто показывают в фантастических фильмах. Нет, конечно, у Мстислава было копьё — отличная стилизованная палка! И не беда, что украшающие ее зубастые черепа сделаны из пластика, а боевой наконечник не заточен. Туристы, прибывшие на Вижму за экзотикой, видят грозное оружие, которым высший разум подчиняет себе гору мышц, когтей и клыков. И незачем им, тратящим свои кровные денежки, знать, что все гораздо прозаичнее, и управляется рептилия джойстиком, чуть сложнее обычного игрового.

Птарх набирал скорость, и у самых ворот Мстиславу пришлось слегка приструнить его. На Арене нужно появляться неспешно, как и подобает неоспоримым Чемпионам. Законы шоу надо уважать. Это знает каждый, кто выступает перед многотысячной аудиторией. Покажи толпе то, что она хочет увидеть, и она вознесет тебя на вершины, доступные одним богам. Наплюй на ее ожидания, и она втопчет тебя в грязь быстрее, чем любая многотонная ящерица. Мстислав Власов, самый рейтинговый наездник самого кассового реалити-шоу за последние двести с лишним лет, тоже знал и уважал законы шоу. А потому на Арену Птарх вышел вальяжным шагом грозного повелителя ринга и, перекрывая ставшее уже обыденным завывание конференсье «Не-пааааа-бе-ди-мыыыый Птааааааарх!» и гомон трехсот

тысяч глоток, издал громогласный душераздирающий рев. Его даже не нужно было понукать очередным разрядом. Птарх тоже знал и по-своему уважал законы шоу. И Мстислав плевать хотел на то, что по этому поводу думают космозоологи.

* * *

Когда в бар ворвался Махмуд, один из самых перспективных молодых наездников, Власов был уже слегка «навеселе». Он мило трепался с сидящей рядом стройной туристочкой, не забывая подливать в ее кружку местное бренди. Вечер обещал закончиться бешеными потрахушками с симпатичной девушкой, сходящей с ума по всякой чудной экзотике, вроде наездников на драконах.

— Вы тааакой смелый!

— Ваш дракон тааакой страаааашный!

— Как вы им управляете? У вас, должно быть, очень сильные руки!

Набор стандартных фраз и впечатлений — от нее. Ей хотелось приключения.

— Как-то раз, на Арене, Птарху сильно разорвали лапу. Он тогда чуть не истек кровью...

— Когда Птарх был маленьким — ну в смысле всего два метра — он часто болел...

— Когда Птарх стал Чемпионом, его полгода не выпускали на Арену. Он рвал всех в такие клочки, что лечение драконов влетало в копеечку...

Истории, веселые и грустные, но всегда правдивые и всегда о Птархе, — от него. Мстиславу хотелось жениться.

Но пойдй найди среди заезжих ветреных дурочек настолько сумасшедшую, что согласилась бы связать свою жизнь с наездником? Если бы хоть одна заинтересовалась чем-то, кроме его «сильных, мускулистых рук», стоило бы встретиться с ней повторно. Сегодня явно не тот случай.

Мстислав настолько увлекся, что не сразу понял, что произошло, когда милую мордашку туристки вдруг заслонила мрачная бородатая физия Махмуда.

— Славка, беда, — выпалил тот.

И по его голосу Власов сразу, еще не зная в чем дело, понял: действительно — беда.

— Славка, ящеров увозят!

* * *

В фойе отеля Власов столкнулся с Егором Челновым. Челнов был одним из первых колонистов Вижмы, владельцем единственной на планете гостиницы и старым другом Мстислава. Увидев товарища, Егор расплылся в широкой, хоть и несколько грустной улыбке и раскинул руки в объятиях. Мстислав ограничился кивком и, игнорируя лифт, пешком побежал на четвертый этаж, где располагались номера люкс. Следом за ним бросился резко помрачневший Челнов.

— Славка! Славик, подожди!

Низкорослый, коротконогий Егор не успевал за Мстиславом и, пытаясь не отстать, быстро семенил нелепой медвежьей походкой. С трудом догнав его между третьим и четвертым этажами, Челнов крепко ухватил Власова за руку.

— Да стой же ты, кретин! — Вконец отчаявшись, Егор повис на друге, вцепившись толстыми пальцами в цветную гавайку.

Уступив напору, Мстислав остановился посреди коридора. Серdito оторвав Егоровы пальцы от своей рубашки, нетерпеливо спросил:

— Ну?

— Баранки гну! — внезапно озлился Егор. — Ты чего? Не соображаешь, куда прешь? Это тебе, друг мой ситный, не в баре морды бить! Сдохнуть хочешь, придурок? Валяй! Держать не стану, скотина неблагодарная!

В сердцах сплюнув прямо на ковровую дорожку, Челнов, иссякнув, рухнул в стоящее рядом кожаное кресло и насупился. Мстислав, как-то враз остыв, присел рядом на корточки.

— Эй... — Он легонько ткнул товарища кулаком в плечо.

— Зовут лошадей! — огрызнулся тот. Дрожащей рукой выбил из пачки сигарету, зашарил по карманам в поисках зажигалки. Не найдя, принялся вертеть сигарету в пальцах. — Герой, мать твою за ногу, — ругнулся он. Сигарета летала между пухлыми

пальцами, мелькая оранжевым фильтром.— Это ж не ханыга кабаккий, чтоб ему рожу бить! Это Контролер! Да тебе даже подойти к нему не дадут. Грохнут нахрен и будут правы.

— Да ладно, грохнут?!

— Ты думаешь, я тебе шутки шучу? Нет, люди, вы посмотрите! — обращаясь к невидимой аудитории, всплеснул руками Егор.— На Вижме введено чрезвычайное положение, а этому идиоту все игрушки! Врывается в расположение Контролера Верховного Совета с ящерицей наперевес! Ты хоть представляешь, насколько все серьезно?

— Нет. Может, хоть ты объяснишь?

— Да что тут объяснять? — Челнов тяжело вздохнул.— По приказу Совета Компания сворачивает всю деятельность и эвакуирует с планеты все свои филиалы...

В повисшем внезапно молчании Мстислав перебрался на диван. Как сомнамбула, отобрал у Егора сигарету, достал из кармана зажигалку. Крутанул колесико внезапно задрожавшим пальцем. Долго смотрел на пламя, словно пытаясь вспомнить, для чего оно ему потребовалось. Подкурил. Глубоко затянулся. Надрывно закашлялся. И, только когда в горле перестало першить от едкого дыма, когда сигарета дотлела почти до фильтра и стала пощипывать пальцы, он коротко спросил:

— Когда?

— Неделя на эвакуацию,— развел руками Челнов.

— Неделя,— задумчиво повторил Мстислав. Тлеющий окурок выпал из его безвольных пальцев и упал на ковер. Мстислав вдруг резко подскочил и заозирался вокруг невидящими глазами.— Ты прости, Егорушка,— тихо пробормотал он.— Тороплюсь я, ага? Рад был тебя увидеть.

И быстро побежал по ступенькам вниз.

— Ты куда, оглашенный?! — крикнул ему вслед Егор.

— Ребят собирать,— не оборачиваясь, бросил Мстислав.

После его ухода Егор еще долго сидел на диване, глядя, как от тлеющего окурка по ковру расплзается черное горелое пятно.

— А, гори оно все — синим пламенем! — прошептал он себе под нос.

Но все же, уходя, затоптал окурок ногой.

* * *

— ...согласно нашему источнику в Министерстве Управления Звездными Колониями, ученые обнаружили на Вижме-4 неизвестный доселе вид млекопитающих, потенциально способных развиваться в разумную гуманоидную форму жизни. Согласно пункту 1 статьи 913 «О невмешательстве в естественный процесс развития разумной жизни во Вселенной», Компании, занимающейся выработкой месторождений полезных ископаемых на Вижме-4, предписано эвакуировать с планеты весь персонал, включая всем известных наездников, героев реалити-шоу «Драконы» — самого рейтингового шоу нашего времени. По нашим данным, эвакуация с Вижмы-4 длится уже четвертые сутки и должна завершиться в течение двух-трех дней. Известно, что новость о закрытии «Драконов» уже вызвала многочисленные акции протеста среди фанатов шоу не только на периферийных планетах, но и...

В личных апартаментах Мстислава было душно, накурено и густо воняло брагой. Сизый дым клубами висел под потолком, перекатываясь, живя своей, непонятной людям, дымной жизнью. Кроме него и Мстислава, в комнате никого не было уже два дня. На полу перед кроватью валялась гора бутылок и пустой блок из-под сигарет — привезенных прямо с Земли, невероятно дорогих даже для гонораров наездника. Тщательно хранимых на вечеринку в честь пятилетия Птарха и таких никчемных теперь.

Уже двое суток Мстислав пил не просыхая. С того самого дня, когда они группой наездников все-таки пробились на прием к Контролеру. Пил, курил и смотрел новости.

— ...прямое включение с нашим корреспондентом Рудольфом Арчером. Рудольф?

— Доброго времени суток, Энна! Наша съемочная группа сейчас находится на Вижме, возле Главного офиса Компании, где, по слухам, проходит совещание совета директоров Компании и Контролера Верховного Совета. По имеющейся у нас информации, дирекция Компании будет настаивать на продлении срока эвакуации. К чему приведут данные переговоры — гадать пока бессмысленно, но уже сейчас известно, что девяносто процентов

оборудования будет утилизировано прямо на Вижме, ввиду его нерентабельной транспортировки. Материальные свидетельства присутствия Человечества на этой планете будут уничтожены полностью. Кроме того, куратор дочернего предприятия Компании, реалити-шоу «Драконы», заявил на сегодняшней пресс-конференции...

Лощеного корреспондента сменил видеоряд, на котором Мстислав с удивлением увидел себя верхом на Птархе.

— ...рептилии, принимавшие участие в съемках шоу, модифицированы генетиками Компании из местных форм жизни, являются собственностью Компании, а потому подлежат утилизации наравне с прочим оборудованием...

Мстислав взвыл сквозь стиснутые зубы и с силой швырнул стакан в монитор. Промаяхнулся. Ударопрочный стакан отскочил от стены, упал на пол и, разливая остатки недопитого самогона, закатился за кровать. На экране, под сочный голос корреспондента, Птарх пластал на кровавые лоскуты очередного претендента на трон.

— Птарх, дружище, сделай его! — заорал Мстислав. — Сделай их всех, и я куплю тебе живую свинью! Огромный кусок сочного живого мяса!

— ...в настоящий момент все ящеры собраны в карьерах, оставшихся от выработок Компании. Для утилизации рептилий будут воссозданы условия Ледникового периода. В этом случае, при обнаружении останков аборигенами, произошедшее будет укладываться в стройную картину развития жизни на Вижме-4...

Мстислав зарычал и злобно пнул ненавистного диктора прямо в лицо. Монитор с грохотом рухнул на пол, утягивая за собой шнуры, пепельницу, вездесущие бутылки и разный мелкий хлам, но не отключился. Продолжая трансляцию, из динамика лился все тот же четкий, поставленный голос диктора:

— ...удивление вызвал тот факт, что наездники не только не организовали ни одной акции протеста, но и вообще никаким образом не выразили своего недовольства. А ведь некоторые ученые считают, что между наездником и «драконом» за несколько лет совместных выступлений вырабатывается прочная

ментальная и эмоциональная связь. Так, например, доктор Канавин в свое время выдвигал теорию...

Мстислав спиной упал на кровать и совершенно одуревшим взглядом вгрызся в потолок. Хотелось... *рвать когтями, зубами, ногами топтать маленьких человечков, которые разлучили с лучшим другом. Было холодно ...несмотря на то что температура упала всего до +25 по Цельсию. ...и очень тесно из-за прижавшихся почти вплотную огромных чешуйчатых спин. И, кажется, с последнего боя сильно расшатался левый верхний клык.* Но главное, из-под всех этих мыслей упрямо выползала одна. Распихивая подруг, она змеей рвалась наружу из узкого лабиринта чужого разума. Рвалась и злорадно кричала... *забыли! оставили! бросили!*

* * *

Заметно похолодало. Зябко ежась, Мстислав стоял у входа в орбитальный челнок. Ветер трепал волосы, норовя забросить спутанную, давно не мытую челку на глаза. Власов не сопротивлялся. Глаза были красные, неживые. Как в тот раз...

...как в тот раз, когда Птарха отравил один из наездников, претендующих на титул Короля Арены. И все, что мог сделать Мстислав, — это избить конкурента до полусмерти. Тогда дело замяли с обеих сторон, не желая выносить сор за пределы Компании — это могло отразиться на рейтинге. А Птарх лежал неподвижно в своем вольере огромной двадцатитонной тушей, беспомощный, как котенок. И Мстиславу оставалось только орать на нерасторопных ветеринаров и каждый вечер надираться в дрова. Он ночевал в вольере две недели, не отходя от Птарха ни на секунду. Сам кормил, сам чистил наждачно-шершавую шкуру, сам убирал. И каждый вечер, сидя рядом с тяжело дышащим Птархом, хлеща прямо из горла ядреный местный самогон, он тихонько повторял, словно мантру...

— Выздоровливай, дружище... Вот слетаю на Землю, привезу тебе настоящую живую свинью... Знаешь, как вкусна настоящая живая свинья, Птарх? Ты только выздоравливай, дружище...

— Мистер? — раздался над ухом участливый женский голос. — Мистер, вам нездоровится?

Мстислав отрешенно посмотрел на стоящую у трапа стюардессу и отрицательно мотнул головой. В последний раз окинув тоскливым взглядом взлетную полосу и далекое здание аэропорта, он поднялся в челнок. Проходя по салону, Власов избегал смотреть по сторонам, хотя и знал, что бывшие наездники точно так же прячут глаза.

Закинув рюкзак в багажный отсек, он плюхнулся в кресло, даже не посмотрев в сторону ремней безопасности. «Как же мы все похожи,— мельком подумал Мстислав.— Мы возьмем отсюда только самое необходимое. Рюкзак с минимумом вещей, документы и кредитку с полными выплатами за три будущих года, включая премиальные и неустойки. Компенсация за упущенную выгоду. Компенсация за предательство друга».

Но было еще кое-что. Груз, который не нужно декларировать ни на одной таможне Вселенной. Груз, за вес которого не сдирают сумасшедшие деньги при перевозке. Это груз воспоминаний. И если челнок поднимет его без труда, то справятся ли с ним плечи наездника? Пусть это даже самый рейтинговый некогда наездник самого кассового некогда шоу за последние двести с лишним лет.

Челнок, резко набрав скорость, взмыл в светлое, по-осеннему чистое небо.

— Вот прилечу на Землю, Птарх... Знаешь, как вкусна настоящая живая свинья, дружище? Знаешь? Вот прилечу..

Мстислав уткнулся лбом в холодное стекло иллюминатора и закрыл глаза. Из-под век, отяжелевших от долгой бессонницы и беспробудного пьянства последней недели, катились злые горячие слезы. С высоты летящего челнока было видно, как на влажную, распаренную землю Вижмы хлопьями падают первые, невиданные здесь ранее снежинки.

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Алиса сидела по-турецки на диване и небрежными взмахами ладони листала каталог одежды. Платья сменяли друг друга на её трехмерной голографической копии, которая прогуливалась взад-вперед между диваном и стеной, временами останавливаясь в эффектных позах.

— Не то, не то... — бормотала Алиса, — это полнит, а это не подходит к туфелькам... так, а вот здесь что-то есть... ай!

Денис подошел сзади, обнял, зарылся лицом в волосы. Полез ладонями под футболку.

— Уф! У тебя пальцы холодные, а-а-а... смотри, вот это — как тебе? Всего двадцать кредитов.

— Ты же знаешь — для меня ты прекрасна хоть в чем, — улыбнулся Денис.

— Ну я серьезно спрашиваю!

Денис протянул руку к визору, пошевелил пальцами, и с голограммы исчезла вообще какая-либо одежда. Стройная мерцающая брюнетка продолжала дефилировать вдоль стены, но теперь она демонстрировала уже только себя.

— По-моему, вот так — лучше всего.

— Хулиган!

На диване произошла короткая борьба с разбрасыванием подушек, в результате которой Алиса оседлала жертву, молотя ее кулачками по груди. Денис смеялся и пытался ее щекотать, Алиса визжала, но не покидала занятой позиции. Потом она на-

клонила к Денису, некоторое время они вдумчиво целовались, после чего парень сделал попытку перекатиться и оказаться сверху.

— Нет-нет-нет! — Алиса спрыгнула с дивана. — Через полчаса прилетят Верники, а я еще не мыла голову, и вообще. Вечером, ладно?

— Для настоящей страсти нет преград! — заявил Денис и попытался поймать ее за голую коленку, но потерпел неудачу. — Ну, заяц, погоди!

Алиса показала ему язык и унеслась в ванную.

Денис, в стильной белой куртке с выделкой под крупную чешую, вошел в комнату, похрустывая ультраджинсами.

— Марк звонил, они будут минут через десять... упс, а ты почему еще не одета?

— Смотри, — сказала Алиса.

Теперь голограмма изображала незнакомую девушку лет двадцати со светлыми волосами, стоящую по стойке «смирно» и одетую в безликий темно-синий балахон. Рядом — ее же в обнаженном виде. В обоих вариантах на ее шее красовался металлический ошейник, помаргивающий огоньками. Справа в воздухе плыли строчки текста.

Денис нахмурился.

— Что это вообще?

— Я не знаю, как сюда провалилась... искала платье на аукционах и нажала куда-то не туда. Сначала подумала, что это андроид, но — видишь зеленый маркер? Она человек! И ее продают с аукциона! Как такое может быть?

Денис тяжело вздохнул и сел на диван.

— Ты не хочешь одеться? В шортах и майке на фонтаны не полетишь...

— Подожди, давай сначала разберемся!

— Детка, ну... смотри, у тебя в параметрах поиска стоят рутовые установки. Ты искала по всем галактическим аукционам без фильтров. Ну и... нашла эту дрянь. Ничего особенного, обычный аукцион рабов.

— Как рабов?

— Ну что ты как маленькая... не везде же демократия четырнадцатого уровня, как у нас, на Селесте. Есть коммунистические планеты, есть деспотические. Неофеоды, анархии. Они чем только не торгуют — и рабами в частности.

— И гэс допускает это?

— А Галактический Совет уважает право местных анклавов на самоопределение. Демократии принимаются в Ассамблею с восьмого уровня, а диктатуры — с одиннадцатого, только и всего.

— Ужас!

— Ну уж как есть. Слушай, одевайся, они уже сейчас прилетят...

— Дениска,— севшим голосом спросила Алиса,— слушай, я сейчас подумала... а для чего их покупают?

— Лучше всего попасть в гарем к какому-нибудь богатею,— тихо, размеренно говорила темнокожая девушка, полулежа на скамье,— делай что говорят и живи на всем готовом. Но это должно сильно повезти. Нужно иметь внешние данные совсем супер и уметь что-нибудь особенное.

— Нас же всех... тренировали,— пискнула миниатюрная Джинни, сидящая на полу. Руками она обнимала свои колени. Всего в пересылочной камере, напоминающей длинный узкий пенал, отделанный металлом, их было пятеро — пятеро девушек в синем.

— Тебя учили простым вещам, которые все должны уметь. И еще — покорности,— вяло отозвалась негритянка,— а я сказала — особенное. Глубокая глотка, ходить на руках или играть на арфе или синт-клавесине. Петь. Хорошо петь. Танцевать на уровне...

Наташа закрыла глаза. При упоминании тренировок заныла шея и к горлу подкатила тошнота.

...Они сидели полукругом на полу помещения, больше всего напоминающего спортзал. Ошейник с непривычки натирал шею и вообще жутко мешал. Женщина лет пятидесяти, прохаживающаяся в центре, лицом и повадками напоминала жабу. Ядовито-зеленый комбинезон на ней еще более усиливал это сходство.

— Меня зовут госпожа Розали,— чеканила она,— я буду учить вас тому, что вы должны знать. Времени у нас мало, всего пара

недель, а вы пока что — никуда не годный, строптивый материал. Так что заниматься будем интенсивно. Для начала...

Она нажала что-то у себя на поясе, и Наташа задохнулась, ослепла на миг от боли. Шею словно прожгло каленым железом. Рядом истошно визжали, хрипели.

Несколько секунд — и всё кончилось.

— Это была интенсивность три, — сквозь всхлипывания окружающих девушек донесся до нее голос Розали, — шкала градуирована до десяти. Расторопно и полно исполняйте приказы, хорошо усваивайте уроки — и будете избавлены от этого. А кто будет лениться — познакомится с пятеркой. Или семеркой. А десятка, даже на пару секунд, сводит с ума или убивает процентов двадцать из тех, к кому применяется. Всё понятно?

— Да-а-а... — отозвался нестройный хор голосов.

— Что-то я вас плохо слышу, — сказала госпожа Розали, хлопая себя по поясу.

Когда Наташа снова смогла соображать, она поняла, что сорвала горло, — видимо, кричала. Девушка справа зажимала одну руку между ног, где по ткани балахона растекалось темное пятно, а пальцами второй остервенело царапала ошейник.

— Я спрашиваю, всё понятно?

— Да! Да!!! Да!!!

— Отлично. Считаем первый урок открытым. Итак. Хозяина называть господин или госпожа. Все приказания исполнять беспрекословно, быстро и радостно. Любые приказания. Давайте-ка в этом потренируемся...

— ...Но скорее всего нам светит бордель. Ничего хорошего, но это тоже терпимый вариант. Главное, чтобы не военный, там приходится очень много работать, — продолжала негритянка.

— Мерзость, — сказала Джинни.

Негритянка усмехнулась.

— Знаешь, что такое Театр Ужасов? — вкрадчиво спросила она.

— Нет...

— А я видела пару представлений в записи. Там берут раба и пытаются его на сцене несколько часов до смерти. Очень популярный на Дженахе аттракцион. Билеты дорогие, но каждый

вечер — аншлаг. Как ты понимаешь, рабы им постоянно нужны новые, и высокие цены их не смущают.

— Вот черт! — вырвалось у Джинни.

— Не сквернословьте, — тихо сказала до сих пор молчавшая наголо обритая девушка в дальнем углу, — со всеми сбудется, что предначертано. Следует всё принимать с благодарностью.

— О, да мы не немые, оказывается, — весело отозвалась негритянка, — как тебя зовут, тихоня?

— У меня нет имени. Я Двести Одиннадцатая-Тета-прим.

— Поня-ятно, — протянула негритянка, — тухлый вариант. Она родилась в рабстве, и ее с рождения правильно воспитывали. Такой скажешь — иди прыгни в окно, она пойдет и прыгнет.

— Приказания надлежит исполнять беспрекословно, быстро и радостно, — прошептала Двести Одиннадцатая.

— Тогда сделай одолжение, заткнись, а?

Наступило молчание. Джинни подергала негритянку за штанину:

— А что еще может быть хуже борделя?

— Да хоть что. Купит тебя какой-нибудь маньяк-садист или несколько таких — вскладчину. Тот же Театр Ужасов, только без сцены. Телеигры всякие на истребление, гладиаторские школы — это если физика хорошая, спортивный разряд есть. Медицинские центры могут купить на органы. Или чтобы хирургов тренировать...

— Органы выращивают, — сказала Наташа.

— Правильно, русская, выращивают, — отозвалась негритянка, — но только пока что это раза в четыре дороже, чем разобрать кого-нибудь на запчасти. Ничего личного, просто бизнес.

— Брррр, — повела плечами Джинни.

Дверь с шипением уехала в сторону. Повизгивая сервомоторами, в камеру вошел андроид-охранник. Модель была дешевой, и никто не позаботился даже об имитации лица — просто овальный кусок пластика со встроенными фотоэлементами.

Девушки съежились — за кем?

Андроид молча подхватил Джинни за шиворот правым манипулятором и потащил к выходу.

— Нет! Не-ет! Не хочу! — вопила та, перебирая ногами.

— Всё будет хорошо! — крикнула Наташа ей вслед.

Андроид увлек за собой девушку куда-то по плохо освещенному красным светом коридору. Дверь встала на место.

Негритянка осклабилась двумя рядами молочно-белых зубов.

— Русская, ты сама-то веришь, что всё будет хорошо? Даже не с ней. А, например, с тобой.

Совсем нет, пронеслось у Наташи в голове. Но лучше об этом не думать, а то можно сойти с ума.

— Расскажи что-нибудь еще, — попросила она.

В большое, во всю стену, окно было видно, как на лужайку перед домом садится флаер. Оттуда помахали рукой, но Алиса не видела — кусая губы, она читала строчки текста рядом с обнаженной голограммой.

Денис сделал приглашающий жест внутрь дома. Парень во флаере показал на часы. Денис повторил свой жест. Прилетевший пожал плечами и стал выбираться наружу. Его спутница воздела глаза к небу, но последовала за ним.

— Как ты сказал, бор-дель? — спросила Алиса.

— Да.

— Странное слово. Это что-то вроде госпиталя?

— Эм-м... не совсем.

— Тогда что это?

Денис объяснил. Алиса тупо посмотрела на него.

— Десяток и больше мужчин в день? Разных? Нелюбимых?

Он с трудом сдержал улыбку и кивнул.

— Долбанные ёлки, — произнесла Алиса самое страшное известное ей ругательство, — но почему они соглашаются? Почему не отказываются?

Денис объяснил.

— Я что-то похожее помню только из курса докосмической истории, — глухо сказала Алиса, — такие вещи как-то не вяжутся с сегодняшним днем. В древности всякое было, люди даже ели друг друга от голода, но не в двадцать пятом веке же!

— Тук-тук, — пропел молодой человек, входя в комнату, — ребята, так мы опоздаем к началу, а Гиттерийские Фонтаны осо-

бенно прекрасны именно в первые двадцать минут после начала представления... э, что это тут у вас?

— Привет, Марк,— отозвался Денис,— так, Лиска ошиблась аукционом. Мы уже собираемся...

— Я поняла, что мы сделаем,— сказала Алиса,— если нельзя иначе ее спасти, мы ее купим! Да, Денис?

Марк присвистнул. Спутница подошла сзади и приобняла его.

— Торги начинаются через две минуты! Сколько будет стоить ее выкупить?

— Не знаю, Лис. Но, скорее всего, дорого. Слушай, мы же собирались на Фонтаны...

Она посмотрела на Дениса так, словно видит его в первый раз.

— Фонтаны бывают каждый месяц, а тут живой человек!

Марк снова показал Денису на часы.

— Алис, каждый день продают и покупают тысячи рабов. Это данность, тут ничего нельзя изменить. Ты же вообще случайно попала в этот аукцион. Просто закрой канал и иди одеваться...

— Нет!

Денис вздохнул и развел руками.

— Марк, мы не летим,— грустно сказал он.

— Понятно,— улыбнулся тот,— удачи! Расскажите потом, чем кончилось.

Пара сбежала вниз. Слышно было, как они смеются, садясь во флаер. Немного спустя машина взмыла вверх и стремительно стала таять в голубизне ясного неба, превращаясь в точку.

— Ну вот, Фонтаны накрылись медным тазом...

— Началось! — подпрыгнула на диване Алиса.— Ура! Так, стартовая цена — пять... пять тысяч кредитов...

— Долбаные ёлки,— сказал Денис.

...Наташа, в шеренге остальных девушек, стояла на коленях перед ухмыляющимся типом в военной форме. Вдоль строя прогуливалась госпожа Розали и вещала:

— Плохо, девочки, плохо! Уже неделю мы с вами работаем, а от программы отстаем сильно, результаты ниже ожидаемых. Начальство ругает меня, поэтому я что? Поэтому я шкуру с вас спущу, сучки тупые!

Многие съежились, но болевого всплеска не последовало.

— Значит, так, работаем на время. Трое предпоследних получают тройку и повторную отработку задания. Последняя получит пятерку и тройную отработку задания. Закончили — подняли правую руку вверх и кричите: «Готово!» Всё понятно?

— Да, госпожа Розали!

— На счет три...

Военный напротив Наташи, сально скаля зубы на необъятной морде, расстегнул штаны.

— Раз, два, три!

Наташа рванулась вперед.

— Ты уверена, что поступаешь правильно? — мрачно спросил Денис.

— Представь, что ты находишься в рабстве. В этом, как его, бор-де-ле. Выкупая тебя, я поступаю правильно?

— Ты же ее совсем не знаешь!

— Ну и что. Она в беде.

— Сотни миллионов людей в Галактике в данный момент находятся в беде и что теперь? Всем не поможешь.

— Знаешь, — помолчав, ответила Алиса, — в докосмическую жил такой мудрец, Конфу-Ций. И этот самый Конфу-Ций однажды сказал: «Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту».

Денис молчал.

— Вот я и пытаюсь зажечь свою маленькую свечу.

— Эта свеча тебе слишком дорого обойдется... — проворчал Денис, — все наши сбережения — немногим более восьми тысяч кредитов, и если мы потратим пять из них на твой каприз...

— Шесть с половиной.

— Что?

Алиса показала в правый верхний угол стены напротив, ставшей светящимся перед ними большим плоским экраном.

— Видишь? Майор Вррак'х только что дал шесть четыреста. Чтобы его перебить, мы должны дать минимум на сотню больше. До-ба-вляем...

Денис шумно выпустил воздух, положив подбородок на ладони. Алиса продолжала:

— Майор у нас с Альдебарана-2... что у нас там... ага, феодализм, режим затяжного конфликта... то есть маленькая война, да? Как ты думаешь, зачем им молодая рабыня?

— Утешать раненых,— буркнул Денис.

Алиса *посмотрела* на него.

— Еще раз так пошутишь — и мы серьезно поссоримся.

Денис набычился.

— Мужчина мой,— ласково сказала она,— поддержи меня, для меня действительно это очень важно. Пожалуйста. Поддержи, и ты будешь вознагражден.

Он махнул рукой.

— Деточка,— сказала госпожа Розали,— я очень не люблю слышать слово «нет». Так мы с тобой поссоримся.

Они были одни в комнате жилого блока.

Наташа упрямо помотала головой.

— Для начала ты у меня получишь сутки карцера. Знаешь, что такое карцер? Там стены излучают единицу. Вроде бы немного, но постоянно. Представь, что у тебя в теле — полно больных зубов, и все они ноют и свербят. А? Максимум через час строптивая рабыня в карцере начинает выть и умолять, чтобы ее выпустили. А в сутках — двадцать четыре часа. Ты умеешь считать до двадцати четырех, тупая тварь?

Наташа молчала. Розали скосила глаза в планшет.

— Хотя, что я говорю... ты у нас не тупая, а очень даже умница. В досье написано: студентка, четвертый курс. Как неудачно ваш лайнер угодил под пиратский рейд во время беспорядков в системе, да? Сука, ты с рождения купалась в роскоши, пока мы тут тяжким трудом зарабатывали себе на пропитание! Ну погоди, я люблю таких. Ты у меня скоро пятки лизать будешь, и не только...

«А ведь, кажется, мне особо нечего терять,— подумала Наташа — вставая».

— Как тебя зовут? — спросила она.

Негритянка хохотнула. В камере их осталось только двое.

— Какая разница, русская? Полчаса, час — и нас купят в разные концы Галактики, мы никогда больше не увидим друг друга.

— Так, любопытно.

— Пустое это,— был ответ.

Помолчали.

— Я о тебе слышала,— вдруг продолжила темнокожая девушка,— мы в одной школе обучались, только на разных ярусах. О тебе шептались. Ты та самая бешеная русская с Урала, которая сломала зверюге-Розали челюсть и пару ребер?

Настала Наташина очередь усмехаться.

— Ты теперь легенда. У вас на Урале все такие? Военный коммунизм?

— Нет, не все. Вообще-то Урал — республика. Планета молодая, всего семьсот миллионов населения.

— Говорили, что тебя казнили.

— Ага, щас. Ну конечно, некоторым очень хотелось. Но кто же даст портить дорогой товар? Попинали ногами по старинке, ну и карцер потом... трое суток...

Негритянка села и посмотрела на Наташу округлившимися глазами.

— Трое суток и ты не сошла с ума?

— Ну как видишь.

— Как ты смогла?

Стукнула дверь, вошел андроид, направился к негритянке.

— Сама пойду! — громко, как глухому, рявкнула она на робота, вставая с кушетки. На удивление, тот остановился.

— Просто надо верить,— сказала Наташа.

Негритянка остановилась в дверном проеме.

— Меня зовут Мелисса! — крикнула она.— Запомни! Мелисса!

— Очень приятно. Наталья.

Андроид толкнул Мелиссу в спину, и дверь за ними закрылась.

— И сколько нужно?

— Десять тысяч кредитов, папа.

— Однако.

— Да, блин! Мы почти выиграли, на семи тысячах этот Врракх-дуракх сломался, но потом влез толстяк с Дженаха с противной до ужаса мордой и дал тринадцать. У нас просто нет больше денег.

- Серьезная сумма.
- И на серьезное дело.

Отец в задумчивости погладил искрящуюся голографическую бороду.

— Ты уверена в том, что делаешь, Алискин? Деньги отложены на твою учебу. Тебе придется забыть об университете, пойти работать.

- Да.
- Отстать на несколько лет от своих сверстниц.
- Да.

— Многие привычные вещи станут невозможны. Никаких курортов, Хрустальных долин и прочего. Ты готова к этому в здравом уме и твердой памяти?

- Да, папа.

Отец покачал головой, потом поднял правую руку.

- Принимайте трансфер.

Держась за руки, они спустились на первый этаж, к телепорт-камере.

- Ёлки, я так волнуюсь почему-то, — сказала Алиса.

- Теперь-то чего переживать, — усмехнулся Денис, — всё уже.

Узор перемигивающихся огоньков над камерой застыл.

— Покупка джи-тридцать прибыла, — сообщил механический голос автостюарда, — внимание! Функционал покупки в данной местности будет иметь юридические ограничения.

Мягко вздрогнула земля — перед домом опустился тяжелый флаер.

Створки камеры раскрылись, и из нее под ноги Алисе и Денису выкатилась девушка в синем балахоне. Руками она закрывала голову. Тускло поблескивал металл ошейника.

- Это не Дженах? Умоляю, только не Дженах!

— Встань, — сказала Алиса, — это Селеста. Не бойся. Всё позади. Всё будет хорошо.

Девушка в синем диковато смотрела на них, сидя на полу. Послышались шаги, и вошли двое полицейских в белой форме. Прибывшая пополза от них, перебирая ногами, пока не уперлась

спиной в закрытые теперь створки телепорта. После этого она съежилась и закрыла глаза.

Полицейский повел в воздухе серповидным устройством, и две половинки ошейника звякнули об пол.

— Наталья Савина,— произнес он,— по законам Селесты никто не может быть незаконно лишен свободы либо ограничен в правах. Это ваша идент-карта, вы имеете временный статус беженца. По вашему желанию, вы можете подать прошение о предоставлении вам вида на жительство на Селесте или же отбыть на Урал ближайшим рейсом.

— Я сплю,— прошептала Наташа.

Алиса улыбнулась.

— Слушай,— сказала она,— пошли пить чай? Вкусный чай, с вареньем. С клубничным!

ЧАСОВЫЕ ЛЮБВИ

Голубая полусфера планеты на обзорном экране «Громобоя» казалась завораживающей и трогательно беззащитной. Но капитан тяжелого крейсера класса «Пересвет» Денис Горелик не любовался видом, а с усталостью и отвращением смотрел на один из служебных мониторов, где синекожий гуманоид, от волнения подергивая хоботком и трепеща огромными ушами, вещал:

— Наконец настал тот исторический день, когда завершено строительство Большого Ионного Излучайзера, с помощью которого мы всего через два часа, столкнув на огромной скорости потоки элементарных частиц, выделим в чистом виде Пизон Критгса, кирпичик, из которого выстроено всё наше Мироздание. И мы...

Наклонившись в кресле, Денис протянул руку и коснулся пальцем другого монитора, где на фоне схемы геоида планеты ядовито-желтым мигало колечко — построенный и почти готовый к запуску Перезагрузчик. На колечке замерцал красный крест.

— Оружейный мостик, поразить цель, — одними губами прошепел Денис.

Лучевое оружие не имеет отдачи. Возникла и на пару секунд запылала на обзорке белая спица, упирающаяся в синеву атмосферы, затем исчезла. Планета плыла внизу так же, как и раньше, но Денис знал, что участок суши диаметром в двести километров превращен в пепел и пар на глубину, достаточную,

чтобы все живое прекратило свое существование. Равно как и любые технические конструкции, что в данном случае являлось более важным.

Желтое колечко пискнуло и погасло. Монитор, на котором только что взхлеб разорвался слонус, теперь зиял могильной чернотой.

— Чистая работа,— сказали слева.

Денис медленно повернул голову на голос, и неуверенная улыбка девушки погасла, не успев окончательно родиться.

— Работа,— тяжело уронил он,— очень грязная, мисс. И она еще не закончена.

Вызывая на монитор схему планетарного сканирования, капитан с неудовольствием подумал о том, что женщина на военном корабле вообще не к добру, а в боевом походе — вдвойне. Черт бы побрал эти правительственные инспекции. И ведь не заткнешь ей рот, а как бы хотелось.

— Что вы собираетесь делать?

Вот опять.

— Дэн, может быть, не нужно,— подал голос старпом,— они тебя уже поняли.

И этот туда же, с глухим раздражением подумал капитан. Рисуетя перед девкой, хочет выглядеть гуманистом... а кто не далее как месяц назад начертил на очередном объекте неприличное слово из трех букв, размером вполматерика, главным калибром?

Но вслух сказал только:

— Нет, нужно. Нет, пока что еще не поняли.

На пару секунд Денис задержал ладонь над схемой. Планета была довольно густо населена, и в прежние времена выбор занял бы у него продолжительное время. Но сейчас он короткими, четкими движениями отметил на карте четыре самых крупных мегаполиса, по одному на каждом из материков, чтобы никому не было обидно. Вспыхнули и замигали красные кресты прицелов.

— Оружейный мостик, поразить цели.

Пульсирующее сияние белой спицы неприятно резало глаз даже через светофильтры обзорного экрана. Денис отвернулся от него вправо как раз вовремя, чтобы столкнуться взглядами

со Стивеном. Старпом подмигнул ему, одновременно сделал движение головой в сторону левого ложемент. Отсветы экрана выхватили из полутьмы рубки правую половину его лица, сделав вполне невинную гримасу жутковатой.

— Ужасно... — с интонациями истерики произнесла девушка, прижимая ладони к лицу, — миллионы... десятки миллионов разумных убиты...

Да, десятки, если не сотни, подумал Денис, зато мы не скоро сюда вернемся. А возможно, возвращаться и вовсе не придется, память боли — самая эффективная. Надо же будет выжившим слонусам покарать за произошедшее кого-нибудь достигаемого. Для начала они казнят тех своих соплеменников, авторов проекта Перезагрузчика, которых не испепелил первый укол «Громобоя». Потом издадут соответствующие законы...

Девушка всхлипнула. Хилые инспекторы пошли, рассеянно подумал Денис, потом задумчиво посмотрел на ее грудь. Пожалуй, стоит угостить бедняжку выпивкой для начала. Сколько он сам залил за воротник после первой миссии? Лучше не вспоминать. Но наблюдать и делать — все-таки разные вещи. С другой стороны, что взять с женщины, к тому же гражданской.

— Виски? — спросил он.

Справа одобрительно хрюкнули.

— Вот поэтому и существует Стража, — рассказывал, отчаянно жестикулируя бокалом, захмелевший Стивен, обращаясь скорее к оттаявшей Консуэле, чем к дремлющему Денису, — так как, по не очень понятным причинам, на определенном этапе своего развития каждая цивилизация пытается построить Перезагрузчик... ну то есть у всех он называется по-своему, но суть одна — создать устройство, в котором тем или иным способом возникает бозон Хиггса, а потом — БУМ! И все...

— Бум? — переспросила Консуэла. Спиртное оказало свое магическое воздействие — ее щеки порозовели, она шутила и смеялась на всю кают-компанию. О недавнем потрясении напоминали только следы укусов на губах.

— Новый Большой взрыв, — пояснил Стивен и отхлебнул виски, — они ведь хотят выделить кирпичик Мироздания? А что

такое этот кирпичик, как не вся Вселенная в миниатюре... и как только он станет свободен — мы получим новую Вселенную. На месте старой, естественно. Вас никогда не волновал вопрос, откуда взялась та точечная сингулярность, из которой возникло все, что нас окружает? А это какие-то ребята четырнадцать миллиардов лет назад построили и все-таки запустили свой Перегрузчик... уроды...

— Ну почему же уроды, — подал голос Денис, — благодетели. Ведь не сделай они этого — нас бы не было.

Стивен задумался.

— Но ведь это чудовищно, — тихо сказала Консуэла, — вы убиваете... вот сегодня, час назад...

— Это необходимо, — твердо ответил Денис, глядя ей в глаза, — во имя куда большего числа разумных существ. Только в нашей Галактике свыше полутора тысяч обитаемых миров, из них триста двадцать один — наши. Принадлежащие человечеству, я имею в виду. Больше триллиона людей, понимаешь? Которые живут, мечтают, надеются, любят. Верят в то, что наступит завтрашний день. А из-за таких вот, как эти сегодняшние хоботные... все они могут сгинуть в один миг. Просто исчезнуть в пламени нового большого бума. Завтра не будет Луны, Солнца, Древней Земли, пусть она давно уже памятник, планета-музей... звезд над головой. Потому что не будет никакой головы, которая могла бы на них смотреть. И всё из-за того, что кому-то вздумалось поиграть в богов!

— Проснешься утром — а голова в тумбочке, — хихикнул Стивен.

Денис переставил подальше от него бутылку виски.

— Они же просто занимаются наукой...

— Это болезнь роста, — сказал девушке капитан «Громобоя», — ребенок в определенном возрасте начинает шалить со спичками, поджигать что попало. И если его не выпороть, он может устроить большую беду.

— Детей бить нельзя! — распахнула глаза Консуэла.

Денис усмехнулся.

— Некоторых и иногда — абсолютно необходимо. Впрочем, это всего лишь аналогия. Если бы мне на десятилетие подарили

настоящую ракету, я бы к ней и близко не подошел, потому что слишком мало знаю о таких сложных и опасных устройствах. А тут пятилетний своими ручонками собирает боевой бластер. Здесь следует наказывать, и немедленно. Иначе этот ребенок никогда не вырастет. Некому уже будет расти, понимаешь? И если для того, чтобы уберечь его и окружающих от него самого, стервеца надо немного отшлепать...

— Ничего себе немного... — прошептала девушка.

— Мы сравнительно недавно перешли к точечным бомбардировкам, — сказал Денис, — лет пять или около того. До этого планеты, где обнаруживали почти построенный Перезагрузчик, просто уничтожали целиком. Одна ракета класса «корабль — планета», и все. Пыщ-пыщ. Печально, но что делать. Вселенная важнее. Такая, какой ее знаем мы.

Консуэла смотрела на него во все глаза.

— И сколько раз ты...

Денис улыбнулся, скупой и страшно. Потом залпом опрокинул свой стакан. Отдышался и проронил:

— Достаточно. Давно работаю в Страже. Трудно первые раз пять, потом привыкаешь...

Стивен уронил голову на руки.

— Но все же, видимо, не до конца, — глядя на него, продолжил капитан. Протянул руку и похлопал старпома по плечу: — Стиви, не спать, тебе через час заступать на вахту. Сходи в медотсек, подыши кислородом.

— У меня кружится голова, — сказала Консуэла, — я бы не отказалась прилечь. Только можно просто поспать, не через медотсек?

Денис встал. Кресло с тихим жужжанием отъехало к стене.

— Я провожу тебя, — просто сказал он.

— Не знаю, что на меня нашло, — шептала она, водя пальцем по его груди, — нет, все было прекрасно, но так обычно со мной не бывает... какое-то наваждение...

Это наваждение называется жаждой жизни, улыбнулся про себя Денис, рассеянно играя ее волосами. Резче всего тени от яркого света; и там, где смерть обильно собирает свою жатву,

особенно сильно стремление дарить жизнь... именно поэтому в древности при взятии городов штурмом происходило так много хаотичных и бессмысленных изнасилований. Популяция восполняла понесенные потери.

Пять минут назад, двигаясь в ней резко и даже грубовато, он внезапно ощутил нежный, робкий поцелуй в шею и мгновенно расплавился от нежности, как горный пик под лучом главного калибра крейсера. Да, женщины на военных кораблях редкость... иногда — чрезвычайно приятная редкость.

— Немного виски,— сказал Денис вслух,— ну и напряжение сказалось. Первый раз в походе?

— Да... ужас, я ведь еще и официальное лицо...

— Побольше бы таких лиц. А то, знаешь, сверху обычно таких тварей присылают... у них сзади — жопа и спереди, вместо головы,— тоже.

Консуэла хихикнула.

— Слушай, хочу тебя спросить...

— Валяй.

— У тебя не бывает ощущения, что все, что ты делаешь... все эти миллионы жертв... напрасно?

Денис немного напрягся.

— В смысле?

— Вот смотри... Большой взрыв, с которого началась наша Вселенная, четырнадцать миллиардов лет назад... он ведь произошел?

— Ну да.

— Это означает, что тамошняя Стража не справилась? И то же самое может повториться сейчас. И тогда получается, что и твоя работа, и весь твой груз, взятый на душу,— зря?

— Может быть, там и не было никакой Стражи... а может быть, они не успели. Теперь мы никогда уже не узнаем, что именно случилось. Есть тема поинтереснее... — Консуэла завозилась, устраиваясь удобнее.— Сейчас Стража работает как отлаженный механизм. Тысячи крейсеров только в нашей Галактике: людям, как всегда, доверили самую грязную работу — зачищать те цивилизации, которые все-таки развились до стадии, когда они способны создать Перезагрузчик и строят его в действи-

тельности. Раса Арилои наводит нас на цели, заблаговременно сообщая, в какой именно звездной системе необходимо вломить очередным изобретателям. Раса Аш-Гваар правит линии реальности так, чтобы подобные цивилизации вообще не возникали...

— Спасибо, что кратко пересказал мне главу школьного учебника про Стражу,— сонно пробормотала она на его плече.

— Ты слушай дальше. Но ведь так, как сейчас, было не всегда? В то время, пока мы еще только подбирались к жалким межпланетным перелетам внутри собственной звездной системы, Аш-Гваар еще не осознали себя единой совокупностью разумных кристаллов, а Арилои находились в бездеятельном трансе, временами попивая кровушку своих соплеменников,— кто-то уже зачищал нашу Галактику, жестко, но технично. Мы нашли не менее двух десятков планет, обработанных лучевым оружием так, что их обитателей отбросило в развитии на тысячелетия назад. Тем самым человечество успело закрепиться на лидирующих позициях, первым освоив межзвездные перелеты, не говоря уже о разрушенных неизвестными Перезагрузчиках, каждый из которых мог положить конец Вселенной до появления Триумвирата и возникновения Стражи как класса.

— И кто это был?

— Если бы мы знали! Никаких иных следов легендарных Первостражников не обнаружено. Более того — ты никогда не спрашивала себя, а строила ли Земля в свое время Перезагрузчик?

Консуэла хмыкнула.

— В учебнике про это как-то туманно. Мол, мы шли особым путем и потому избежали этой ошибки...

— Черта с два мы избежали. Я точно знаю, что Перезагрузчик земляне в свое время строили. Что именно произошло потом — информация засекречена так круто, что доступа нет ни у меня, ни даже, боюсь, у адмирала флота. Но факт, что никто нас не поджаривал и уж тем более не шарахал по Древней Земле планетарной ракетой, иначе бы мы сейчас не разговаривали...

— Кстати, о разговорах,— промурлыкала она,— хватит трепаться. Иди-ка сюда, найди своему языку лучшее применение...

Денис, улыбаясь, приподнялся на локте.

— Сначала я отвечу на твой вопрос. Нет, я не думаю, что все зря,— потому что можно бороться и проиграть, но, если ты не борешься — ты уже проиграл... руки! Мы даже не знаем, существуют ли в остальных галактиках Вселенной аналоги Стражи,— а ведь галактик великое множество, и вполне может быть так, что прямо сейчас где-нибудь в захолустном уголке Мироздания очередной желторотый сопляк подносит горящую спичку к шашке с динамитом, и остановить его некому... Но есть такой старый девиз: делай что должен — и будь что будет. Я верю, что такую же вахту несут во всех концах Вселенной мои коллеги. Сегодня я спасу их завтрашний день, а завтра они спасут мой...

— А завтра они спасут твой вчерашний?

Денис засмеялся и начал вставать. Консуэла села в постели и очень нарочито облизнулась. Он протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, и в этот момент «Громобой» тряхнуло так, что капитана впечатало в стену. Несмотря на то что он инстинктивно успел сгруппироваться, удар был такой силы, что потемнело в глазах.

— Держись! — крикнул Денис и попытался встать, но тут его приложило о шкаф, пол встал дыбом, потом капитана повторно огрело шкафом и добавило потолком.

«В бога душу мать!» — успел подумать Горелик, прежде чем его вышвырнуло в коридор через закрытую дверь.

Адски болела левая рука, по ощущениям она была сломана как минимум в двух местах, но сильнее всего Денису мешала кровь из рассеченной брови, заливающая правый глаз и никак не желающая останавливаться. Рубка, залитая аварийным красным светом, плыла перед его взглядом, а главный монитор напротив норовил раздвоиться и заплясать в воздухе.

«Я не могу позволить себе потерять сознание. Держаться. Держаться», — повторял он про себя, как заклинание.

С монитора на него смотрела смерть. Смерть имела форму гигантского богомола, издающего противно скрежещущие щелчки через неравные промежутки времени. На взгляд Дениса, щелчки ничем не отличались друг от друга, того же мнения, ви-

димо, придерживался и автоматический переводчик, выплевывающий трансляцию рваными порциями, с легким запозданием.

Кхагги, проклятие Галактики.

— Жалкий червяк, я. Прикажу взять тебя живым и медленно. Сжую твои конечности, затем откушу. Голову, но. Сначала ты увидишь, как это. Произойдет с твоей командой.

Вспомогательные мониторы отражали плачевную картину — «Громобой» получил тяжелые повреждения. До восьмидесяти процентов излучателей было разрушено либо потеряло энергопитание. Так или иначе пострадали все отсеки, разве что движок оставался на ходу.

С первого взгляда было понятно, что дело дрянь.

— Гады вышли из гипера в двух космических милях, — быстро рассказывал бледный как снег Стивен, — сначала нас накрыло отдачей, и практически сразу они дали залп в упор, прежде чем автоматика успела полноценно среагировать. Но не добились сразу. Действительно собираются брать живьем?

Денис смотрел одним своим глазом сразу в два фасеточных шара, украшавших голову кхагга, и вспоминал самое ужасное оскорбление их расы.

— Твой яйцеклад не годится даже в пищу, — сообщил он богомолу, — твою голову не откусит ни одна самка.

Щелчки стали частыми и сменили тональность.

— Служебное сообщение: вероятно, звучит смех, — неуверенно предположил киберпереводчик.

— Стиви, шанс у нас только один, — выключив микрофоны, быстро сказал Денис, — уйти в рывок.

— Риск... огромен.

— Предложи что-нибудь получше? Драться мы не можем, уже нечем. Эх, если бы не застали врасплох, конец бы ему! А сейчас нас будут жрать. Этот таракан не шутит.

Кхагг взмахнул передними конечностями, больше всего смахивающими на чудовищные клешни, и силуэт рейдера на обзорном экране, сам напоминающий обводами чудовищного богомола, пришел в движение.

— Копим энергию, — процедил Стивен, — если они начнут нас жечь, всё уйдет в щиток, и без толку. Заговори ему зубы, Дэн.

У него не зубы, а жвалы, механически подумал Денис, затем громко отчеканил, включив звук:

— Не пойму я вас, уродские создания. Вы же вышли в космос совсем немногим позже, чем мы. Давно построили бы свой Перезагрузчик и взорвали Вселенную нахрен, ваши технологии это позволяют уже сотни лет как. Вместо этого защищаете примитивные цивилизации, устраиваете бессмысленную бойню с Триумвиратом. Зачем все это?

Кхагт снова залился трелью.

— Смех. Смех. Смех, — уныло повторял кибертолмач.

Денис терпеливо ждал.

— Глупый тщеславный слизняк, ты. Всерьез думаешь, что в Мироздании что-то решаете вы или. Кто-нибудь другой из нас? Если Вселенная захочет обновиться, этому. Никто не в состоянии. Помешать, все мы проводники высшей. Воли.

— И чего же хочет высшая воля?

— А это мы, скоро. Узнаем, лично я. Намерен съесть твою. Печень, это самая вкусная. Часть. Но сначала ты увидишь, как я разгрызу. Голову твоей самки.

— Что за черт?! — Денис успел поймать Консуэлу, упавшую ему на плечо, — Что ты здесь делаешь? Ты цела?

— Да... ты сказал держаться, и я просто вцепилась в поручень...

— Мы готовы, Дэн. О, небеса, как вовремя!

Красные нити протянулись от рейдера и уперлись в мерцающую синеву силового поля перед обзорным экраном. Взыли сирены.

— Давай! В гипер! — страшно заорал Денис, прижимая к себе тело девушки что есть сил.

Мягкий толчок, и вокруг — клубящееся серое ничто. Подпространство, место, которого нет, — и все же вот оно.

«Сначала отнести ее в медотсек, — держался капитан за ускользающие мысли, — потом в рубку, оценивать повреждения и координировать ремонт, затем заняться ранеными...»

Сирены снова ударили по нервам.

— Я очень люблю сырую печень человека, но. И жареная. Сойдет.

В сером тумане рядом висел рейдер, и полыхало под напором красных спиц слабеющее поле, едва поддерживаемое разряженными прыжком в гипер накопителями.

— Время прощаться, Дэн,— негромко сказал Стивен,— у нас есть секунд сорок, в лучшем случае.

— «Наверх вы, товарищи, все по местам...» — пропел Денис, переключая тумблеры на пульте.

— Ты сошел с ума? — грустно спросил Стивен.

— Возможно, и сошел. Но ничего другого у нас нет. Он тут что-то болтал про Мироздание, пусть оно нас и рассудит,— выдавил капитан, с явным усилием перемещая в крайнее положение красную рукоять.

«Громобой» ощутимо тряхнуло.

— Мамочки! — взвизгнула Консуэла.

На обзорном экране хорошо было видно, как белая сигара планетарной ракеты, последняя из несомых крейсером, протаранила рейдер кхаггов, оставив в нем чудовищную зияющую дыру, и устремилась дальше в клубящуюся муть.

— Взрыв в гипере,— сказал Стивен совсем рядом с правым ухом Дениса,— последствия непредсказуемы. Необратимое и хаотическое искажение пространства-времени. Что в переводе означает...

— Зачем ты встал? В ложемент! Пристегнись!

В следующий миг серое ничто треснуло, и огромная рука швырнула тяжелый крейсер, как пушинку, во тьму.

Пришел в себя Денис от воя сирен — планетарные сканеры мигали красным, под ними была планета, и горел ярко-алым на планетарной схеме Перезагрузчик, а это означало — времени до Большого Бума остается меньше минуты.

Он попробовал пошевелиться и чуть не потерял сознание от боли — переломов явно прибавилось, несмотря на фиксацию в кресле. Попытался отдать приказ — и понял, что не сможет,— во рту каша из крови, зубов и обрезков языка. Правый глаз окончательно залило, а левым...

А левым Денис увидел перед собой на мониторе гуманоидов, до странности похожих на людей, только одетых непривычно.

Они потрясенно смотрели на него, и он понял, что монитор находится в режиме двусторонней связи. Место, где псевдолюди находились, по количеству экранов и пультов не уступало рубке «Громобоя», из чего капитан заключил, что это командный пункт Переагрузчика.

Вот усмешка судьбы, подумалось ему некстати. Успешно выполнить миссию, выскользнуть черт-те как из лап кхагтов, чтобы оказаться над готовым к запуску адским устройством без единой ракеты, с разряженными накопителями и даже без возможности использовать речь. Кто-то решил показать мне, как в кинотеатре, конец этого мира? Как мило с его стороны.

— Ребята,— кто-то говорил совсем рядом, и Денис узнал голос Консуэлы,— ребята... ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВКЛЮЧАЙТЕ ЭТУ ШТУКУ!!

На мониторе поднялся изумленный галдеж, но капитан Денис Горелик уже смотрел мимо него, мимо остатков тела Стивена, размазанных по переборке, мимо сползающей вдоль ложемента девушки, прямо в середину обзорного экрана.

Экрана, на котором, бесстыдно-яркая, восходила Луна над Древней Землей.

КЛЫК-Н-РОЛЛ

Клыки белые-белые, почти блестящие. Длинные, острые. Они придавали улыбке официантки что-то... что-то... Марк настолько удивился, что не мог подобрать слово.

— Что будете заказывать?

Он не услышал вопроса. Мужчина с удивлением начал оглядываться на мир вокруг. Мир изменился. Оскалился тонкими иглами имплантированных зубов. Все, абсолютно все посетители ресторана улыбались друг другу, обнажая хищные звериные острия. Вот одна дама пригубила вино, и Марку показалось, что он слышит звон, с которым ее клыки ударились о хрусталь бокала.

— Вы определились с заказом или нет?

— Простите...

Марк поднялся из-за стола и поторопился к выходу. Голова кружилась, в горле пересохло. Как так может быть? Как?! Когда мир успел сойти с ума? Да, Марк почти две недели провалялся в эскапическом центре, куда доброе начальство отправило его в отпуск. Вырвавшись, наконец, из сладкой паутины проводов, он первым делом устремился в любимый ресторан, чтобы перебить вкус опостылевших сонных препаратов чем-то более приятным. Марк приехал сюда на беспилотном такси. Все еще опьяненный от продолжительных гипнотических грез, он не замечал людей вокруг, пока не сел за столик и не закинул ногу на ногу.

И тут...

Марк миновал оркестр музыкальных роботов, бесцеремонно прошел сквозь голограмму популярной певицы. Голограмма возмущенно зашипела пиксельными зернами. Выскочив на улицу, Марк оторопел. И здесь люди были похожи на вампиров. Черт, эти прохожие... Мужчины и женщины, дети и взрослые, даже пожилые. Все такие зубастые!

— Мам, глянь! У того дяди зубы обычные!

— Не смотри, сынок. Ешь мороженое.

И сынок тут же с воодушевлением погрузил в шоколадную глазурь маленькие и остроконечные, как у летучей мыши, зубки. Марк злобно отвернулся и уставился на анимированный плакат, украшающий дом напротив. Яркие кадры афиш сменяли друг друга с трехсекундным интервалом. Афиши пылали цифровым огнем.

Премьера нового фильма — «Дракула против терминатора!». Не пропустите!

Сегодня в театре «Глобус» — рок-опера «Кибервампириада».

Долгожданный эротический мюзикл «Укуси меня».

Марк сплюнул. Искусство подобного рода он не любил. И ситуацию вокруг не понимал. Что за безумие? Неужели сценаристы, рекламные агенты и дантисты теперь заодно? Эдакая триада, задумавшая превратить всех людей в упырей. Но лишь затем, чтобы из них же и выкачивать кровь, что пропитывает хрустящие купюры. Новая мода на коммерческой основе.

М-да...

Путь домой прошел будто в беспамятстве. Тело двигалось само, а разум отчаянно пытался не видеть, не слышать того, что происходит вокруг. Дважды Марка чуть не сбила машина, и оба раза водители цедили сквозь клыки крупнокалиберные матюги. Три, четыре, пять стаканов воды опрокинул в себя несчастный, ворвавшись, наконец, в свое холостяцкое логово. Шокированный мозг требовал забытья. И Марк провалился в сон глубокий и тревожный. Ему снились хохочущие пасти, полные острейших клыков...

* * *

Дойти до работы не осматриваясь вокруг — дело непростое. Для Марка же оно оказалось просто нереальным. Он постепенно убедился в этом, когда споткнулся о бордюр, не вписался в поворот за угол, врезался в робота-дворника. Какой-то мужик громко захохотал, стуча непропорционально длинными клыками. До этого Марк не испытывал желания избить кого-то. Но теперь вдруг жутко захотелось заехать в эту звериную челюсть. Да так, чтобы кровь и куски эмали брызнули на асфальт, создали на тротуаре причудливый узор красного и белого, по которому можно с хрустом пройти. Хорошо хоть робот-дворник без клыков. У него просто нет рта, лишь круглый маленький динамик.

Господи, ну зачем ты дал людям рты? Лучше бы наделил вот такими динамиками. В них не вставишь это безобразие...

До работы Марк все-таки дошел. Просто пялился себе под ноги, прижав подбородок к груди и боясь поднять взгляд хоть на градус. Хоть идти пришлось и недалеко, но шея успела порядочно зануть. Офис встретил Марка прохладой кондиционера, дружным гулом компьютеров. И радостными, счастливыми улыбками, доброжелательность которых лишь подчеркивала белизна изящных клыков.

— Привет, Марк! Как жизнь, как отпуск? — зазвучало со всех сторон.

Он машинально заслонил рот ладонью, чтобы скрыть свои самые обычные зубы. Почему-то вдруг за них стало очень стыдно. Одно дело наблюдать хищный оскал у посторонних людей, приходя в ужас от их безумия. И совершенно другое — видеть клыки у близких друзей и коллег, приходя в ужас от собственной нормальности. Чувство неполноценности ударило Марка под дых. Сильно и внезапно. Он пробормотал что-то неразборчивое удивленным сотрудникам и поторопился скрыться в своем кабинете.

Скрыться не удалось. Разве что сесть за стол.

Ее звали Анна. Она умела не войти, а впорхнуть в кабинет к Марку, каждый раз заставляя его краснеть. Вот и сейчас он зашелся румянцем, еще больше стыдясь своих мелких тупоконеч-

ных зубов. Он нервно провел языком по их внутренней стороне. И почувствовал себя ничтожеством, глядя на то, как в нижнюю, блестящую алой помадой губу Анны упираются два восхитительных клыка. Безупречно белых, с жемчужным блеском. То, чем обычные прохожие вызывали у Марка сочетание ярости и шока, теперь казалось наилучшей деталью человеческого облика.

Почему?

Марк не понимал.

— Здравствуй, Анна,— прогундел он сквозь ладонь, прижатую к губам.

— Аха-ха, Марки! Привет! Как отдохнул? Надеюсь, я снилась тебе в эскапическом центре...

Да, ментальные машины умеют моментально вычислить самые заветные мечты клиента. Все две недели, проведенные в камере грез, Марк видел Анну. Грустную и веселую, в разных платьях. С разными прическами и в разных позах... Но вот с такими клыками — ни разу. И снова он подумал о том, что не воспринимает их у нее как нечто ужасное. И это пугало его еще больше. С одной стороны, Анна так сильно нравилась молодому человеку, и никакие изменения ее внешности не могли моментально охладить его чувства. С другой — апгрейд ее челюстей все же создавал резкий контраст с образом той милой и хорошей девочки, знакомой так давно. Марк почувствовал, что именно сейчас он просто обязан разобраться в ситуации.

Он глубоко вдохнул (сквозь пальцы ладони, по-прежнему прижатой ко рту) и нерешительно начал:

— А... Анночка, скажи мне...

— Да-да, мой хороший.

Она нагнулась к нему через стол и весело улыбнулась, так что ее клыки отразились в широко распахнутых глазах Марка.

— Почему... То есть зачем... Как же так... — Наконец он собрался и постарался выпалить предельно сурово: — Что ты с собой сделала?!

Сурово не получилось. Скорее — обиженно и возмущенно.

— Тебе не нравится? — Трудно сказать, чего в ее голосе было больше, обиды или удивления. — Тебе не нравится... — уже утверждающе повторила она и печально опустила взгляд.

— Нет, что ты... Тебе очень идет! Просто я не понимаю. Умоляю, объясни, что происходит! Почему все вокруг нацепили... это!

«Это» прозвучало с таким нажимом, что Анна вздрогнула и отшагнула назад. Марк не заметил, как убрал руку ото рта, рассекретив свои обычные ничем не примечательные зубы. Блеклые и даже немного кривые. Девушка сокрушенно покачала головой:

— Все ясно. Ты же только вернулся в нормальную жизнь. Ты еще просто... не успел.

— Что не успел? Скажи мне — что?!

— Сейчас-сейчас! — внезапно улыбнулась она и быстро застучала каблуками к выходу. — Я принесу тебе каталоги, и мы вместе выберем тебе подходящую модель.

— Стой, не надо!

Поздно, Анна уже выпорхнула, прикрыв дверь.

Марк просто взбесился. Он выскочил в коридор, чуть не сбив коллегу и приятеля по имени Корп. Приятеля Марк не заметил. Зато заметил его клыки, необычные даже для царящего вокруг помешательства. Стальные, граненые, до середины подбородка.

— Что это такое?! — закричал Марк. — Где ты их взял?!

— Эй, Марки, расслабься. Я дам тебе номер знакомого дантиста — он сделает тебе такие же. Со скидкой...

Марк был правойшой. Но бить предпочитал левой. Клыки у Корпа остались целыми и невредимыми, хоть сам он и рухнул на пол. А вот кулак Марка остался с разбитыми в кровь костяшками. Впрочем, боли он не чувствовал. Только — вибрирующую в черепе ослепительную ярость.

Кто-то вскрикнул, пошла кутерьма. Марк видел ее как калейдоскоп насмерть перепуганных лиц с огромными клыками. Захотелось достать клещи и начать с хрустом вырывать эти жуткие атавизмы, воплощения звериного человеческого начала. Выворачивать корни из десен и любоваться брызгами бордовой кро-

ви. Единственный без клыков, он стал самым опасным существом в офисе. Взбунтовавшийся беззубый хищник в окружении перепуганных клыкастых овец.

Корп куда-то убежал. Потерялся в закипевшей вокруг живой массе, боящейся приблизиться. Она что-то кричала множеством голосов, но Марк ничего не понимал. Он увидел Анну. Она плакала, закрыв лицо, а у ног ее блестели глянец рекламные каталоги. Они ехидно скалились различными моделями челюстного арсенала. Всех мыслимых и немыслимых геометрических форм. Марк с ревом схватил один из каталогов, пытаясь порвать. Увы, современный глянец не тонет, не горит, и уж тем более — не рвется. «Улыбнись», — сказала блестящая страничка, и внезапно на ней возникло лицо Марка. Счастливое лицо с длинными загнутыми клыками... Кто-то осторожно тронул его за плечо. Судя по последовавшему крику — мужчина. Теперь уже правый кулак Марка истекал кровью.

Система все заметила. Система среагировала.

Раздались звенящие шаги робота-жандарма. Мгновенно стало тихо.

— Гражданин, ваш уровень социальной адаптации упал до критического значения. Чтобы предотвратить дальнейшую регрессию, убедительно прошу последовать за мной.

Разумеется, клыков у робота не было. Но Марк все равно его ударил. Разумеется, безуспешно. А вот робот — успешно. Током. Мощным, лишаящим сознания разрядом...

* * *

Тюремная камера была наполнена шумом прибоя и мощным морским запахом. Марк сидел на стульчике, угрюмо смотря на кричащих вдалеке чаек. «Интересно, — подумал он безо всякого интереса, — им тоже клыки присобачили?» Море сменилось густым зеленым лесом, запахло сыростью, древесной корой, хвоей. Стук дятла, чириканье, ку-ку. Совсем близко показалась молоденькая косуля. Без клыков. Слава Богу!

— Верни море, — раздраженно проворчал Марк.

— Вам рекомендован пейзаж четвертой степени умиротворения,— ответила камера.— Морская панорама слишком сильно повысила ваш пульс.

— Я не люблю лес! Комары, букашки, земля неровная.

Камера подумала пару секунд и все-таки вернула морской берег. Но уже тихий, омываемый спокойными низкими волнами. Марк сплюнул в шипящую пену на песке и широко улыбнулся.

«Я сошел с ума. Окончательно и бесповоротно...»

Он отчетливо помнил последние события. Но не был уверен, что не воспринимал их сквозь призму своего безумия. А что, если никаких клыков не было? Быть может, эскапический центр как-то повлиял на его рассудок, и травмированное воображение само дорисовало их? Точно! Это все проклятые ментальны машины. Каким-то образом они отравили его извилины, превратили в паникующего идиота, которому везде мерещатся клыки, клыки...

Нужно вспомнить все с самого начала.

Так-с, две недели назад, когда мир еще был нормален, Марк явился в центр глубокого эскапизма и предъявил путевку, полученную на работе. С этого момента он уже не видел людей — персонал центра состоял сплошь из андроидов. В одно время система справедливо рассудила, что беглецы от серости и тревог обычного мира не должны видеть себе подобных, таких же мрачных и злых. Эскапический центр — это храм сладкого забвения, внутри которого ты уже не увидишь ни одной человеческой рожи. Ни злой, ни фальшиво улыбающейся. Андроид улыбается человеку, потому что так запрограммирован. Всего лишь навсего. Человек же улыбается человеку, когда ему что-то нужно. Не всегда, конечно, а ровно в девяноста пяти процентах случаев. Благодаря оставшимся пяти еще как-то выживают последние идеалисты и романтики. Но система сочла эту крошечную пятерку — возможной погрешностью статистики.

Марк лег в капсулу грез, позволил проводам с электродами на концах обнять голову. И...

Ужасная мысль кипятком обдала мозг. А что... А что, если я до сих пор в капсуле? В плену ментальных машин. Тогда все

это — жуткий сон, глюк, ошибка программы. Нужно вырваться отсюда. Немедленно!

Марк задрожал и вонзил ногти в мякоть ладони. Потекла кровь. Ее горячие лепестки упали на мокрый песок. И спустя секунду утонули в набегающей волне, шипящая пена которой вдруг потемнела, исказилась. А потом...

Море исчезло. Сменилось угрюмыми вертикалями тюремной решетки. За ней стоял толстый низкий человечек представительного вида. С папкой под мышкой, в рубашке и блестящих туфлях. Он вошел, гремя ключами. Разумеется, Марк тут же впился взглядом на его рот. И — неужели?! — не обнаружил никаких клыков. Недоверчиво прищурившись, заключенный сказал:

— Простите, не могли бы вы приподнять верхнюю губу...

Гость понимающе кивнул и улыбнулся, демонстрируя абсолютно нормальные зубы. Даже лучше, чем у Марка. Последний же едва сдерживал себя, чтобы не подняться и не постучать по ним ногтем для большей убедительности.

— Догадываюсь, о чем вы сейчас так лихорадочно думаете, — незнакомец присел на ящик голопроектора, еще недавно изображавший море. — Смею вас заверить, вы не сошли с ума. Ну, по крайней мере, не так, как считаете. Клыки вам не мерещились. Свои же я пока снял, чтобы не раздражать вас.

Марк побледнел. Не знал что ответить, что спросить, какой из матюгов выкрикнуть.

— Меня зовут Лури. Я здесь, чтобы помочь вам. Прояснить ситуацию... Да, кстати, эскапические машины тоже ни при чем. И вы не спите. Вот. Вам плохо?

Именно благодаря недавнему выбросу агрессии, произошедшему в офисе, заключенному удалось сохранить внешнее спокойствие. Он проглотил колючую раскаленную злобу и, сжав кулаки, приготовился быть пайнкой:

— Нет-нет. Порядок. Так что же происходит вокруг? Будьте так добры объяснить...

— Ну... Во-первых — можете гордиться. Вы особенный человек, один на миллион. На вас не действует импульс...

— Тот самый?!

— Тот самый... Забыл предупредить, я из бюро общественно-го благополучия. Да, из БОБа.

Серое вещество Марка интенсивно заработало, извлекая из памяти необходимые сведения. БОБ — шуточное название нешуточной организации, ближе всех стоящей к системе. Импульс — когда-то мощный рычаг системы, которым она регулировала настроение в обществе. Излучение, заставляющее человека плакать или смеяться, любить или ненавидеть. А также способное загружать в сознание целые массивы образов и эмоций, связанных логически. В последний раз было использовано в 2112 году, чтобы предотвратить вооруженный конфликт на юге страны. С тех пор система настолько эволюционировала, что необходимость в импульсе отпала. Прямое воздействие подобного рода запретили. Вроде как запретили...

Но... при чем здесь клыки?!

Марк озвучил этот вопрос, чуть не подпрыгнув.

— Понимаете ли, — глубоко вздохнул Лури, — мы уже не один век пытаемся построить идеальное общество. Однако последнее не перестает подкидывать нам все новые проблемы. Мы победили нищету — и получили повальный гедонизм. Победили гедонизм — люди заразились глубочайшей апатией. От нее нас частично выручили эскапические машины. Помогло и влияние на развитие массовой культуры. Но и та не получается целостной, моментально дробится на прорву субкультур, между которыми нет никакой взаимосвязи, нет порядка, нет... системы. Понимаете о чем я?

— С большим трудом. При чем здесь клыки? Мать вашу эдак!

Лури немного выждал и спокойно продолжил, ритмично отбивая интонацию каблуком и поглаживая корешок серой папки:

— Как бы мы ни старались, а социальные науки постоянно отстают от технического прогресса. Культурная среда слишком спонтанна, слишком динамична — из-за слишком противоречивого внутреннего мира человека. Это-то и необходимо исправить. Нельзя управлять устоявшейся культурой? Хорошо, мы внедрим свою. И в качестве эксперимента начнем с чего-то про-

стого, чего-то с привкусом пестро разукрашенного примитивизма, что так всегда любил человек. Наш творческий отдел долго разрабатывал первую идею. И преуспел. Так что современные книги и фильмы нам только помогли...

— По-моему, вы просто бабло рубите. Прозомбировали людей и заставляете их покупать дорогие клыки.

— Разумеется, нам необходимо финансирование...

— Ну что я говорил! А то — культура, идеальное общество...

ТЬФУ!

— Выслушайте до конца...

— И не подумаю. Давайте сразу к делу. Как мне теперь жить?

Нормальному среди идиотов.

Лури хотел было возразить, но запнулся и...

— Хорошо, минуточку.

Он неторопливо развязал папку и достал кипу бумаг, сияющих защитными юридическими знаками.

— У вас два варианта, Марк. Первый — раз уж импульс на вас не действует, то вы сами, добровольно сходите в стоматологический кабинет и вновь станете добропорядочной единицей общества.

— А вот хрен! Какой второй?

— Будете платить дополнительный налог за убытки, нанесенные ряду компаний. Отказываясь от имплантации и ежемесячного техобслуживания, вы лишаете заслуженной прибыли многих хороших людей. В масштабе вашей жизни — сумма набегит немалая. Я уже молчу о разлагающем влиянии одного вашего вида для окружающих. Вы станете изгоем, одиночкой.

— Плевать! Поцелуйте меня... да, в портмоне! Я готов платить. Сколько?

Лури нагнулся поближе и заговорил шепотом:

— Налог состоит в отчислении от заработной платы в размере...

Цифра Марку очень не понравилась. Он тут же объяснил это предельно грубо и красноречиво. Лури лишь развел руками. И, подмигнув, добавил, что просто вставить клыки выйдет намного дешевле.

— Признайтесь, — рявкнул Марк, — вы просто косите деньги!

В ответ — тяжкий печальный вздох. Напряженное молчание затянулось невыносимо долго. Марк вытер потное лицо рукавом:

— А вариант № 3 есть?

— Нет.

— Тогда я выбираю вариант № 1.

— Прекрасно! Распишитесь здесь, здесь, и тут, и там, и здесь тоже...

Марк поставил с десяток подписей о неразглашении секретов БОБа, с десяток — о соглашении на добровольную имплантацию. Каждую подпись заверили отпечатком пальца. Тот факт, что все страницы испачкались кровью из растерзанной ладони, почему-то совершенно не смутил ни одного, ни второго. Недолго думая, Марк злобно написал на последнем листе громадный постскрипtum:

«Ну и как теперь бабам в рот давать? Нет, вы только подумайте».

Лури с изумлением посмотрел на это. Но промолчал.

* * *

Левый, правый... Вроде ничего. Марк уже второй час не отходил от зеркала. Поочередно касался каждого из новообретенных клыков то пальцем, то языком. Клацал зубами, стучал по ним монеткой, карандашом, расческой (всем, что лежало под зеркалом). Не шатаются? Не, прочные, сволочи... Казалось, челюсть потяжелела на добрый килограмм. За завтраком Марк жевал очень медленно и сосредоточенно, привыкая к новым ощущениям во рту и с интересом разглядывая отпечатки клыков на надкушенном куске искусственного белка. Чистить зубы тоже было необычно. Щетка теперь казалась слишком маленькой и недостаточно жесткой.

Просидеть весь день за компьютером — неплохой вариант, если не хочешь никого видеть. Тем более что сегодня выходной. БОБовцы сработали оперативно и полностью реабилитировали Марка в глазах коллег и начальства. Его нервный срыв объяснили шоком в результате сбоя одной из эскапических машин. Но уже все в порядке. Машина исправлена, гражданин вылечен.

Правда, пока ему необходим некоторый отдых, так что выписать еще один внеплановый выходной было бы неплохо. Ну а затем — получайте своего дорогого сотрудника здорового, румяного.

И клыкастого.

Компьютер трудолюбиво загудел, мышка изменила форму, подстраиваясь под ладонь. Целых три новых сообщения выплонула электронная почта на дисплей. Первое — от Анны: «Выздоровлявай. Жду. Целую». И анимированный смайлик в конце. Такой круглый, веселый и с острыми зубами. А чтоб его... Второе письмо — от начальства. Просят выполнить кое-какую работу на дому. «Пшли в жопу! — подумал Марк. — Если что, я почту не проверял...»

Третий месседж — адрес неопознан. Странно...

«Хочу напомнить вам, что наши эксперименты не стоят на месте, и периодически мы будем запускать новые... веяния. Где-то раз на сезон. Сейчас готовится проект под названием «живые татуировки». Через полтора месяца ждите звонка, придется повторить вашу добровольную жертву. Разумеется, мы люди справедливые, общество — демократичное, и вы вправе выбирать между первым и вторым вариантом. Но поймите одно — никакого варианта № 3 мы просто не имеем права себе позволить. Ведь на кону — общественное благополучие. Мы объединяем людей. Так что не упирайтесь. Мой вам совет...

С уважением, мистер Л.

Р. S.: рекомендую сохранить этот текст и перечитывать каждое утро. Как видите, лично я предпочитаю вежливые постскриптумы».

— Говнюк! — рывкнул Марк и выключил компьютер.

* * *

— Бармен! Повтори!

Чтобы охмелеть, Марку много не требовалось. Уже после двух бокалов светящегося, будто люминофор, пойла в его голове зарезвился маленький алкогольный смерч. Мир стал ярким и искаженным, словно через фокус блестящего прозрачного фужера.

— Может, хватит с тебя, приятель? — обеспокоился бармен с серебристыми клыками.

— «Хватит с тебя» жене скажешь! Наливай!

Казалось, молекулы крепкого напитка весело зазвенели, наполняя бокал. Марк придумал себе развлечение. Он зажимал край бокала клыками и без участия рук выпивал содержимое, медленно запрокидывая голову. Кто-то из посетителей улыбался, тихонько аплодируя и пытаясь повторить. Кто-то вовсе не обращал внимания, активно дегустируя новые модные напитки. Такие как «Сок из вены», «Блади микс» или «Резус-фактор». Алые, багровые, темно- и светло-красные. Все возможные оттенки света, проходящего сквозь рубин. Лишь сидящая в дальнем углу проститутка ничего не пила. Она со скучным видом рассматривала в круглом зеркальце свои тонкие острые зубки, сияющие, как неон. Группа подростков за центральным столиком шумно спорила у кого «длиннее и толще». Речь шла о клыках. Марк вздохнул, тоскливо вспоминая, как он в столь юном возрасте мерился со сверстниками совершенно иным достоинством...

Крепины, идиоты, дегенераты! Все эти люди, прозомбированные импульсом. Неужели они не понимают, не чувствуют, как их имеют? За что такое наказание — быть единственным нормальным среди помешанных? Нормальным, что вынужден маскироваться, подвергаться омерзительной мимикрии. И долго это будет продолжаться?

Всю жизнь...

— Всю жизнь! — взревел Марк и с размаху разбил бокал о барную стойку.

— Браво,— буркнула проститутка и сладко зевнула.

Бармен печально покачал головой и записал в счет стоимость битой посуды. К собственному удивлению, Марк быстро взял себя в руки. Добрел до свободного столика и присел, обхватив голову руками.

Думай, болван, думай! Ты должен рассуждать холодно и трезво — трезво? — если хочешь одолеть долбаную систему. Так... Где расположен излучатель импульса? Весь город охвачен антеннами ТВ, сети и радиосвязи. Любая из них может оказаться проклятым излучателем. Ходить и громить все подряд? Нет,

так меня быстро утилизируют. Бежать? Не может же импульс охватывать всё вокруг, должны быть мертвые зоны. И что, прятаться остаток жизни лесным дикарем? Эх, ну почему я один в своей беде, почему мне не с кем посоветоваться...

Стоп!

Лури сказал — таких как я, один на миллион. Значит... я не одинок! Где-то далеко могут отыскаться союзники, такие же несчастные, но не сломленные. Их нужно найти, мы должны объединиться! Стоит пошарить в интернете, вдруг они уже ищут меня. Вдруг что-то получится...

С этими мыслями Марк сорвался и поторопился к выходу.

— Эй, а расплачиваться кто будет?

Бармен возник на пути, словно из ниоткуда, со счетом наперевес.

— Ах да, простите.

Марк полез в карман и вздрогнул, обнаружив, что сумма на счете втрое превышает наличные в бумажнике.

Что за...

Бармен, почуяв неладное, злобно оскалился и угрожающе погладил кнопку, блестящую на браслете. Нажми такую, и робот-вышибала не заставит себя ждать. Но Марк не испугался. Напротив, он понял — здесь и сейчас можно, наконец, выступить против траханой системы, нанести ей первый ощутимый удар, который положит начало беспощадной войне. Марк крепко вцепился в оба своих верхних клыка. Пожалуй, еще ни один человек так отчетливо не чувствовал, что у него есть зубные нервы. Они запылали, как высоковольтные провода. Руки задрожали от напряжения, рот наполнился густой соленой кровью. Медленно и нехотя корни разворачивали мякоть десен.

Хрррусссь!

Бармен был бледен, испуган, ошарашен. Как и все присутствующие.

— Вот,— прошепелявил Марк, сунув кровавые клыки ему в руку,— сдачи не надо.

Проститутка упала в обморок. Один из подростков облил коктейлем товарища, а тот его даже не обматерил. Какой-то толстяк взвизгнул и заерзал на стуле, будто пытаясь порвать неви-

димые ремни. По подбородку Марка стекали две струйки, капали на грудь, на пол. Никто не помешал ему гордо выйти, показав камере слежения средний палец. Для людей, превращенных в фанатиков культа клыков, произошедшее оказалось настоящим шоком. Никто из них не был способен на подобное. Зубы стали для них неотъемлемой частью не только плоти, но и сознания.

Улица встретила героя ночным холодом и рассеянным светом вывесок. Вокруг — ни души. И тихо, словно весь мир притаился, затаив дыхание, перед человеком, полным воли и решимости. Он пересек дорогу, миновал одну улицу, вторую. И тут его ослепила резкая вспышка автомобильных фар. Марк выругался, сплюнув кровью. Отшагнул, заслоня глаза. В кармане завибрировал мобильник...

— Мистер Марк?

— Лури?!

— Отважный поступок, ничего не скажешь. Но, увы, бесполезный.

— Я не сломаюсь!!!

— Уже неважно. Ваша судьба решилась еще в полдень. Но мы не торопились, выяснив, что вы в баре, и решили позволить выпить вам свою последнюю алкогольную дозу. По доброте душевной.

— Чего... Что вы несете?!

— Выяснились новые обстоятельства. Иммуитет к импульсу передается по наследству. К сожалению, а может и к счастью, — стерилизация сейчас запрещена. А вот несчастные случаи никто не отменял. Так что... Простите, ничего личного. Работа, знаете ли...

Взревел двигатель, задымились покрышки. Навстречу Марку, сверкая зазубренным бампером, помчался вариант № 3.

КОСМИЧЕСКИЙ МУСОР

Шестопалов глубоко вздохнул и проснулся. Резко открыл глаза, судорожно сжал пальцы на подлокотнике ложементы.

«Кажется, приближаемся! — Первая же мысль заставила улыбнуться — растянуть ссохшиеся губы в ликующей гримасе.— Разбудили! В маску перестал поступать анестетик. Точно, приближаемся! Ура! Пришло время человека!..»

Восторги Шестопалова прервал чужой сдавленный стон. Стонали слева, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

«Напарник,— сморщился Шестопалов, хотя тут же сменил недовольство на любопытство.— А вдруг это — женщина?!..»

Прежде с женщинами у него совсем не складывалось, а тут для своей попутчицы он — единственный мужчина на сто миллионов километров. На сто миллионов километров и, судя по всему, на всю оставшуюся жизнь.

«Глядишь, поладим...— Плохо контролируемое тело Шестопалова наполнилось приятным теплом.— Дай бог, чтобы — женщина. Ведь может же это быть женщина?»

Надеяться он мог на всё что угодно, поскольку о половой принадлежности будущего напарника предупрежден не был и на корабль попал уже в бессознательном состоянии, усыпленным.

— Нацепили намордник, скоты! — сменила стоны членораздельная, стопроцентно мужская речь. Отчетливая даже сквозь кислородную маску.— А если б, пока я спал, с меня этот респиратор слетел? Эй, кто тут есть? Отстёгиваться уже можно? Эй,

сосед! Проснулся? Слышишь меня? Ты в этом во всём разбираешься?

— Слышу,— промычал обиженный на судьбу Шестопалов.— Разбираюсь. Рано отстёгиваться.

— Лады, подождем. Значит, всё-таки подлетаем? Не развалились на полпути? Ха-ха-ха! И что дальше? Торжественная высадка землянина на чужую планету? Так, что ли? Ха-ха-ха! — Напарник не на шутку развеселился.— Самое время выбирать капитана нашей посуды! Того, кто сделает первый «маленький шаг». Ха-ха-ха! Меня зовут Витмэн. Слышал обо мне? Чего молчишь? Не оклемался ещё? Ты-то кто? Скольких порешил? Тебя за что в эту жестянку запихнули?

Шестопалов повернул голову в сторону, откуда раздавался голос напарника, но, разумеется, ничего не увидел. Осветительные приборы, как и иллюминаторы, на корабле отсутствовали. Впрочем, Шестопалову необязательно было разглядывать Витмэна, он отлично знал, как выглядит этот тип.

«Безумный киношный профессор — ключья седой бороды, глаза — сплошные черные зрачки — навывате... Он и есть профессор, бывший профессор... Химик... Фармаколог, проводивший бесчеловечные опыты над пациентами,— Шестопалов инстинктивно подался вправо. Недавней эйфории пропал и след.— Отравитель, серийный убийца. Вот с кем придется встретить смертный час. Кроме этого сумасшедшего, я больше никого никогда не увижу. Кроме как с ним, ни с кем не поговорю...»

При мысли о смерти Шестопалову стало страшно, захотелось немедленно признаться в совершенном обмане. Всё равно кому, пусть даже Витмэну.

— Меня ни за что,— честно ответил он на последний вопрос напарника.

— Что значит «ни за что»? За ерунду, за мелочовку? Хочешь сказать, одного или двух прихлопнул, не больше?

— Ни одного.

— Мальчик, не ломайся передо мной! — сорвался Витмэн.— Я тебе не высокий суд! Всё кончено, говори как есть.

— Я ни в чём не виновен.

— Не морочь мне голову, ты не можешь быть невиновным! — заскрипел зубами Витмэн. Но, видимо почувствовав, насколько он слаб даже для гнева, сбавил обороты, заговорив намного тише и с паузами: — Малыш, не лечи меня. Вымирающее человечество... в наш гуманнейший двадцать второй век... дорожит каждой жизнью. А в космос отправляют только роботов... и тех мерзавцев, которых просто опасно оставлять на планете... вроде нас с тобой. Королевская казнь, знаешь ли. Ещё Людовик XVI советовал братьям Монгольфье... в качестве первых воздухоплатователей... посадить в аэростат парочку приговорённых к смерти. Разобьются — не жалко... Дьявол! Я отравил, по меньшей мере, девятерых, а для меня пожалели одной пистолетной пули!.. Знаешь, что сказал мне судья? «Витмэн, вы послужите науке и будущим поколениям». Тебе такое говорили?

«Говорили», — Шестопалов снова прикрыл глаза.

Ему об этом говорил судья. Зачитывая приговор. Однако прежде долго и нудно извинялся перед подсудимым за свою вынужденную «жесткость». Бубнил казённые фразы о том, что нет на Земле более ценного, чем человеческая жизнь, посягнуть на которую общество не имеет права. А потому даже неисправимых убийц ждет не гильотина или электрический стул, а гораздо менее суровое наказание — космический полёт. Шестопалов слушал судью с раздражённым выражением лица — никак не мог дожидаться, когда же этот напыщенный служитель Фемиды скажет: «Приговаривается к участию в межпланетной экспедиции...»

«Ну судья-то — дурак дураком, — усмехнулся про себя Шестопалов. — А вот адвокат меня раскусил. Старый лис. Что он говорил, когда я отказался от его услуг? Что прекрасно знает людей, что такие рафинированные слюнтяи, такие слабаки с тонкой конституцией и ранимой душой, как я, испытывают угрызения совести, даже если о лобовое стекло их автомобиля разбивается бабочка. Короче, то, что я неспособен убить...»

— Я никого не убивал, — повернулся в сторону Витмэна Шестопалов. — Я признался в чужих убийствах, чтобы полететь в космос. Я с детства мечтал полететь в космос.

— Чего?! Ты это серьёзно?! — простонал Витмэн. Потом заорал: — Идиот! И о чем ты сейчас думаешь? Думаешь, ты — ге-

рой?! Болван, ты — подопытная крыса! Ты нашпигован датчиками, как хорошее сало чесноком! Даже когда ты сдохнешь, они не перестанут передавать информацию о твоём разлагающемся зловонном ливере и окружающей его среде. Ха-ха-ха! Ты даже не человек, ты — робот, ты — поставщик информации, ты — зонд!..

«Я не робот! — огрызнулся про себя Шестопалов. — Я — космонавт!»

— ...Мы с тобой летим в гробу! В таких саркофагах нет героев... — От избытка чувств Витмэн задохнулся и противно захрипел, ему явно не доставало воздуха. — В них — мразь, убийцы, сволочи. Ты понял меня? Мы — отбросы общества. Космический мусор. Ха-ха-ха!.. Послушай, вот что я тебе скажу... как только мы шлёпнемся на эту неизведанную планету... будь она проклята... я сломаю тебе ноги и руки... чтобы ты не смог даже выползти из этой консервной банки... герой!..

И тут Витмэн неожиданно заснул. Самым натуральным образом. Захрипел сквозь респиратор. Словно его снова усыпили, снова подали в маску анестетик.

«Сбой программы? — растерянно закрутил головой Шестопалов. — Нас ошибочно разбудили раньше срока и теперь усыпят снова? Сначала Витмэна, затем меня? Что-то надо делать, пока я в сознании...»

Он торопливо выпутался из ремней, глубоко вздохнув, снял маску, после чего дотянулся до напарника и ухватился за его «прикованное» к подлокотнику запястье. Теперь можно взлетать. Когда-то он мечтал насладиться невесомостью, но сейчас даже не обратил на неё внимания, просто подплыл к Витмэну и воспарил над ним.

«Скотина, гнида... — Шестопалов нащупал на лице напарника „намордник“ и, вцепившись в него, решительно рванул на себя. С хрустом лопнули пластмассовые застёжки, отброшенная маска полетела куда-то далеко в сторону, а пальцы обеих шестопаловских рук что есть силы вонзились в горло дрыгающегося Витмэна. — Это ты — мусор, ты! А я... я — космонавт! Космонавт!..»

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Казнить смертников вывели на рассвете. Двоих: тощего плешивого мошенника и кряжистого рыжего иноверца. Вытолкали из королевских подземелий на свет божий и плетью погнали на площадь Висельников.

Солнце едва взошло, но охочая до зрелищ толпа уже запрудила площадь. Мрачно переругивались городские оборванцы, отпускали неуклюжие шутки лавочники, да степенно покашливали в кулаки ремесленники и мастеровые. В публичных казнях в королевстве знали толк. И, что ни утро, рубили на площади Висельников головы. Иных, правда, сжигали, а кого попроще, так и вздёргивали наскоро, на радость воронам, что расплодись за последние годы числом несметным.

— Фальк, сын Фреола,— перекрыл шум толпы голос городского глашатая,— уличён в лихоимстве, повинен в мошенничестве и воровстве. Приговаривается к отсечению головы. Фаркей, сын Фиримона, уличён в святотатстве, повинен в иноверии и колдовстве. Приговаривается к сожжению на костре.

Стража выстроилась в каре, под улюлюканье и свист поволокла приговорённых к центру площади Висельников. Опёршись на рукоять топора, замер рядом с плахой палач. Его подручные сноровисто и деловито укладывали последние вязанки хвороста у подножия вырытого в землю столба.

Когда меж зубцов восточной городской стены выглянул золотой диск солнца, когда стража, расступившись, бросила

смертников на колени, когда первый удар колокола возвестил, что в королевство пришёл новый день, распахнулись ворота примыкающей к площади Висельников с юга Святой Обители. Его блаженство авва Фернар, десница и глас Господний, второе лицо в стране после короля, ступил на площадь. Враз сошла на нет людская разноголосица. В нарушаемой лишь отрывистым вороньим карканьем тишине авва Фернар, поджарый, жилистый, однорукий, стремительным шагом двигался по образованному раздавшейся толпой коридору. Обрубок отсечённой по локоть левой руки подобно маятнику раскачивался в такт шагам.

Было его блаженству за сорок. И было в его гордом, властном лице нечто такое, что заставляло людей робеть и отводить взгляды. Каждодневная аскеза не иссушила мускулистое, налитое сдержанной силой тело воина. Авва Фернар и был воином до того, как принял сан. Именно он, командуя конницей, переломил ход решающей битвы в двадцатилетней давности Войне за Веру. И счёл своим долгом взять на себя власть церковную сразу после победы. С боевым клинком, однако, его блаженство так и не расстался, короткий меч по-прежнему был приторочен к перетягивающему сутану ремню.

В пяти шагах от приговорённых авва Фернар остановился. Вор и мошенник Фальк с мольбой и подобострастием глядел на него с колен. Авва Фернар был сейчас его последней надеждой: право помилования осуждённых издревле, ещё со времён многобожия, принадлежало главе духовенства, второму лицу в стране после короля.

Его блаженство вскинул уцелевшую в битве руку и обратил лицо к небесам. Дела осуждённых на смерть авва Фернар знал наизусть. И сейчас молил Всевышнего за раба Божьего Фалька. Молил, пока не раздался в голове неслышимый для других глас Господний.

Авва Фернар резко выдохнул, воздетая к небесам рука полетела вниз.

— Волей Всевышнего этот человек помилован! — низким, с лёгкой хрипотцой голосом выкрикнул он. — Дайте ему коня, пусть уходит!

— Святой отче,— тощий плешистый Фальк грянулся оземь, извиваясь, пополз вперёд. Исступлённо, в кровь разбивая губы, принялся целовать землю.— Заступник, святой отче, живи ж ты вечно...

Авва Фернар шагнул к плечистому иноверцу, упёр взгляд в заросшее рыжим волосом лицо.

— Чего уставился, святоша? — с издёвкой спросил вдруг тот.— Таким, как я, Господня милость заказана, не так ли?

Авва Фернар, проигнорировав дерзкую речь, вновь вскинул руку, обратил лицо к небесам и стал просить Господа за раба Божьего Фаркея. Он знал, что смертник прав: для святотатцев у Создателя милости нет, за многие годы Всевышний не пощадил ни одного. Вот и сейчас его блаженство ждал минуту, другую, третью... Господь безмолвствовал. Авва Фернар опустил руку.

— В помиловании отказано. Предайте его огню!

Смертник внезапно расхохотался.

— Желаю тебе поскорее оказаться на моём месте, святоша.

Авва Фернар повернулся к приговорённому спиной и пошёл с площади прочь. Дерзкий лающий смех летел ему в спину. Что ж, кем-кем, а трусом иноверец не был. Как, впрочем, и большинство из них, пришла вдруг крамольная мысль. Авва Фернар привычным волевым усилием её подавил.

* * *

До полудня его блаженство разбирал дела, коих накопилось изрядное множество. Затем скромно отобедал в общей трапезной и велел послушнику подседлать жеребца. Лошади были слабостью святого отца, едва ли не единственной, ещё с прежних времён, с войны. Верховую езду сменило фехтование, за ним последовала уединённая молитва, так что в подземелье его блаженство спустился к трём пополудни.

Было в подземелье промозгло и стыло. И безмолвно: гнетущую, ватную тишину нарушали лишь редкие вопли, доносящиеся из дальних пыточных. Неслышно ступая, авва Фернар двинулся по коридорам. В конвое он не нуждался, шёл один, ведомый мятущимся огоньком со свечного огарка. У за-

бранных решёткой одиночных казематов, в которых томились смертники, останавливался, подолгу смотрел вовнутрь и шагал дальше. Лиходеи и лихоимцы, разбойники и казнокрады, под пыткой признавшиеся в содеянном, — у каждого из них оставался ещё шанс. И шансом этим был он, авва Фернар, тот единственный, кто способен был слышать глас Господний. У врагов короны, мятежников и бунтовщиков, безбожников и иноверцев шансов не было никаких. Предательства Господь не прощал.

Камеру, где содержалась преступница, приговорённая к казни на завтра, его блаженство оставил напоследок. Поднеся к решётке свечу, всмотрелся в лицо узницы. Была та совсем молода и, даже измождённая, истерзанная пытками, дерзко и удивительно красива. Безбожница и бунтовщица, поносившая святую церковь и злоумышлявшая на короля, припомнил авва Фернар. Он нахмурился, отринул внезапно охватившую его жалость и зашагал к ведущей вверх лестнице.

* * *

Растаяли под сводами Святой Обители последние слова вечерней молитвы, и авва Фернар направился в свою келью. Ни размерами, ни убранством та не отличалась от прочих. Пять шагов в длину, три в ширину. Вся обстановка — дощатый стол, два плетёных стула, чулан да ветхий топчан в углу.

Авва Фернар переступил порог и притворил за собой дверь. Чужое присутствие он даже не увидел — почувствовал. Виду не подал, лишь дрогнул огонёк с зажатой в руке свечи, да холодная струйка пота чиркнула от затылка по позвоночнику.

— Ну, здравствуй, Фернар, — произнёс из темноты за спиной низкий, с лёгкой хрипотцой голос. Его блаженство впервые за многие годы ощутил страх. Был голос говорившего ему не просто знаком — был он неотличим от его собственного.

Авва Фернар медленно повернулся, шагнул вперёд раз, другой. И в свечном сплоте увидел сидящего за столом человека. С лицом, так же неотличимым от его собственного, как и голос.

— Филип... — едва слышно прошептал авва Фернар. — Ты... — Он осёкся. — Живой?

— Как видишь, — подтвердил гость.

Были Фернар и Филип братьями. Близнецами, рождёнными в один день. И были они неразлучны. До тех пор, пока в нищем, раздираемом междоусобицей, погрязшем в многобожии и неверии королевстве не взошёл на престол новый монарх, адепт и посланник единого Господа. Через год после коронации вспыхнула, а потом и захлестнула страну война. Пятилетняя, кровавая, страшная, названная Войной за Веру и закончившаяся победой короны.

Междоусобице настал конец. Уцелевшие уездные князья и бароны присягнули монарху на верность. Владения не уцелевших отошли в казну. Объединённое именем Господа королевство встало с колен. Но подняться в полный рост всё ещё не могло. В провинциях один за другим зарождались, набирали силу и кровавили землю бунты и мятежи. Не принявшие истинную веру отщепенцы и изверившиеся безбожники терзали страну дерзкими набегами, громили воинские гарнизоны, жгли церкви, умерщвляли королевских наместников и мытарей. Выбрались из чащоб и сели на проезжие тракты лесные разбойники. И, выжидая, копили силы воинственные соседи.

Под королевские знамёна братья встали вместе. Филип офицерствовал в пехоте, Фернар — в кавалерии. И воевали за короля до тех пор, пока Филип не дезертировал накануне решающего сражения, уведя за собой пехотный полк. Конной атакой переломивший ход этого сражения и потерявший в нём руку Фернар публично отрёкся от брата. А год спустя получил известие о его смерти...

С минуту братья молча, словно в зеркало, глядели друг другу в глаза.

— Как ты попал сюда? — прервал наконец молчание авва Фернар. — И зачем?

Филип хмыкнул, пожал плечами.

— Присядь, — предложил он. — Можешь считать моё появление у тебя Божьим чудом, брат. Впрочем, можешь считать чем угодно. Важно, что я здесь. И что я здесь с просьбой.

— С просьбой? — удивлённо повторил авва Фернар.— Ко мне? С чего ты взял, что я стану её выполнять?

Филип задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Всё же присядь, брат,— попросил он.— Ты не спрашиваешь, где я был и что делал все эти годы?

— Мне это безразлично,— авва Фернар остался стоять.— Впредь изволь не называть меня братом. Брата у меня нет, я потерял его в тот день, когда выяснилось, что он — предатель и трус.

— Что ж,— Филип усмехнулся.— А я вот продолжаю считать тебя братом. Несмотря на то что брат у меня, по сути, фанатичный палач.

Авва Фернар закаменел лицом, ладонь метнулась к рукоятке клинка.

— Полноте,— Филип даже не шелохнулся.— Неужели ты поднимаешь на меня руку?

Авва Фернар стиснул челюсти, усилием воли сдержал гнев.

— У нас три руки на двоих,— сказал он.— И всего одна из них принадлежит мне. Но её хватит, чтобы...

— Ты заблуждаешься,— прервал Филип.— Можешь полагать меня трусом, твоя воля. Но ради твоего же блага — не думай, что лучше меня управляешься с клинком.

— Ты угрожаешь мне?

— Предупреждаю. В общем, так,— Филип подобрался.— Завтра твоя свора собирается казнить девушку по имени Франия, обвинённую в безбожии и мятеже. Прошу тебя: не допусти этого.

Авва Фернар ошеломлённо потряс головой.

— Ты не в своём уме,— бросил он.

— В своём. Я прошу тебя помиловать осуждённую.

Его блаженство презрительно скривил губы.

— Вот, значит, для чего ты явился ко мне,— проговорил он.— Напрасно пришёл. Я никого не милую, милует Господь Бог.

— Бога нет,— возразил Филип насмешливо.

Авва Фернар, смежив веки, с минуту молчал. Потом сказал спокойно:

— Только за эти слова ты уже заслуживаешь смерти. Но ради нашей покойной матери я пощажу тебя. Уходи откуда пришёл.

— Я уйду не раньше, чем закончу дело с тобой. Значит, милует Господь Бог. Ну допустим. И как же он это проделывает?

— Глас Господний раздаётся у меня в голове.

Филип усмехнулся и посмотрел на брата в упор.

— Это всего лишь голос твоей совести, Фернар. Вернее, того, что от неё осталось. Твой господин утопил королевство в крови. А ты прислуживаешь ему, как цепной пёс, прикрываясь этим своим истуканом, которого величаешь господом.

Авва Фернар рванул из ножен клинок. В то же мгновение Филип вскочил, ногой отпихнул от себя дощатый стол и отпрыгнул назад.

— Прибери оружие, Фернар,— выдохнул он.— Прости меня за мои слова, я сказал их в запале. Я молю тебя,— Филип шагнул вперёд и неожиданно пал перед братом на колени: — Пощади девушку! Она — моя дочь.

— Что?!

— Франия плоть от плоти моей и единственный живой человек одной с нами крови. Клянусь в том памятью матери.

Авва Фернар с силой вогнал в ножны меч. Отступил назад. Мать умерла, когда им с Филипом не исполнилось ещё и двенадцати. Отец пережил её на год и оставил после себя лишь долги. Имение ушло с торгов, и идти бы близнецам по миру, не заметить их наследный принц. Будущий король взял сирот под свою руку, потом приблизил к себе. Дал им образование, офицерские чины, а взойдя на трон, дал и веру. Королю братья были обязаны всем. Оба. Но только он, Фернар, долг свой оплатил. А трус и чистоплюй Филип в решающий момент предал. Король немилосердно жесток, сказал Филип двадцать лет назад, в тот день, когда последний раз видел брата. Что ж, он прав, к врагам его величество жесток и немилосерден, но что с того?

Сейчас человек, которого Фернар некогда называл братом, пытался шантажировать его. Совесть, голос крови, родственные чувства — всё пошло в ход. Напрасно. Тот, кто посвятил себя службе Всевышнему, глух к увещаниям и мольбам. У него есть к чему прислушиваться и чьей воле повиноваться.

— Убирайся прочь,— твёрдым голосом велел его блаженство.— Уходи, пока я не приказал...

— Не приказал что? — Филип медленно, в три приёма поднялся с колен.— Схватить меня и предать пыткам?

Авва Фернар не ответил. Филип, опустив голову, долго молчал, потом проговорил глухо:

— Ты отказываешь мне в просьбе?

— Отказываю.

— Что ж... — Филип скрестил на груди руки.— Ты не спросил меня, как я провёл все эти годы, но я скажу тебе сам. Я, видишь ли, воевал за веру. Нет, не за то, что полагаешь верой ты. А за то, во что должен, обязан верить всякий порядочный человек. За принцип, называемый свободой, который важнее чувства долга, важнее мужества. Вряд ли ты поймёшь почему. Да, я знаю, у тебя тоже есть принципы. К примеру, знаю, как поступил бы ты, окажись сейчас на моём месте. Ты заколол бы меня, а завтра принял бы смерть вместе со своей дочерью. Это в твоём понимании был бы честный, мужественный поступок, не так ли?

Авва Фернар вновь не ответил.

— Бывает мужество и другого толка,— сказал Филип и неожиданно улыбнулся.— Знаешь, брат, я тебя убивать не стану.

* * *

Смертницу вывели казнить на рассвете.

— Франия, дочь неизвестного,— разносился по площади Висельников зычный голос городского глашатая,— уличена в святотатстве, повинна в безбожии и мятеже против короны. Приговаривается к сожжению на костре.

С первым ударом церковного колокола врата Святой Обители распахнулись. Авва Фернар, десница и глас Господний, второе лицо в стране после короля, ступил на площадь. Провожаемый хриплым вороньим карканьем, двинулся по образованному расступившейся толпой коридору. Обрубок отсечённой по локоть левой руки подобно маятнику раскачивался в такт шагам.

Брошенная на колени смертница ошарашенно смотрела его блаженству в лицо. Авва Фернар на мгновение задержал на ней взгляд. Затем вскинул уцелевшую руку и обратил лицо к небе-

сам. Недвижно стоял минуту, другую. Резко выдохнул и распрямил плечи.

— Волей Всевышнего эта женщина помилована! — хрипло выкрикнул он. — Подседлайте ей коня, пусть уходит!

Развернулся и пошёл от спасённой прочь.

— Ваше блаженство, — догнал священника ошеломлённый начальник стражи. — Ваше блаженство, эта женщина... Она преступница и еретичка. Она...

Авва Фернар остановился. Проводил взглядом удаляющуюся с места казни всадницу.

— Я слышал глас Всевышнего, — сказал он. — Создатель велел помиловать её. Впрочем, возможно, Господь ошибся.

— Что?! — опешил начальник стражи. — Что вы сказали?

— Сказал, что Всевышний, возможно, неправ, — пояснил авва Фернар.

От изумления у начальника стражи перехватило дыхание. Первый духовник королевства усмехнулся и нетвёрдой походкой побрёл по направлению к конюшням. Начальник стражи оцепенело смотрел ему в спину. Затем опустил взгляд и ахнул. За святым отцом тянулся по брусчатке кровавый след.

* * *

К полудню авва Фернар освободился от пут. Рывком выдрал изо рта кляп. Преодолея боль, поднялся, его шатнуло, от слабости подкосились колени. Его блаженство вцепился пальцами в стол, чтобы не упасть. Голова раскалывалась, и саднило в виске, в том месте, куда брат нанёс удар рукояткой меча.

Опустив взгляд, авва Фернар долго смотрел на подсыхающую на каменном полу кровавую лужу. И на руку брата, которую тот, намертво перетянув жгутом плечо, ударом клинка отсёк по локоть. Отсёк, даже не вскрикнув от боли и не застонав. Мертвая рука, казалось, глумилась над авва Фернаром посиневшими, сложенными в непотребном жесте пальцами.

ПРЕДАТЕЛЬ

Запахло арахисовым маслом, и Ян вскочил. Рюкзак в двух шагах, но нет, не успеть. Сердце в горле, ком в брюхе — чёртов адреналин! — но палец уже снял блок и лёг на крючок. Ствол вверх — они всегда там. Вовремя. Жёлтые шары, невозможно быстрые, хлопок выстрела, ещё хлопок — и вот две твари корчатся под ногами, источая ореховый смрад.

Метко. Повезло. Ян крутанул головой — больше никого. Пока. Цапнул рюкзак. Удирать. Сейчас здесь будет весь лес.

Ошибка. За полминуты можно было вырвать из клапана «Интегру» и прогреть её. И тогда из добычи он превратился бы в охотника. А с пистолетом против стаи...

Второй удар застал его врасплох. Желтяки попёрли с подветренной стороны — потому он их не учуял. Мохнатые шары размазались в воздухе — глаз не успевал за движениями, и лишь рука рефлекторно вскинула ствол навстречу атаке. Троих Ян снял в полёте, но остальные выстрелы ушли мимо. Он увернулся от раззявленной пасти с двумя рядами кривых зубов, но желтяк, сделав пируэт, вгрызся в плечо. Едва Ян сострелил его с себя, как новые твари ударились в спину и сбили с ног.

Поцелуй грязи в лицо — и на миг запах тины перебил ореховую вонь. Ян перевернулся, пытаясь подмять под бронекуртку как можно больше зверюг. Одновременно пальцы, вросшие в пистолет, работали, почти не тревожа сознание, сковыривая на землю мечущиеся шары.

То, что его уже едят, Ян понял не сразу. Желтяки жрут безболезненно, внешние челюсти их работают лучше, чем шприцы анестезиолога. Мелкий тварёныш, покрытый совершенно цыплячим пухом, залез под штанину и впился в лодыжку. Ян прицелился и снял мерзавца, едва не задев ступню. Но перед глазами уже замельтешили чёрные сполохи, а изнутри, нарастая зудящей волной, поплыл усыпляющий гул.

Ян чертыхнулся и рванул нагрудный карман. Последняя доза. Не уберёг, но мёртвым антидот не нужен. Разгрыз капсулу, давясь горечью. Сразу вспомнилось, как с ребятами жрали такие горстями — и трое суток с сожжёнными глотками штурмовали цитадель в пятнадцатом квадрате. Пройти тот ад, чтобы стать кормом для желтяков? Хрена вам.

Пистолет выплюнул последний заряд и сдох. И тут Ян осознал, что его больше никто не атакует. Розовое небо лоснилось такой безмятежностью, что захотелось расслабить заостеневшие комы мышц и забыть, где ты.

Нельзя. Ольга.

Он поднялся, расстегнул рюкзак и вытащил тубус «Интегр», жирно поблёскивающий антрацитом. Поставил на прогрев и только теперь позволил себе ощущать. И разом навалилось — острая резь там, где из-под штанины торчали лохмотья кожи, гнилой холод заболоченного леса, звон в контуженых ушах, а поверх всего — нестерпимая ореховая вонь той слизи, что у желтяков вместо крови.

Полгода назад, может больше, к ним с базы забросили ящик арахисового крема. И хотя на войне всегда хочется сладкого, тот ящик стоит нетронутым до сих пор. Никто из ребят тому не удивляется.

Рана на ноге оказалась болезненной, но не кровоточила, а главное, почти не мешала ходить. Боль донимает в лагере, когда сидишь неделями, закопавшись в болото, и ждёшь. Если нужно идти, если есть цель, то боль — ничто. А цель была. Такая, что умири, но дойди. Ольга.

Ольга была женщиной. То есть не просто бойцом иного пола — таких, неотличимых от мужиков, в секторе было полно — а именно женщиной. Никогда раньше Ян не видел приталенной

бронекуртки, расшитой цветочками. Ни от кого в лагере не пахло чем-то иным, кроме пота и армейского мыла, — она же благоухала духами. Кокетство, капризы, порывистость — эти понятия перестали быть для него абстрактными. Но не это главное, нет. Ольга умела глядеть так, что не оставалось ни малейших сомнений, что она — дама, а ты можешь лишь надеяться на место рыцаря у её ног.

Надеялись многие. Едва новенькая прибыла, Папа Док заявил: «Это моя баба!» Оспаривать право капитана никто и не помышлял, однако сама Ольга вдруг дала понять, что решать ей. Элегантно отшила его. И выбрала Яна.

Папа Док это проглотил.

Ян невольно улыбнулся воспоминанию, но стиснул губы, вспомнив, куда и зачем он идёт. «Интегра» уже прогрелась, и он взвалил её на плечо. Неудобно, но убережёт от сюрпризов. Тем более что недалеко уже Дорога. Кстати...

Он прошёлся по полянке, попинывая тушки желтяков, похожие на лопнувшие баскетбольные мячи, истекающие мёдом. Расстрелянные издохли с концами, а вот те, кого он лишь придавил, ещё шевелились. Ян выбрал наименее смердящий из шаров и запихал в рюкзак. Оболочка цела, значит, по пути не очокурится. А вот пистолет уже бесполезен.

Болото чавкнуло, глотая добычу.

Рядом с Дорогой его накрыло. Ян знал про поле — об этом говорят всем новобранцам. Но одно дело слушать сухие слова инструктора, а совсем другое — испытать на себе. Мозг перестал соображать и лишь истошно вопил: «Назад! Прочь!»

Нельзя. Ольга.

Она не вернулась двадцать часов назад. Разведка среднего радиуса не особо опасна, по крайней мере, раньше никто не пропадал. Но Ольге не повезло, её двойка наткнулась на патруль тенгрианцев. Напарник, парнишка из третьей команды, прибежал на рассвете, рассказал, что девушку сцапали. Папа Док запер его в карцере и запретил Яну приближаться к нему ближе, чем на сотню метров. Ян был взбешён. За трусость полагался расстрел без вариантов, но капитан почему-то медлил.

А потом ярость переплавилась в холодную уверенность: нужно идти. Идти одному. Не потому, что Ольгу можно было спасти, — нет, шансов почти не было. И не потому, что он рыцарь, а она его дама, — тут, под розовым небом, романтика не выживала. Идти, ибо иначе нельзя.

И здесь, рядом с Дорогой, тоже нужно идти. Лагерь, болото, лес с желтяками — всё это кончилось, осталось сзади, в ином мире. Его путь — вперёд.

Бился в истерике мохнатый шар в рюкзаке. Человек способен пройти поле, зверь — нет. По сути, и установили его вдоль Дороги лишь затем, чтобы животные не выбегали на полотно.

Они и не выбегали. Но и люди давно перестали ей пользоваться, хотя она оставалась ровной и прямой, как лазерный ожог. Много лет Дорога была заминирована. Заряды активировались движением, чтобы брать танки на антигравитационной подушке.

Ян достал брыкающегося желтяка, размахнулся и кинул его в просвет между деревьями, на полимерный монолит Дороги. Спустя мгновение в обратную сторону летел уже сам Ян, отброшенный воздушной волной нитрокубановых взрывов. Кусты смягчили падение, хотя рана на ноге вновь напомнила о себе.

Путь свободен.

Всё было как будто легче, чем он ожидал. До странности просто, с самого утра, когда Ян уходил из лагеря. Самоволок у них не существовало, да и куда пойдёшь, если вокруг сотни километров болот и лесов. И всё же никто его даже не окликнул. Лишь у периметра из темноты соткался Мичман.

— Идёшь? — спросил он.

— Иду, — отрицать было глупо и незачем, Мичман не сдаст.

Старик вздохнул, посмотрел в сторону.

— Ещё час можно валяться, а мне не спится. Папа Док приказал всех поднять в шесть. Что-то будет.

Ян пожал плечами. Мыслями он был уже далеко. Пытался понять, как можно проникнуть в логово тенгрианцев.

И сейчас, когда Дорога осталась далеко позади, а до вражеской базы рукой подать, плана штурма так и не сложилось. В одиночку цитадели, усиленные крейсерами, не берутся. Чёрт,

её не взять, даже если за Яном стоял бы целый батальон, все пятьсот человек во главе с Папой Доком.

Конечно, можно пытаться прорваться внутрь, уповая на внезапность, «Интегру» и бешеную удачу. И если Ольга жива. Если получится её найти. Если удастся отбить. То надежда есть. Ян нащупал кнопку сейсмокапсулы. Пусть их выбросит за десятки километров от своих. Дойдут.

Шансы микроскопичны. Но там Ольга. И значит, вопрос не стоит.

Сразу вспомнился Василёк, белобрысый смешливый парень, бывший единственным другом Яна на этой планете. На южном перевале они попали под лавину, и Яну повезло выжить и выползти наверх, а Василёк остался где-то в толще снега. И тогда тоже не было выбора. Только копать. Обмороженными ладонями, выбрав место наугад и выжигая последние силы. Без шансов найти человека под тоннами снега. Даже труп потом так и не обнаружили. Но разве можно было тогда не копать?

«Интегра», дорвавшись до работы, довольно заурчала. Мир подёрнулся перламутровой плёнкой, запахло озоном. В прицеле мигнул крестик наводки — цель зафиксирована. Вышибить внешние ворота — хватит одного удара. Если они не под силовым каркасом. Если рядом нет электроловушек. Если удачно попасть. Опять слишком много «если», но увы. А потом — бежать с этой машиной на плече и надеяться, что по ту сторону безумного одиночку не ждёт противопехотная рота.

Чертовски не хотелось умирать. Все инстинкты толкали назад, к своим. Здравый смысл подленько шептал, что рубликон ещё не пройден, что можно уползти отсюда, пока не заметили. Возвратиться в лагерь. Наткнуться на понимающие взгляды ребят, на вопрос под дых «Вернулся?». И жить с этим дальше. Как-то.

Нельзя. Ольга.

Все герои безумны. Но лишь одному из тысячи безумцев повезёт стать героем. Или подвиг, или смерть. Если вдуматься, не самые плохие исходы. Бывает хуже.

Ну, пора.

Удар вышел беззвучным. Ворота в прицеле сменила тёмная дыра. Попал!

Мгновение тишины — и надсадно заверещали сирены. Вспыхнули прожекторы, ощупывая землю вокруг Яна. Дрогнул тёмный силуэт сухопутного крейсера сбоку от цитадели.

Обнаружат — купол «Интегры» продержится минут двадцать. Даже, наверное, выдержит удар-другой основных орудий. Но потом — всё, хана.

И тут Ян с ужасом увидел, что плёнка защитного поля заколебалась, словно мыльный пузырь, и исчезла. Он вытащил и отбросил прочь разряженную батарею. Открыл дверцу отсека запасных аккумуляторов — и омертвел. Ниша была пуста. Накануне он собственными руками вставлял туда три новеньких цилиндра! Чертовщина какая-то...

Глаза ослепли — его нашёл прожектор. Палец вдавил кнопку сейсмокапсулы, но та не отозвалась. Ян отшвырнул бесполезную «Интегру» и попытался вынырнуть из пятна света. Однако путь преградила машина крейсера, ошетилившаяся орудиями. А с другой стороны уже слышался топот и хриплое дыхание. Оставалось лишь поднять руки.

— Ваше имя?

— Ян.

— Занятие?

Вопрос был формальным. Зелёные нашивки на рукавах выдавали его с головой.

— Военный.

— Какое задание выполняли?

— Разведка.

Допрашивающий приподнял бровь:

— И давно ваши разведчики вышибают двери?

— Разведка с диверсией.

— В каком квадрате ваш лагерь?

Офицер смотрел цепко и долго. Ян выдержал его взгляд.

Подошла пухлая медсестра с приготовленным шприцом. Тенгрианец кивнул ей.

На юге их учили, как противостоять «сыворотке правды». Кто бы мог подумать, что ему в самом деле придётся применять эти умения.

Туман плыл, заполняя камеру. Взгляд никак не хотел фокусироваться, выхватывая то кусок стены, то чьё-то лицо, то снова и снова — руку медсестры, её грудь, едва помещающуюся в комбинезон, и шприц.

— Где стоит лагерь? Назовите квадрат. Покажите на карте, где ваш лагерь.

Ян говорил. Говорил, не останавливаясь. Единственный способ утаить главное — это рассказывать обо всём остальном. Подробно и детально. О том, какими пучками растёт шерсть на желтых. Об отваре из ядовитых ромашек, исцеляющем мозоли. О повадках снежных крокодилов в южных горах. Он пересказывал инструкцию по разборке и чистке пистолета, цитировал устав караульной службы и громко, с выражением, читал стихи, заученные в детстве.

— Где ваш лагерь? Где ваш лагерь?

Шприц. Лекарственная вонь. Грудь медсестры в разрезе декольте похожа на белую плесень, что мгновенно появляется в отхожих местах и лезет, набухая, из всех выгребных ям на этой планете. Яна мутило, мутило отчаянно. Хотелось выпростать из себя слова, которых добивается тенгрианец, а вместе с ними — и все внутренности.

А потом вдруг что-то изменилось. В воздухе зазвучало слово «Ольга», а туман сгустился и покрыл всю вселенную.

— Ольга у нас.

Голова раскалывалась, но в мозгах наступила ясность. И можно было предаваться блаженному молчанию.

— Ольга у нас, Ян,— повторил офицер, пристально глядя в глаза.— Она жива.

В голосе его прорезалось даже какое-то сочувствие.

— Пока жива, Ян. И в вашей власти оставить её в живых.

Он начал понимать. И сразу захотелось обратно, в туман. Но тенгрианец вбивал слова, как гвозди:

— Назовите квадрат, Ян. Скажите, где ваш лагерь. И мы отпустим и Ольгу, и вас.

Пятьсот человек. Пять сотен ребят, живых, надёжных, матерящихся и смешливых, — на одной чаше. И единственная женщина — на другой. Любимая женщина.

Больше нет вилки — подвиг или смерть. Остался выбор между предательством и предательством.

— Нет... — прошептал он.

Офицер пожал плечами. Подозвал охранника.

— Убейте её. Стоп. Не просто так, а потравите газами. Чтобы помучилась. Часов на шесть агонии, хорошо?

— Так точно! — гаркнул помощник. — Разрешите выполнять?

Бухнул колокол. Потом ещё и ещё. Убыстряясь, отстукивая какой-то невероятный ритм. Ян не сразу понял, что это бьётся его собственное сердце.

— Квадрат эф-шестнадцать, — произнёс он. — К западу от озера. Дайте карту, я покажу.

В камере сначала кормили. А на третий день, когда загрохотали орудия, еду перестали приносить. Ян слушал канонаду безучастно. Не понимая, что происходит там, за трясущими стенами. И не желая понимать.

А потом всё стихло. Щёлкнул замок. И в проёме показался тот, кого Ян никак не ожидал увидеть.

— Жив?! — воскликнул Мичман. — Жив, дурилка! Ребята, он здесь! Живой!

В камеру ввалились парни из команды Яна и соседних подразделений. Те, с кем он спал в одной палатке и шёл в бой плечо к плечу. Те, кого он предал три дня назад.

Знакомые лица, усталые, закопчённые, но довольные. Руки, пахнущие мазутом и гарью. Они хлопали Яна по плечу, улыбались и что-то говорили, все одновременно.

— Да хорош базарить, народ! — прикрикнул Мичман. — Смотрите, морда у него одурелая. Он же ничего не понимает пока! А ну идите пока, поболтаем тет-а-тет, так сказать.

Вопрос застрял в гортани. Но Ян его всё-таки вытолкнул:

— Что с Ольгой?

— С Ольгой-то? — Мичман оглянулся и прикрыл дверь. — Да всё с ней хорошо.

— Жива? Освободили?

— Жива... — Старик отвёл глаза. — Даже не знаю, как тебе сказать-то... В общем, не захватывали её тенгрианцы.

Ян помотал головой:

— Как это?

— Это Папы Дока идея... — Мичман по-прежнему смотрел мимо. — Её на заимке спрятали. А нам с утра, как ты ушёл, был приказ сниматься и передислоцироваться. Заняли позиции с двух сторон, подготовились, пристреляли наш бывший лагерь. А через двое суток туда сунулись тенгрианцы, оба крейсера и толпа пехоты. В общем, все они там и остались, до единого. А мы в контру — и взяли вот цитадель, она почти пустая была.

Ян взялся за голову. До него стало доходить.

— Так Ольга всё это время... А откуда тенгрианцы о ней-то?..

— Тебя ж наверняка кололи. Папа Док думал, против «сыворотки правды» ты и часа не выдержишься, всё скажешь... Он хитрый лис, ты ж его знаешь. Что-то говорил про гамбит... И ещё, что троянскому коню, мол, сейсмокапсула не нужна.

— Так что ж это... Моя «Интегра»... Батарейки...

Мичман пожал плечами:

— Он в ту ночь заходил... Зато сектор теперь наш, сечёшь?!

Ольга стояла у входа в портал. Роскошная копна волос, гражданская одежда, макияж — рядом с ней Лин, бритая наголо и в армейском комбинезоне, казалась мальчишкой.

— Может, передумаешь? Оттуда не возвращаются.

— Нет, — Ольга мотнула головой, красиво расплескав волосы.

— Так и не простила его? Считаешь предателем? Он ведь сдал нас ради тебя...

— Да при чём тут это! — Ольга поморщилась. — Ты видела запись его допроса? Видела, как он пялился на сиськи медсестры?! Кобель!

Она махнула рукой, подхватила сумку и шагнула в портал.

Р89   Русский Фантастический. № 2. Фантограф. — Москва: АСТ, 2014. — 317 с. — (Альманах фантастики и фэнтези).

ISBN 978-5-17-084560-6

Писатели-фантасты не закрываются от настоящей жизни, а наоборот, открывают ее новые, неожиданно удивительные грани. Оказываясь в их мирах, читатель лучше понимает, как ему жить в этом. Оттого фантастика всегда притягательна.

Мы продолжаем представлять рассказы, написанные русскими фантастами — победителями конкурса, организованного независимыми экспертами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 20.03.14.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 2000. Заказ № 745

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Литературно-художественное издание

16+

№ 2 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

ФАНТОГРАФ

Художественный редактор *Марина Акинина*

Технический редактор *Валентина Беляева*

Компьютерная верстка *Татьяны Алиевой*

Корректор *Валентина Леснова*

ООО «Издательство АСТ»

127006, г. Москва, Звездный бульвар,

д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Фантастика — пожалуй, единственный жанр, интерес к которому неизменно силен во всем мире. Люди всегда пытались угадать будущее или просто мечтали — и в этом причина успеха фантастической литературы.

Представленные рассказы — именно русская фантастика. Многие авторы этого сборника — дебютанты, но все они — победители конкурса, организованного независимыми экспертами.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Провоторов		Андрей Пустовойтов	
Чувство долга	3	Агуманизм	197
Долли	26	Кристина Каримова,	
Сергей Фомичёв		Ольга Корчёмкина	
Чума болотная	47	Время выбора	203
Ирина Станковская		Андрей Шевченко	
Вторжение на Симмак	69	Хватит врать	224
Марина Ясинская		И. А. Даль	
Фантограф	75	Три четверти	237
Алексей Жарков		Олег Кожин	
Ёрш	95	Мой друг — дракон	248
Майк Гелприн		Максим Черепанов	
Почти разумны	107	Дорогое удовольствие	257
Пальмира Керлис		Часовые любви	269
Дикие вещи	121	Вячеслав Лазурин	
Двое — на выход	131	Клы-к-нролл	281
Василий Гавриленко		Михаил Пегов	
У книги слабый корешок	139	Космический мусор	296
Татьяна Бердник		Елена Елизарова	
Карок	147	Казнить нельзя помиловать	300
Ivanoff Андрей		Дмитрий Карманов	
Художник	161	Предатель	309
Эдуард Шауров			
Эдисон и компания	168		
Страсти святого Дроя	181		

ISBN 978-5-17-084560-6

9 785170 845606

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru